

Ст. 411
0.23

В.А. Образцов, Н.В. Кручинина

**ПРАВОВОЕ
ПОЛЕ**

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ.
РАССЛЕДОВАНИЕ.
ПРОВЕРКА ДОСТОВЕРНОСТИ
ИНФОРМАЦИИ**

Научно-методическое пособие

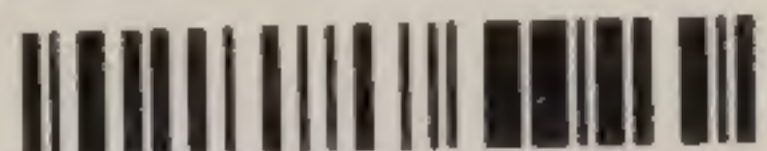

Издательский дом
"КНИЖНАЯ НАХОДКА"

ЦБС №2 СВАО

-110---86---96---218

-49--50---52---5-165

00080793

«ПРАВОВ

Книги по отечественной юр
стике, теории
уголовного розыск
преступ

ПОГА

Москва
КНИЖНАЯ НА
2002

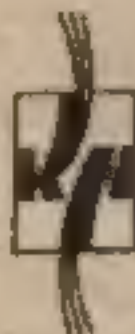
823

1708

СЕРИЯ
«ПРАВОВОЕ ПОЛЕ»

Книги по отечественной юриспруденции, криминали-
стике, теории и практике
уголовного розыска и расследования
преступлений

ПОГАШЕНО

Москва
КНИЖНАЯ НАХОДКА
2002

20400

ПРОТОКОЛ

ПРОТОКОЛ
ПРОТОКОЛ
ПРОТОКОЛ
ПРОТОКОЛ

ПОЛТАВНО

ПРОТОКОЛ

В
Н

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
ПРОВЕРКА ДОСТОВЕРНОСТИ

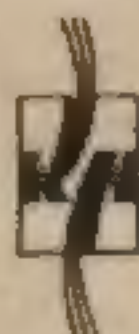
Научно-

КНИ

**В.А. Образцов
Н.В. Кручинина**

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ. РАССЛЕДОВАНИЕ.
ПРОВЕРКА ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ**

Научно-методическое пособие

Москва
КНИЖНАЯ НАХОДКА
2002

УДК 343.1
ББК 67.411
О23

Серия основана в 2002 году

Авторы: доктор юридических наук, профессор В.А. Образцов,
кандидат юридических наук, доцент Н.В. Кручинина

Образцов В.А., Кручинина Н.В.

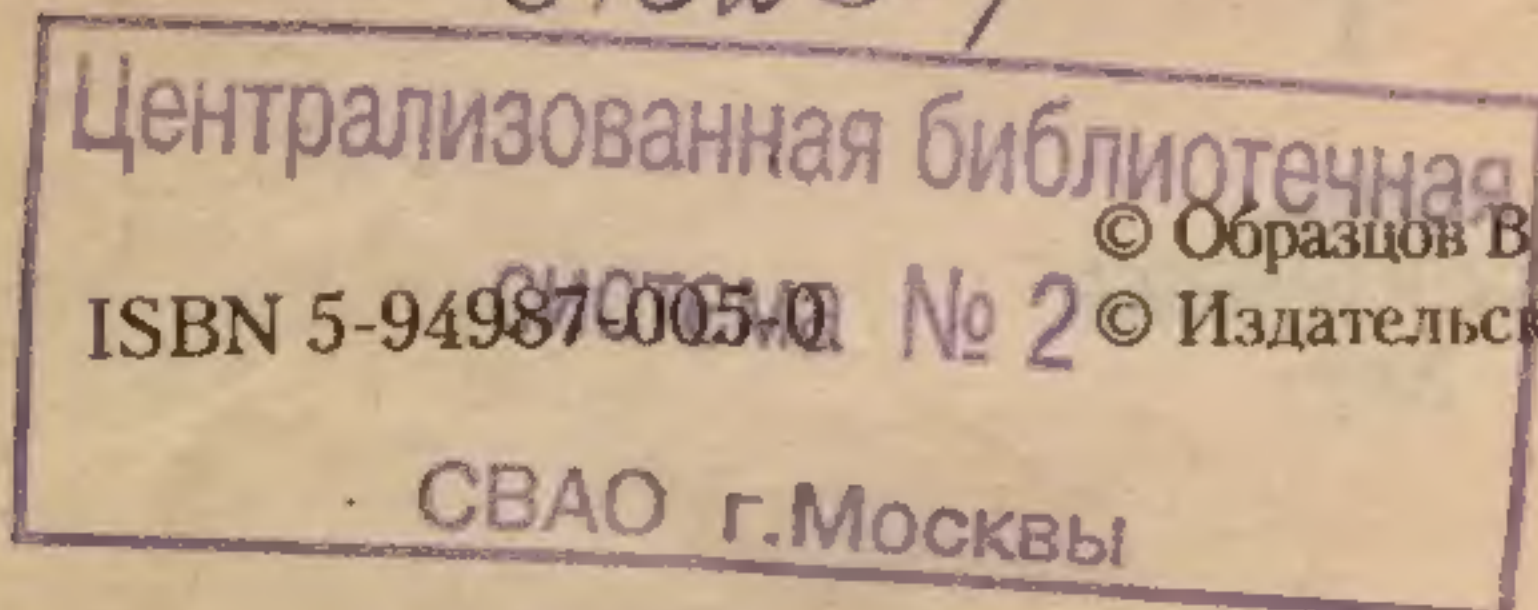
О23 Преступление. Расследование. Проверка достоверности информации. Научно-методическое пособие. — М.: Издательский дом «Книжная находка», 2002. — 160 с. — (Правовое поле).

ISBN 5-94987-005-0

Научно-методическое пособие, посвященное проблеме проверки достоверности доказательственной и иной информации в досудебном уголовном процессе. Содержит определения основных понятий, рекомендации, методы, методики, разработанные с учетом передового отечественного и зарубежного следственного и судебно-экспертного опыта, достижений в криминалистике, психологии и других областей научного знания.

Книга адресована сотрудникам органов дознания, предварительного расследования, судебным экспертам, студентам, аспирантам, преподавателям юридических учебных заведений, научным работникам.

УДК 343.1
ББК 67.411

© Образцов В.А., Кручинина Н.В., 2002

ISBN 5-94987-005-0 © Издательский дом «Книжная находка», 2002

СО
Введение
I. Характеристика
II. Правовая и
деятельности по
показаний
III. Использование
при проверке досто
IV. Психологически
дений
V. Американский ва
го анализа утвержде
VI. Судебно-психоло
сти информации об
VII. Проверка дост
возможности лжесвиде
VIII. Проверка дос
алиби
IX. Проверка дос
возможной инсцени
X. Проверка дос
возможном самоогов
XI. Проверка возмо
тальности
XII. Полиграф как
верности версии, соо
соо

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
I. Характеристика основных понятий	8
II. Правовая и криминалистическая модели деятельности по проверке достоверности показаний	21
III. Использование достижений психологии при проверке достоверности показаний	32
IV. Психологический анализ достоверности утверж- дений	37
V. Американский вариант метода психологическо- го анализа утверждений	49
VI. Судебно-психологическая проверка достоверно- сти информации об умершем лице	56
VII. Проверка достоверности информации о воз- можности лжесвидетельства	76
VIII. Проверка достоверности информации об алиби	101
IX. Проверка достоверности информации о возможной инсценировке	109
X. Проверка достоверности информации о возможном самооговоре	117
XI. Проверка возможности аутоэротической фа- тальности	125
XII. Полиграф как средство проверки досто- верности версии, сообщений, показаний	139

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы все более очевидной становится тенденция снижения качественного уровня решения оперативно-розыскных и следственных задач при выявлении и раскрытии преступлений. Одна из причин, на наш взгляд, связана с отсутствием четкой, всесторонне осмысленной системы криминалистического знания о том, в каких целях, при соблюдении каких условий, каким образом должна осуществляться проверка достоверности информации, циркулирующей в досудебном уголовном производстве. Иными словами, вопрос упирается в необходимость создания криминалистического учения о проверке достоверности информации как теоретической основы разработки рекомендаций, способствующих оптимизации указанной практической деятельности. Потребность в этом ощущается все яростнее на фоне неуклонно возрастающего уровня криминализации общества, усложнения криминогенной ситуации в стране и снижения эффективности усилий по реализации принципа неотвратимости наказания.

Создание упомянутой теоретико-прикладной системы — сложная, рассчитанная на определенную перспективу научная задача. С ходу, одним кавалерийским наскоком ее, разумеется, не решить. В этом деле прежде всего необходимо определить правильные, методически важные приоритеты, опорные точки, подходы. И первое, в чем, очевидно, следует определиться в этой связи, касается проблемы интерпретации основных понятий указанного учения. Вторая, не менее сложная, но более важная в практическом отношении задача — разра-

ботка общей и частных методов
казательственной и иной криминалистической
значимой (уголовно-релевантной) информации
Восполнению этого пробела посвящено данное пособие.
положения, а также методы
личных следственных и экспертных
стоперности информации в уголовном
го дела и предварительного расследования
Эта работа подготовлена на основе
ных при изучении следственной
тики, зарубежной и отечественной
психологической и иной литературы
исследования.

ботка общей и частных методик проверки достоверности доказательственной и иной криминалистически и юридически значимой (уголовно-релевантной) информации.

Восполнению этого пробела (в определенной его части) и посвящено данное пособие. В нем рассматриваются общие положения, а также методы и методики решения ряда типичных следственных и экспертных задач при проверке достоверности информации в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Эта работа подготовлена на базе результатов, полученных при изучении следственной и судебно-экспертной практики, зарубежной и отечественной криминалистической, психологической и иной литературы, относящейся к теме исследования.

I

Характеристика основных понятий

Уголовно-процессуальную деятельность в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования можно определить как процесс собирания, накопления, осмысления, оценки, проверки и использования доказательственной и ориентирующей информации, имеющей значение для принятия правовых и криминалистических решений. С точки зрения гносеологии и криминалистической теории поисково-познавательной деятельности, ключевыми моментами в этом процессе являются такие элементы указанной многоэтапной, динамической системы, как собирание и проверка первичной, промежуточной и заключительной уголовно-релевантной информации.

Проблеме собирания упомянутой информации в теории криминалистики традиционно уделяется значительное внимание. Менее изученным в теоретическом плане является процесс проверки информации (те или иные аспекты этой проблемы в основном рассматриваются в методике расследования как разделе криминалистики).

Между тем от того, насколько эффективен этот процесс, напрямую зависит успех или неудача в выявлении и раскрытии преступлений, ибо слабая, поверхностная либо недобросовестная проверка может «угробить» даже самую ценную, весомую, обнадеживающую информацию.

Разработка в современных условиях теоретических основ, общей и частных методик практической деятельности в этом направлении в современных условиях на фоне тенденции неукротимого роста преступности и резкого снижения качественного уровня реализации принципа неотвратимости наказания приобретает характер острозлободневной, особо важной научной задачи.

Первоочередное значение для достижения цели на этом пути, на наш взгляд, имеет четкая, фактически и логически

безупречная криминалистически значимая интерпретация ключевых понятий данной области научного знания: проверки «достоверности», «информации», «проверки достоверности информации».

Проверить – значит удостовериться в реальности, в правильности чего-то. Понятие «проверка» имеет самое непосредственное отношение к деятельности спецслужб, правоохранительных и судебных органов. С этим понятием связывается решение различных задач в ходе оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Речь идет о проверке версий, сообщений (заявлений о преступлении, явки с повинной, рапортов об обнаружении преступлений), жалоб, ходатайств, показаний, иной доказательственной и ориентирующей уголовно-релевантной информации. Правовую основу различных видов проверочной деятельности и решения весьма разнообразных проверочных задач в уголовном судопроизводстве образуют соответствующие нормы уголовно-процессуального закона, ряда других федеральных законов и ведомственных подзаконных нормативно-правовых актов.

Так, в частности, в законе «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» в числе других оперативно-розыскных действий указана так называемая проверочная закупка. Но наиболее часто упоминание о проверке содержится в УПК Российской Федерации. Так, в ст. 124 УПК говорится о проверке жалобы прокурором, а в ст. 125 УПК содержится указание на то, что судья проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, прокурора. Устанавливая порядок рассмотрения сообщения о преступлении (ст. 144 УПК), законодатель вменяет в обязанность дознавателя, следователя, прокурора, органа дознания «проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении». В законе особо подчеркивается, что в том случае, когда имеется в виду сообщение о преступлении, распространенное в средствах мас-

совой информации, проверку проводит по поручению прокурора орган дознания или следователь» (п. 2. ст. 144 УПК).

Как показывает анализ указанных и других норм, понятие «проверка» употребляется в различных смысловых значениях: как деятельность, как цель действия или деятельности, как следственное и иное действие. Так, в ст. 181 УПК сказано, что следственный эксперимент проводится в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела. Одним из важных нововведений УПК Российской Федерации является включение в перечень процессуальных следственных действий проверки показаний на месте, что не было предусмотрено прежним УПК РСФСР. В соответствии со ст. 194 УПК РФ, ранее данные подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля показания могут быть проверены и уточнены на месте, связанном с исследуемым событием в целях установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Достоверность в русском языке определяется как надежность, как то, что не вызывает сомнений¹. В философии под достоверностью понимается форма существования истины, обоснованной экспериментом, логическим доказательством, иным образом². Это понятие также употребляется как синоним истины, т. е. бесспорного, обоснованного доказательственного знания, и как суждение, подтвержденное практикой³.

Данные трактовки в той или иной мере соответствуют криминалистическим потребностям, и, судя по всему, могут быть приняты в качестве базовых.

Понятие «информация» в различных областях науки и практики имеет различные смысловые значения и оттенки. В уголовно-процессуальном законе, в уголовно-процессу-

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1973. — С. 1.

² Советский энциклопедический словарь. — М., 1980. — С. 414.

³ Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.

альной науке, в теории оперативно-розыскной деятельности, криминалистике и уголовно-процессуальной практике это понятие употребляется в смысле доказательства, а также сведений, сообщений, фактических данных.

Наряду с этим в отечественной криминалистике постсоветского периода все более прочно закрепляется термин «информация» как обобщающее понятие, охватывающее такие, например, ее виды, как доказательственная, оперативно-розыскная, следственная, ориентирующая, правовая, регистрационная, архивная, поисковая информация. Однако, как и прежде, под первым номером в языке научной и практической криминалистики значится понятие «доказательство», что вполне понятно и оправданно. В то же время нельзя не учитывать, что данное понятие, с рассматриваемой точки зрения, не является универсальным, всеобъемлющим. Оно имеет отношение лишь к части информации, функционирующей в уголовном процессе, к той сфере изучаемой в криминалистике действительности, которая называется процессуальным доказыванием. Доказательство – не синоним понятия информации, собираемой, исследуемой и используемой в уголовном процессе, поскольку оно не включает в себя многие другие юридически и криминалистически значимые виды и разновидности информации. Проверка доказательств, в том числе для выяснения их достоверности, это лишь одно из направлений многоплановой, многоэтапной деятельности по проверке достоверности уголовно-релевантной информации. Как видно из результатов анализа соответствующих норм УПК Российской Федерации (2001 г.), доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, полученные дознавателем, следователем, прокурором, судом в установленном порядке, с помощью которых (сведений) устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию. Речь идет о сведениях, содержащихся в различных указанных в законе источниках: в показаниях подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свиде-

теля, в заключении и показаниях эксперта, вещественных доказательствах и т. д.

Как показывает практика, во многих случаях проверка достоверности доказательств невозможна без целенаправленного, активного, полномасштабного собирания, проверки, перепроверки и вовлечения в уголовный процесс оперативно-розыскной информации.

Оперативно-розыскная информация является разновидностью социальной информации. Ее своеобразие определяется спецификой цели получения (борьба с преступностью), методов получения и режима использования, обеспечивающего конспирацию, надежную зашифровку источников, возможность проверки сообщаемых сведений и их применение только заинтересованными работниками. Оперативно-розыскная информация играет значительную роль в процессе доказывания, поскольку «...определяет вещи, предметы, факты, которые могут быть доказательствами, обладает теми сведениями, которые представляют собой содержание доказательств, указывает на людей, документы, которые становятся источниками доказательств»¹.

Наряду с этим в ходе расследования оперативно-розыскным и следственным путем проверяется достоверность сообщений, средств массовой информации, сигналов общественности, анонимных посланий, выводов так называемых служебных расследований, иной информации, имеющей отношение к обстоятельствам и участникам исследуемых по делу событий, поведенческих актов, деятельности. В случае подтверждения или опровержения полученных сведений они могут приобрести статус доказательств либо использоваться в организационно-тактических целях. Все эти обстоятельства не могут не учитываться при разработке теоретических и прикладных задач в рамках вышеупомянутого криминалистического учения.

¹ Оперативно-розыскная деятельность: Учебник. – М.: ИНФРА, 2001. – С. 610.

Не менее важно и другое. Процесс собирания и проверки информации, уходя своими корнями в стадию возбуждения уголовного дела, развивается в режиме процессуального доказывания на стадии предварительного расследования, имеет свое продолжение и завершение в ходе судебного разбирательства по уголовному делу.

В криминалистической литературе не раз обоснованно подчеркивалось, какое важное, определяющее значение для достижения целей уголовного судопроизводства, в частности для процесса доказывания, имеют результаты поисково-познавательной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела, включая осуществляемую в рамках этой деятельности проверку достоверности первичной и промежуточной информации о подготавливаемых, совершенных или совершаемых преступлениях.

При этом проверяются письменные и устные заявления потерпевших и свидетелей о преступлении, добровольные сообщения о совершенных ими преступлениях («явки с повинной»), сведения о совершенном или готовящемся преступлении, содержащиеся в рапортах сотрудников органов дознания, и другая информация (ст. ст. 140–143 УПК РФ). Как указано в ст. 144 УПК РФ, дознаватель, орган дознания, следователь и прокурор обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах установленной для них компетенции принять по нему надлежащие решения в установленный законом срок.

Уголовно-процессуальная модель процедуры доказывания, зафиксированная в ст. 85 УПК РФ, включает в себя три составляющие: 1) собирание доказательств; 2) проверку доказательств; 3) оценку доказательств. (Проверка и оценка доказательств как правовые модели, но более низкого уровня, предполагают установление не только достоверности, но и относимости, допустимости, достаточности доказательств – ст. ст. 87, 88 УПК.)

В этой связи есть смысл отметить, что одной из основных задач криминалистики как науки является максимально приближенная к практическим потребностям субъектов уголовно-процессуальной деятельности творческая интерпретация понятий и других правовых моделей применительно к тем специфическим реалиям, с которыми сталкивается практика. (Данные реалии выражаются в особенностях отдельных категорий преступлений, в своеобразии механизмов слеодообразования, последствий преступлений и в других специфических обстоятельствах.)

Правовые модели (нормы материального и уголовно-процессуального права, правовые характеристики и классификации и др.) при этом не просто механически привносятся в криминалистические разработки, а приобретают право на «новую жизнь», конкретизируются, дополняются, развиваются на основе учета передового правоприменительного опыта, новейших достижений в области наук юридического и неюридического профиля, достижений в технике, технологии и других сферах социальной практики.

Если подходить с этих позиций к понятию проверки достоверности доказательственной и иной информации в досудебном уголовном процессе, то его можно определить как одно из направлений уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в целях получения знания об истинности или ложности проверяемых сведений и принятии на его основе соответствующих правовых и криминалистических решений на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Таким образом, если рассматривать досудебное производство с гносеологической точки зрения, изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1) наряду с доказательственной в досудебном производстве собирается, анализируется, проверяется и используется оперативно-розыскная и иная познавательная и организационно значимая информация;

2) проблема проверки достоверности доказательственной информации является частью более широкой проблемы проверки достоверности различных видов информации, получаемой из процессуальных и иных источников;

3) задача получения и проверки информации в досудебном производстве реализуется не только в стадии предварительного расследования по уголовным делам, но и на пути от повода к обоснованию возбуждения уголовного дела или от первичной, исходной информации к принятию решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

Приведенные соображения, судя по всему, могут представить интерес с точки зрения разработки концепции криминалистического учения о проверке достоверности информации. Их учет представляется важным, в частности, для разработки общей и частных криминалистических моделей решения указанной задачи. Правовую основу данной конструктивной деятельности образуют положения уголовно-процессуального закона, других законов и подзаконных актов, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность органов дознания, дознавателей, следователей, прокуроров. Особенное значение, с рассматриваемой точки зрения, имеют нормативно-правовые модели, содержащие правовой механизм проверки достоверности информации в уголовном процессе. Можно лишь сожалеть, что последние модели не очень четко прописаны в соответствующих нормативных документах. Исключением служат лишь ст. ст. 87 и 88 УПК РФ, закладывающие основы процедуры проверки и оценки относимости, допустимости и достоверности доказательств. Как сказано в ст. 87 УПК, проверка доказательств производится, во-первых, путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле; во-вторых, на основе установления источников доказательств и получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Думается, что предлагаемые законодателем пути решения

указанной задачи в полной мере могут быть использованы в качестве ориентирующих и для проверки достоверности иных видов криминалистически значимой информации как в процессе доказывания, так и за его рамками, но с поправкой на особенности правового статуса проверяемой информации, условий, возможностей субъектов и своеобразие правовых режимов соответствующих видов деятельности. Этому могли бы способствовать научно обоснованные криминалистические общая типовая информационная модель и специфические частные технологии проверки достоверности отдельных видов информации, отражающие своеобразие средств, методов и структуру решения соответствующих задач.

Проанализируем изложенное на примере тактической операции по проверке достоверности доказательственной информации, полученной путем допроса.

Как и во всех прочих случаях, данная проверка может осуществляться путем сравнения, сопоставления проверяемых сведений со сведениями, содержащимися в сообщениях, рапортах, заявлениях, протоколах допросов других лиц, иных источниках доказательств, имеющихся в деле. Однако таким способом можно составить чаще всего лишь предварительное суждение (к тому же далеко не во всех случаях) об истинности, достоверности или недостоверности (в полном объеме, либо в какой-то части) проверяемых показаний. Окончательный, базирующийся на собранных доказательствах «диагноз» по этому поводу может быть поставлен только по результатам фундаментальной, всесторонней проверки построенной версии, осуществляемой в рамках целенаправленной, надлежащим образом организованной специальной тактической операции. Успех на этом пути в первую очередь определяется необходимостью получения от допрашиваемых максимально конкретизированных, развернутых, насыщенных деталями показаний по всей совокупности обстоятельств, входящих в предмет допроса.

Не менее важно и другое...
...деятельное. во всех деталях...
...е допроса полученной...
...При этом факты, процесс...
...статьи и т. д. по поводу кото...
...сать описаны: во-первых, с...
...ших пространственно-време...
...общих и частных признаков...
...во-вторых, с точки зрения и...
...низмы поведения, детально...
...действие одних элементов д...
...третьих, с точки зрения отр...
...ной микросреды, обстановк...
...Таким образом, при доп...
...метом исследования и отр...
...информация, характеризую...
...1) характер и содержа...
...становку;
...2) участников и наб...
...предметы, документы и...
...рамках события в качеств...
...ствия и следообразования...
...3) механизм развити...
...ния и образования...
...4) совершенные дей...
...ность, способы, цели, м...
...5) обстоятельства с...
...емому событию, а та...
...тельно ему в данной...
...вленных им событий...
...Указанные обстоя...
...стве элементов пред...
...ративно-розыскных...
...анализа, полученных...
...в протоколе допроса...

Не менее важно и другое: всестороннее, глубокое, обстоятельное, во всех деталях и нюансах описание в протоколе допроса полученной информации.

При этом факты, процессы, действия, лица, предметы, следы и т. д., по поводу которых даны показания, должны быть описаны: во-первых, с точки зрения их исчерпывающих пространственно-временных характеристик, а также общих и частных признаков, свойств, связей и отношений; во-вторых, с точки зрения их реального включения в механизмы поведения, детальность, следообразование, взаимодействие одних элементов данных механизмов с другими; в-третьих, с точки зрения отражения в протоколе материальной микросреды, обстановки исследуемых событий.

Таким образом, при допросе о каком-либо событии предметом исследования и отражения в протоколе должна быть информация, характеризующая:

- 1) характер и содержание события, его место, время, обстановку;
- 2) участников и наблюдателей (очевидцев) события, предметы, документы и другие объекты, участвовавшие в рамках события в качестве элементов механизма взаимодействия и следообразования;
- 3) механизм развития события, механизм следообразования и образовавшиеся следы;
- 4) совершенные действия, поведенческие акты, деятельность, способы, цели, мотивы, последствия содеянного;
- 5) обстоятельства событий, предшествовавших расследуемому событию, а также событий, развивающихся параллельно ему в данной микросреде, и обстоятельства обусловленных им событий.

Указанные обстоятельства следует рассматривать в качестве элементов предмета проверочных следственных и оперативно-розыскных действий и предмета сравнительного анализа, полученных данных и сведений, зафиксированных в протоколе допроса лица, чьи показания проверяются.

Процессуальными средствами проверки достоверности показаний служат:

- дополнительные и повторные допросы лиц, чьи показания проверяются;
- следственные эксперименты, производимые с их участием;
- осмотр места происшествия или других объектов,
- проверка показаний на месте;
- выемка и истребование необходимых документов;
- очная ставка;
- предъявление им для опознания других лиц и объектов, о которых они дали показания;

допрос опознанных лиц и предъявление им для опознания лица, показания которого проверяются;

некоторые другие следственные действия, а также назначение в отношении их и изъятых при проверке вещественных доказательств судебных экспертиз.

Приведенные рекомендации отражают содержание общей модели, общей, применяемой во всех аналогичных случаях схемы проверки достоверности показаний, которая может быть конкретизирована и развита применительно к типичным задачам проводимых проверок и следственным ситуациям, складывающимся на различных этапах расследования отдельных категорий дел. Одним из позитивных примеров творческой интерпретации подобного рода общих положений применительно к типичным задачам расследования служит разработанная в криминалистике тактическая операция по проверке заявленного алиби.

Заметим, что многие из числа упомянутых следственных действий могут производиться и в целях проверки других видов информации, а не только сведений, содержащихся в показаниях (например, в целях проверки информации, собранной при осмотре места происшествия, или при исследовании вещественного доказательства). Важно, однако, не формальное, чисто внешнее сходство элементного состава

тактических операций, а их содержательная специфика, направленность, своеобразие средств и методов поиска и познания, которые могут результативно применяться в каждом конкретном случае.

Так, при расследовании продуктов устно-речевой и письменно-речевой активности применяются самые различные методы психологии, психиатрии, психолингвистики и других наук, не применяемые в отношении следов-отображений, материалов, веществ, изделий, других носителей вещественной информации. Существенно и то, что только при проверке достоверности личностной информации существует возможность собирания сведений, подтверждающих или опровергающих ее сведения с участием и использованием активности самого допрошенного как источника проверяемой информации. На основе делового сотрудничества с субъектами уголовно-процессуальной деятельности, в частности, путем обнаружения им самим ранее отсутствовавших в деле доказательств, предоставления им этих доказательств.

Сравнительный анализ частных моделей проверки достоверности информации позволит определить, что общего имеется у всех видов указанной деятельности и в чем проявляется специфика каждого отдельного вида проверки информации. Выявление сходного, повторяющегося во всех случаях создаст условия для формирования и уточнения общей типовой информационной модели технологии проверки достоверности информации. Тем самым откроются возможности для формирования, обогащения, оптимизации полноценной теории указанной деятельности, контуры которой пока еще только просматриваются. По всей видимости, последняя система научного знания может быть разделена на две части:

- 1) общая теория и методика (система общих положений данного уровня общности);
- 2) частные теории и методики отдельных видов деятельности по проверке криминалистически значимой информации.

В содержание первой части, по нашему мнению, должны войти определения основных понятий, классификации, принципы, подходы, общие методы поисково-познавательной деятельности по проверке достоверности информации. Что касается второй (особенной) части данной системы, то она может рассматриваться в виде комплекса теорий и методик более низкого уровня, выделяемых по различным основаниям. К их числу могут быть отнесены теория и методика проверки достоверности информации на отдельных стадиях уголовного процесса, теории и методики проверки достоверности доказательственной, оперативно-розыскной и иных видов информации, теории и методики проверки достоверности информации при решении типичных следственных задач (например, по выявлению и разоблачению самооговора, лжесвидетельства, распознаванию инсценировки, по проверке алиби и т. д.).

Завершая характеристику основных понятий теории и практики проверки достоверности информации в уголовном процессе, следует обратить внимание на то, что в этой области научного знания и практической деятельности имеется в виду проверка достоверности двух типов информации:

1) фактической информации, содержащейся в следах преступлений и других изучаемых в уголовном процессе событий, а также в памяти участников и наблюдателей указанных событий;

2) выводной (модельной) информации, содержащей предположительные, вероятностные знания, т. е. криминалистических версий.

О том, как осуществляется работа с тем и другим типом информации, и пойдет речь в следующих разделах пособия.

II

Правовая и криминалистическая модели деятельности по проверке достоверности показаний

Целью проверки достоверности показаний является выяснение, соответствуют ли проверяемые по уголовному делу сведения действительности. Эта цель может быть достигнута на основе установления наличия либо отсутствия фактов (событий, следов, действий и т.д.), указания на которые содержатся в проверяемых по делу показаниях.

Если в ходе проделанной работы выясняется, что показания соответствуют действительности лишь частично или являются полностью недостоверными, в задачу следствия входит установление причины дачи полностью либо частично ложных показаний, а также получение ответа на вопрос, была ли ложь заведомой или имело место добросовестное заблуждение (например, в силу неблагоприятных возрастных особенностей, ненадлежащего психического состояния, ошибки в восприятии того, о чем даны показания).

Проверка достоверности показаний способствует:

- выявлению и изобличению лица, совершившего преступление;
- установлению обстоятельств предмета доказывания;
- выявлению ранее неизвестных эпизодов преступной деятельности;
- установлению соучастников преступления;
- преодолению противодействия расследованию со стороны виновных лиц, их покровителей и попустителей;
- выявлению и разоблачению ложных алиби, инсценировок, самоговора;
- розыску скрывшихся преступников;
- выявлению очевидцев преступления;
- обнаружению орудий преступления, похищенного имущества, использованных при совершении преступлений

транспортных средств и других вещественных доказательств, сокрытых трупов потерпевших;

- разоблачению лжесвидетельств;
- реабилитации ошибочно заподозренных, не причастных к содеянному лиц и решению других задач по уголовным делам.

Правовую основу проверки достоверности показаний образуют соответствующие нормы УПК РФ, регламентирующие порядок и условия процесса доказывания по уголовным делам.

Уголовно-процессуальная модель процесса доказывания, зафиксированная в ст. 85 УПК, как отмечалось, включает в себя три составляющие:

- 1) собирание доказательств;
- 2) проверку доказательств;
- 3) оценку доказательств.

Проверка и оценка доказательств регламентирована ст. ст. 87 и 88 УПК. Решение этих задач предполагает установление достоверности, относимости, допустимости, достаточности доказательств.

Как вытекает из результатов анализа других норм УПК, доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, полученные дознавателем, следователем, прокурором, судом в установленном порядке. С помощью полученных сведений устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Речь, таким образом, идет о сведениях, содержащихся в различных, указанных в законе (ст. ст. 74, 76–81 УПК) источниках, включая показания потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, эксперта.

В предмет проверки могут входить сообщенные допрошенным сведения об устанавливаемых по делу событиях (системах) в целом либо об отдельных элементах, сторонах, связях и отношениях тех или иных объектов познания. Это могут быть сведения о преступлении и связанных с ним событиях, об интересующем следствие человеке или группе

лиц, о предметах, веществе, отдельных документах и документации, о следах преступлений и последствиях содеянного, об отдельных видах деятельности, поведения, конкретных действиях конкретных лиц, об условиях восприятия объекта, источниках и каналах движения информации и других обстоятельствах. В одних случаях предмет проверки включает в себя лишь какое-либо одно обстоятельство, в других случаях, что происходит значительно чаще, проверяются целостные комплексы различных обстоятельств, относящихся как к познаваемой системе (преступлению и связанным с ним до- и посткриминальным событиям), так и к познающей системе (субъектам расследования, произведенным им действиям, примененным средствам, методам собирания, использования, передачи уголовно-релевантной информации, полученным результатам, достижениям и упущениям и т. д.).

В соответствии со ст. 87 УПК, сведения, имеющие доказательственное значение, проверяются путем:

- 1) сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле;
- 2) установления источников доказательств и получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемые сведения.

Развитие и конкретизация этих положений (с учетом своеобразия психологического механизма, правового статуса, криминалистических особенностей процесса получения, фиксации, анализа показаний) на практике осуществляются путем сопоставления сведений, содержащихся в проверяемых показаниях: во-первых, со сведениями, содержащимися в протоколах дополнительных и повторных допросов лиц, чьи показания проверяются; во-вторых, со сведениями, содержащимися в протоколах других следственных действий, судебных экспертиз, произведенных с участием лиц, чьи показания стали предметом проверки; в-третьих, со сведениями, полученными при производстве других следственных действий и судебных экспертиз, проведенных без участия

лиц, чьи показания проверяются; в-четвертых, с доказательствами, которые представлены следствию самими лицами, чьи показания проверяются. Проверка достоверности показаний также производится в ходе каждого первичного, дополнительного и повторного допроса лиц путем сопоставления их показаний по поводу одних и тех же обстоятельств, которые ими даны на начальной, промежуточной и заключительной частях (этапах) допроса. Важное организационно-тактическое значение имеет сравнительный анализ сообщаемых допрашиваемым сведений с невербальной информацией, поступающей к следователю от допрашиваемого в форме звуковой окраски устно-речевой активности (тона, тембра речи и т. д.), мимики, жестов, телодвижений и других бессловесных способов коммуникации.

Как показывает изучение следственной практики, наиболее продуктивной, дающей веские основания для объективного в категорической форме вывода о достоверности или недостоверности показаний, является их проверка путем обнаружения и исследования иных доказательств, в первую очередь, вещественных доказательств, информации, о существовании которых до получения проверяемых сведений следствие не располагало. Успех при реализации данного метода может быть достигнут лишь на основе производства хорошо продуманного и обстоятельно подготовленного комплекса целенаправленных, взаимосвязанных следственных действий, т. е. тактической операции (тактического комплекса действий). В необходимых случаях тактическая операция по проверке достоверности показаний (ПДП) обеспечивается надлежащим оперативным сопровождением.

Важным условием построения оптимальной модели подготавливаемой проверочной деятельности является получение у допрашиваемого развернутых, максимально конкретизированных, насыщенных подробностями, деталями показаний по всему кругу вопросов, входящих в предмет допроса, адекватно, во всей их полноте зафиксированных в протоко-

ле данного следственного действия. В этом документе должны найти отражение сведения, касающиеся следующих групп обстоятельств:

- обстоятельств, предшествовавших восприятию того объекта (события, действия, человека, документа и др.), по поводу которого лицо вызвано на допрос (чем занимался допрашиваемый непосредственно перед восприятием объекта, что происходило вокруг него, о чем, с кем и в связи с чем разговаривал и т. д.);

- обстоятельств, характеризующих условия и особенности момента вступления в визуальный, слуховой или иной контакт с объектом, а также обстоятельств дальнейшего процесса его восприятия;

- обстоятельств, характеризующих объект восприятия и деятельности (криминальной, иной);

- причин и других обстоятельств прекращения процесса восприятия и деятельности (поведения);

- обстоятельств, относящихся к собственным действиям (деятельности, поведению), реакции на воспринятое;

- характеристик лиц, которые, помимо него, воспринимали объект, их реакций и действий;

- характеристик фиксированных материально следов, возникших в результате собственных действий и действий других лиц до, в ходе и после того, о чем (о ком) даны показания.

Содержательная сторона обстоятельств, входящих в предмет допроса, определяется характером и особенностями объекта, сведениями о котором располагает допрашиваемый, своеобразием ситуации восприятия и следственной ситуации.

При допросе о преступлении или ином событии выясняются:

- место, время начала и завершения события, обстановка, в которой оно протекало (время суток, погодно-климатическая характеристика, социально-экономический фон и т. д.);

- участники и наблюдатели (очевидцы) события, цели и мотивы их действий, поведения, деятельности;
- обстоятельства и этапы развития события, использованные при этом орудия, другие средства достижения целей, результаты содеянного;
- материально фиксированные следы, образовавшиеся на теле, одежде, других вещах участников событий и в окружающей среде;
- действия участников и наблюдателей события после его завершения;
- характер распространившейся информации о событии, источники и способы ее распространения, кому и каким образом оно стало известным.

При допросе о каком-либо предмете (орудии преступления, транспортом средстве и т. д.) в круг исследуемых вопросов могут входить вопросы, связанные с характеристикой предмета (его видовой принадлежностью, функциональным назначением, внешними признаками, состоянием, стоимостью, источником и временем приобретения и т. д.); местом, временем и условием его восприятия, людьми, имевшими к нему отношение; обстоятельствами хранения, сбыта, транспортировки, использования, а также с характеристикой других предметов, среди которых он находился, следов, образовавшихся в результате его взаимодействия с другими объектами, местом нахождения до и в момент допроса.

Так, потерпевшие и свидетели, как о том говорится в ст. ст. 78 и 89 УПК РФ, могут быть допрошены о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, в том числе о личности других участников уголовного процесса, чьи показания могут стать источником доказательств, о взаимоотношении с ними допрашиваемого. В предмет допроса при этом могут входить обстоятельства, относящиеся к словесному, устно-речевому портрету, психологической, психиатрической характеристикам,

образу жизни, связям описываемого лица, его действиям, роли в содеянном, судимостям, другим его признакам, свойствам, отношениям.

Если в предмет допроса входят обстоятельства обнаружения трупа человека, сведения о трупе и личности жертвы преступления, допрашиваемому могут быть заданы вопросы о том, кто, когда, где обнаружил труп, о его позе, положении, окружающих объектах, о личности покойного, признаках его внешности, об одежде, обуви, других личных вещах, их состоянии, трупных явлениях, повреждениях на теле, одежде, других следах на трупе и вокруг него, их характере, особенностях, локализации, предшествовавших смерти человека обстоятельствах и, если это известно, обстоятельствах лишения его жизни.

Самые различные вопросы могут быть заданы допрашиваемому в случае дачи им показаний об известных ему следах преступления.

Вопросы могут касаться места восприятия следов, их расположения, характера, видовой принадлежности, размеров, формы, цвета, запаха, других общих и частных признаков. При допросе по поводу документов выясняется их правовой статус (официальный, частный документ), содержание, реквизиты, особенности материала, время изготовления и период обращения, лица, имевшие отношение к изготовлению, движению документа, работе с ним, характер, особенности, локализация имеющихся на нем следов.

В предмет допроса о предметах, веществах, документах, материальных следах могут входить также обстоятельства, характеризующие носители данных объектов, упаковочный материал, а также другие, имеющие к ним отношение объекты (например, средства изготовления предметов, внесения в них изменений, другие следообразующие и следовоспринимающие объекты).

Планирование и подготовка намеченной тактической операции по проверке достоверности показаний начинаются

с анализа этих показаний, выделения в них обстоятельств, которые необходимо установить, и объектов, как предполагаемых источников информации, которые необходимо обнаружить в целях их последующего исследования. Искомые объектами могут быть ранее неизвестные события, неизвестные элементы уже известных событий, обнаруженных объектов, факты, действия, документы, материально фиксированные следы, а также люди, которые могут подтвердить либо опровергнуть сведения, содержащиеся в проверяемых показаниях.

Данный анализ позволяет сформулировать задачи, определить оптимальную последовательность их решения, круг и характер подлежащих производству следственных действий, методы, приемы, технические средства, которые могут потребоваться при производстве следственных действий, круг исполнителей, участников тактической операции, распределить их обязанности и определить момент начала и завершения операции.

При разработке тактической операции по ПДП, нацеленной на проверку комплекса обстоятельств, важное значение имеет определение, каким обстоятельствам необходимо уделить первоочередное внимание. Ответ на этот вопрос содержат два положения, играющие роль принципов, которыми следует руководствоваться: принцип оперативного реагирования и принцип ключевого момента. В соответствии с ними в первую очередь должны проверяться те обстоятельства, исследование которых нельзя откладывать, поскольку промедление чревато различными нежелательными последствиями для дела и других охраняемых законом отношений (например, в силу реальной возможности уничтожения, сокрытия, утраты доказательств; намерения арестованного преступника совершить побег; при наличии данных о подготовке преступниками акций по физическому воздействию на свидетеля обвинения). К числу первоочередных задач также относится проверка тех обстоятельств, получение знания о кото-

рых создает базу для успешного установления других обстоятельств, находящихся с первыми в закономерной связи.

Процессуальными средствами проверки достоверности показаний служат дополнительные и повторные допросы лиц, чьи показания проверяются, производимые с их участием или без них следственные эксперименты, осмотр места происшествия, осмотр иных мест, предметов и документов, следов, освидетельствование, обыск, проверка показаний на месте, выемка и истребование документов, очная ставка, предъявление для опознания лицам, показания которых проверяются, предметов и других лиц, в отношении которых даны показания, а также предъявление для опознания другим лицам тех допрошенных, чьи показания проверяются. Могут производиться и другие следственные действия, а также судебные экспертизы по исследованию объектов, о которых даны проверяемые показания.

В том случае, когда в систему элементов тактической операции включены оперативно-розыскные действия (проведенная закупка, обследование помещений, контролируемая поставка и т. д.), полученные при их производстве результаты следует рассматривать как предварительные, промежуточные, нуждающиеся в исследовании с процессуальных позиций на основе производства соответствующих следственных действий, что и должно быть заранее предусмотрено планом тактической операции.

В ряде случаев в число элементов указанной операции могут быть включены следственные действия, выступающие в качестве процессуальных средств проверки доказательств, которые могут быть представлены в ходе проверки самим лицом, чьи показания проверяются, обнаруженные им в результате самостоятельного поиска.

Вывод о достоверности проверенных показаний делается в том случае, когда изложенные в них обстоятельства установлены на основе собранных при проверке доказательств. Иначе говоря, когда установлено что-то, на что имелись ука-

зания в проверенных показаниях, что соответствует действительности, совпадая по месту, времени, виду, состоянию и другим существенным параметрам с тем, как это зафиксировано в протоколе допроса лица, достоверность показаний которого была предметом проверки. Указанный вывод делается путем сопоставления полученных результатов и проверяемых сведений по одноименным объектам и их одноименным признакам: изложенные в проверяемых показаниях сведения о событии сравниваются с данными о выявленном событии и его признаками, сведения о следах — с обнаруженными следами и их признаками, сведения, характеризующие участников события, — со сведениями относительно установленных участников события и с их характеристиками и т. д.

Противоположный вывод (о недостоверности показаний) может быть сделан в том случае, когда упомянутых в проверяемых показаниях событий, фактов, действий, лиц, следов, документов или других объектов, как показала проверка, не существовало в действительности.

Основание для отнесения проверенных показаний к числу недостоверных дает и другая ситуация. Она складывается в том случае, когда следствием хотя и установлено, что проверяемое обстоятельство существовало (существует) в обществе, экономике, природе, в иной сфере отношений, но по каким-либо своим существенным признакам, свойствам, состояниям, отношениям оно отличается от обстоятельства (события, факта, личности и т. д.), ставшего предметом проверки. Имеются в виду не любые обстоятельства, не частные, незначительные расхождения, несовпадения проверяемых и установленных моделей объектов, а существенные признаки обстоятельств, входящих в предмет доказывания (например, несовпадения места, времени, способа действия, последствий содеянного).

При установлении факта недостоверности показания, исходя из духа, буквы и требований закона, тактическая операция, как уже отмечалось, должна быть продолжена в целях

выявления причин ложных показаний и всего, что с этим связано. Исходным моментом работы в этом направлении может послужить новый допрос лица, показания которого проверяются, с предъявлением ему результатов проверки.

В рамках тактической операции ПДП, как и при решении других поисковых и познавательных задач, реализуются самые различные средства и методы. Однако в ряде ситуаций весьма эффективны специфические методы, методики следственного и судебно-экспертного исследования.

III

Использование достижений психологии при проверке достоверности показаний

Существуют различные формы использования достижений психологии при проверке достоверности показаний.

Одной из традиционных, приобретающих все большую актуальность и значимость форм является судебно-психологическая экспертиза. За помощью к специалистам в этой области научного знания следователи и суд обращаются при решении различных задач, включая те, что имеют прямое отношение к проверке и оценке достоверности показаний. На разрешение судебно-психологической экспертизы могут быть поставлены вопросы, исследование которых позволяет судебным психологам устанавливать фактические данные о психологических особенностях лиц, чьи показания проверяются. А также выявлять психические свойства исследуемого лица, достаточные или недостаточные для полного и правильного восприятия обстоятельств, имеющих значение для уголовного процесса и их воспроизведения в устно-речевой или письменно-речевой формах, и другие обстоятельства¹.

Оценка показаний, с точки зрения их психологической достоверности, дается с учетом способности допрошенного правильно воспринимать обстоятельства дела и передавать о них информацию субъектам уголовно-процессуальной деятельности, данных о желании и стремлении давать правдивые показания, а также данных об отсутствии ситуации неумышленного, случайного введения следствия в заблуждение.²

¹ См., например: Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза. — М., 1979; Нагаев В.В. Основы судебно-психологической экспертизы. — М., 2000.

² Ситковская О.Д. Психологические признаки достоверности свидетельских показаний детей и подростков // Межвузовский научно-практический сборник. Серия «Юридическая психология». Выпуск 1. — Ставрополь, 2002. — С. 115–116.

Указанные экспертизы проводятся путем судебно-психологического обследования испытуемого и изучения материалов уголовного дела.

Долгие годы в отечественной судебной психологии доминировала точка зрения, согласно которой считалось, что оценка достоверности показаний является исключительной прерогативой следственных и судебных органов, а в задачу психологов входит лишь обеспечение их необходимой для этого информацией психологического характера. В последние годы мнение на этот счет изменилось. Обусловлено это насущной потребностью следственной и судебной практики, нуждающейся в получении четкого ответа на вопрос: «Какие психологические особенности испытуемого могут свидетельствовать в пользу достоверности его показаний, а какие – против?»¹

Причем теоретически обоснованным и практически важным стало положение о том, что в определенных ситуациях соответствующий вывод специалист может сделать лишь на основе изучения показаний, переведенных в текстовой формат.

Исследовав показания детей и подростков, О.Д. Ситковская пришла к выводу, что в качестве психологических признаков достоверности таких показаний могут выступать следующие обстоятельства:

- конкретность, внутреннее соответствие и логичность описания события;
- большое количество подробностей, особенно тех, которые можно узнать лишь непосредственно; правильность описания отдельных деталей, связанных с второстепенными обстоятельствами;
- описание основного события в ходе различных допросов без изменений (второстепенные подробности запомни-

¹ Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С. Судебно-психологическая экспертиза. Методическое руководство. – М., 1977. – С. 62.

наются хуже, поэтому в показаниях относительно конкретных деталей события возможно присутствие противоречий);

- наличие достаточно реалистичных и правдоподобных описаний подготовительных действий преступника, его последующих действий, высказываний, помех в процессе совершения преступления;

- описание специфических отклонений, половых извращений (в особенности, если свидетель не обладает соответствующим опытом, и другие источники подобных сведений маловероятны);

- описание такого по характеру события, которое несовершеннолетний, в силу своего развития и жизненного опыта, в принципе не способен придумать и которое зачастую не может объяснить;

- увязывание содержания показаний с общей ситуацией в случае, если сексуальные действия производились неоднократно;

- негативная нравственная оценка поведения преступника;

- указание свидетелем на факты, смягчающие вину обвиняемого или частично оправдывающие его;

- подробное описание психического состояния преступника (как он дышал, стонал, смотрел на жертву и пр.); описание собственного психического состояния (страх, любопытство, стыд, напряжение и пр.);

- описание сексуальных ощущений, пережитых при совершении преступления (боль, щекотка, возбуждение, «странное ощущение» и пр.);

- особенности личности: устойчивость к внушению, уравновешенность, отсутствие склонности к фантазированию, лживости, внушаемости;

- способность детально и полно описать событие, действия людей и пр.

По мнению О.Д. Ситковской, об отсутствии психологи-

ческих признаков достоверности показаний могут свидетельствовать:

- неспособность к восприятию, точному наблюдению и описанию действий другого лица;
- плохая память, недостаточная способность выражать свои мысли и переживания;
- наивность; склонность к фантазированию, внушаемости, хвастовству; лживость; отсутствие стыдливости при описании события; наличие мотивов сознательной лжи – из страха, мести и пр.
- повышенный интерес к сексуальной стороне жизни; активное или провокационное поведение в области половых отношений.

Приведенные обстоятельства О.Д. Ситковская рекомендует расценивать как самые общие ориентиры, которыми может руководствоваться эксперт при оценке свидетельских показаний ребенка (подростка), с точки зрения их психологической достоверности¹.

На наш взгляд, рассмотренные положения представляют интерес и для следственной практики. В то же время они недостаточно полно раскрывают богатый психологический потенциал показаний, не систематизированы и не вылились в четкую технологическую модель судебно-экспертного психологического исследования показаний.

Письменная (как и устная) речь человека представляет собой ценнейший источник информации о самых разнообразных признаках, характеристиках пишущего (говорящего) индивидуума. Не случайно криминалисты традиционно уделяют большое внимание исследованию указанного свойства в целях выявления и изобличения преступников, предотвращения и раскрытия преступлений. По мере развития науч-

¹ Ситковская О.Д. Психологические признаки достоверности свидетельских показаний детей и подростков // Межвузовский научно-практический сборник. Серия «Юридическая психология». Выпуск 1, – Ставрополь, 2002. – С. 117–119.

но-технического прогресса возможности для продуктивного исследования письменных текстов и носителей звуковой информации неуклонно возрастают. Сегодня уже можно говорить, что в мировой криминалистике на стыке психологии и лингвистики сформировалась новая область научного знания – криминалистическая психолингвистика. В России это направление только начинает пробивать себе дорогу. Ученым и практикам, работающим в этой области, может оказаться полезным ознакомление с накопленным за рубежом опытом, в частности, с тем, что достигнуто при разработке и реализации метода психологического анализа достоверности утверждений.

Психологический анализ...
Рядом с...
в 1953 г...
на суде...
Самой распространённой...
детей о сексуальных посях...
становились дети. От...
ной категории является мал...
Тому есть ряд причин.
1. Поскольку часто сексуаль...
зачные с насильственными...
применения физической сил...
действия на теле потерпевш...
2. Могут не обнаруживать...
альной активности по при...
3. Сексуальные преступления...
чтобы об их общественно п...
узнал, а поэтому действую...
Есть и оказываются наблю...
ельские дети.
4. Признание преступни...
случае, когда он убежден, ч...
ребенку.
Из сказанного становится...
жаний потерпевшего в возбу...
расследовании. Вместе с те...
вероятность искажений и о...
ниях. Сложилась вроде бы с...
твёрдо верить показаниям...
суждены невинные, а...
дов будет парализован...

IV

Психологический анализ достоверности утверждений

Родина данного метода – Германия. После Второй мировой войны в Германии началась организация системы уголовной юстиции. В 1953 году были созданы специальные ювенальные суды, занимавшиеся рассмотрением дел о преступлениях, совершенных лицами моложе 21 года (или против них). Самой распространенной категорией дел в этих судах были дела о сексуальных посягательствах, в которых жертвами часто становились дети. Отличительной особенностью дел данной категории является малочисленность доказательств.

Тому есть ряд причин.

1. Поскольку часто сексуальные посягательства, не связанные с насильственными действиями, совершаются без применения физической силы, то и следы физического воздействия на теле потерпевших не всегда обнаруживаются.

2. Могут не обнаруживаться вещественные следы сексуальной активности по причине отсутствия семяизвержения.

3. Сексуальные преступники принимают меры к тому, чтобы об их общественно порицаемом поведении никто не узнал, а поэтому действуют без посторонних свидетелей. Если и оказываются наблюдатели, то это обычно бывают маленькие дети.

4. Признание преступника можно получить лишь в том случае, когда он убежден, что другие верят потерпевшему ребенку.

Из сказанного становится ясно, сколь велика роль показаний потерпевшего в возбуждении уголовного дела и в его расследовании. Вместе с тем известно также, сколь велика вероятность искажений и ошибок в свидетельских показаниях. Сложилась вроде бы безвыходная ситуация: если безоговорочно доверять показаниям потерпевшего, могут быть осуждены невиновные; если не доверять – деятельность судов будет парализована, а преступники получают неограни-

ченную возможность для удовлетворения своих противостественных наклонностей.

Выход был найден с помощью психологов, создавших метод, помогающий отличать правдивые показания от лживых.

Основы метода были заложены в середине 60-х годов немецким психологом Уго Дойчем, немало сделавшим для становления и развития судебно-психологической экспертизы показаний. Впоследствии в доработку и совершенствование метода внесли свой вклад ученые разных стран.

В основе теории метода анализа утверждений лежит положение о том, что правдивые показания отличаются от ложных как по содержательным, так и по формальным признакам.

Установлено, что показания, основанные на реальных, пережитых самим субъектом событиях, качественно отличаются от показаний, не основанных на собственном опыте, а являющихся продуктом импровизационной фантазии или заранее обдуманной фальсификации. Критерии реальности («контент-критерии») отражают специфические признаки, позволяющие отграничить правдивые показания от ложных. В настоящее время выделено 19 таких критериев. Они отражены в пяти основных категориях:

- общие характеристики свидетельствования;
- специфические детали;
- необычные характеристики, связанные с содержанием;
- содержания, связанные с мотивацией;
- элементы, отражающие специфику преступления.

Распределение критериев по этим категориям наглядно представлено в приведенной ниже таблице.

Таблица контент-критериев для анализа показаний

Общие характеристики:

- 1) логическая структура;
- 2) неструктурированная продукция;
- 3) количество деталей.

Специфические детали:

- 4) включение в контекст;
- 5) описание взаимодействия;
- 6) воспроизведение разговора;
- 7) неожиданное осложнение в ходе инцидента.

Необычные характеристики, связанные с содержанием:

- 8) необычные детали;
- 9) излишние детали;
- 10) точно сообщенные детали, малопонятные свидетелю;
- 11) сопутствующие внешние ассоциации;
- 12) сообщения о своем психическом состоянии;
- 13) атрибуция (приписывание) психического состояния преступнику.

Содержания, связанные с мотивацией:

- 14) спонтанные поправки;
- 15) допускаемая возможность «пробелов в памяти»;
- 16) сомнения в значимости своего свидетельствования;
- 17) самобичевание (осуждение себя самого);
- 18) оправдывание преступника.

Элементы, отражающие специфику преступления:

- 19) детали, характерные для преступлений данной категории.

Первая категория критериев относится к общей характеристике всего показания. Контент-критерии этой категории требуют изучения показаний в целом. Они могут быть первым шагом анализа и оценены безотносительно к деталям содержания показания. Логическая структура обнаруживается, когда различные детали в показании независимо друг от друга описывают один и тот же ход событий (одинаковый). По существу, этот критерий относим ко всему показанию, рассматриваемому как единое целое. Введение критерия «неструктурированная продукция» объясняется тем, что, как было подмечено, ложные показания предоставляют-ся в непрерывно структурированной, чаще всего хронологи-

ческой последовательности. Третий общий критерий – количество деталей – считается «выполненным», когда показание содержит достаточно деталей о месте, людях, объектах и действиях, относящихся к преступлению. Следует подчеркнуть, что в отличие от остальных, эти три первых критерия являются необходимыми для подтверждения достоверности показания. Если эти критерии (особенно критерии 1 и 2) отсутствуют в содержании текста, достоверность показаний может быть поставлена под сомнение.

Критерии, относимые ко второй и третьей категориям, более специфичны и эта специфичность становится объектом оценки (оказывается в фокусе внимания эксперта). Под включенностью в контекст понимается привязка расследуемого события ко времени и пространству.

В качестве индикаторов достоверности показания могут выступать такие специфические элементы содержания, как описание взаимодействий, воспроизведение разговоров, сообщения о неожиданных «осложнениях» в ходе инцидента и т.п. Третья категория критериев касается особенностей содержания показаний. Сообщения о необычных или «избыточных» (не имеющих отношения к делу) деталях, сообщения о чувствах, душевных состояниях преступника или жертвы (свидетеля), как правило, присутствуют в рассказе о действительно пережитом, а не придуманном событии. Так, например, ребенок – жертва сексуального посягательства может дать точное описание деталей феномена эякуляции (или семяизвержения), смысл которого ему непонятен. Поэтому он может этот феномен неправильно интерпретировать. Или такой критерий достоверности, как сопутствующие внешние (побочные) ассоциации: рассказчик включает в повествование какие-то прошлые разговоры с преступником (не имеющие отношения к расследуемому событию). Например, по делу об инцесте (кровосмешении) дочь вспоминает, как раньше они с отцом обсуждали ее прошлые сексуальные отношения с другими партнерами.

Критерии четвертой категории относятся к мотивации лица, дающего показания. В его речи могут присутствовать спонтанные исправления по ходу рассказа, сомнения в надежности собственной памяти («точно не помню», «возможно, я что-то забыл»), неуверенность в том, что его рассказу поверят, упоминание деталей, свидетельствующих не в пользу дающего показания, упоминание деталей, свидетельствующих о желании реабилитировать преступника, объяснить его поведение. Наличие в рассказе подобных признаков должно наводить на мысль о возможности ложного обвинения, так как в правдивом показании такие критерии маловероятны.

И, наконец, последний критерий достоверности относится к специфическим деталям расследуемого преступления. Для того чтобы соответствовать этому критерию, нужна специфическая компетентность. Например, в случае сексуальных преступлений подтверждением достоверности будет «согласованность» между различными частями показания и «типичным ходом развития» сексуального преступления. Если, скажем, показания ребенка согласуются с эмпирическими данными об особенностях сексуальных посягательств на детей и противоречат расхожим представлениям непрофессионалов, то это самое убедительное подтверждение истинности показаний. Так, для инцеста характерно длительное развитие взаимоотношений и прогрессирующая их эскалация (все начинается с самых невинных сексуальных забав). Специфической особенностью преступлений этого типа является также изменение отношения жертвы к посягателю по мере развития их отношений.

Оценка достоверности показаний — это сложный процесс, имеющий как количественный, так и качественный аспекты.

При оценке достоверности соблюдаются три непреложных правила.

Правило первое. Простые повторения в разных частях показаний не увеличивают «рейтинга» присутствия критерия.

Правило второе. Один и тот же фрагмент (часть) показаний (рассказа потерпевшего) может работать сразу на несколько критериев, то есть может оцениваться в несколько баллов.

Правило третье. Подлежат оценке лишь те показания, которые имеют отношение к расследуемому событию (а не все, о чем может рассказать опрашиваемое лицо).

После оценки присутствия (отсутствия) каждого из 19 критериев дается общая оценка качества показания, то есть степени вероятности достоверности показания. Другими словами, достоверности того, что опрашиваемый действительно пережил (а не придумал) то, о чем рассказывает.

В настоящее время возможна только качественная оценка показания, так как пока неясен «вклад» каждого из критериев в общую оценку достоверности.

Кроме всего прочего, оценка достоверности любого конкретного показания должна соотноситься с оценкой когнитивных и вербальных способностей источника информации (например, ребенка, если речь идет о показаниях детей), а также со сложностью описываемого события.

Количество критериев, которые можно найти в тексте, зависит от объема показания, природы описываемого события, а также от когнитивных способностей лица, дающего показание (то есть от способности воспринять, запомнить, удержать в памяти и впоследствии вербально воспроизвести воспринятое). Получение обстоятельного, объемного показания зависит от искусства допрашивающего, его умения разговаривать собеседника и направить разговор в нужное русло.

Кроме того, до проведения допроса (интервью) необходимо получить как можно больше информации о расследуемом деле, это нужно для того, чтобы не пропустить важную информацию. Специально разработанные приемы направле-

ны на то, чтобы получить рассказ достаточной длины, избегав при этом наводящих и внушающих вопросов. По завершении свободного рассказа у интервьюера может возникнуть необходимость в получении дополнительной информации, уточнении каких-либо деталей и обстоятельств дела.

Хотя метод давно и широко применяется в экспертной практике, исследований по проверке его точности, эффективности (валидности) проводилось очень мало. Публикация об одном из таких исследований (удовлетворяющих минимуму научных стандартов) относится к 1988 году.

Предметом изучения стали 40 дел о сексуальных посягательствах на детей и подростков в возрасте от 3,5 до 17 лет. В одной группе дел факты сексуальных посягательств подтвердились (20 дел). В эту группу дела включались на основании двух критериев: признание (без какого-либо давления) самого преступника (18 случаев) и медицинского подтверждения вагинального и (или) анального проникновения и травм. Во всех делах, отнесенных к этой группе, наличествовали один или оба вышеназванных критерия.

В другую группу вошли дела, в которых факты сексуального посягательства не подтвердились. Включение дел в эту группу основывалось на следующих критериях: подозреваемый упорно отрицал свою вину, медицинских доказательств и других подтверждающих свидетельств также не было, по оценкам клинического психолога вероятность посягательства была очень мала, дело было прекращено. Кроме того, в 13 из 20 случаев проверка на полиграфе подтвердила непричастность подозреваемого.

Обе группы были аналогичны по составу и типам вменяемых в вину сексуальных посягательств. В первой группе (подтвердившие сексуальные посягательства дела) было 3 мальчика и 17 девочек, во второй — 2 мальчика и 18 девочек. Тип посягательства: пальцевые проникновения (7 в первой группе и 9 во второй) и вагинальное совокупление (5 в первой группе и 7 во второй). Что касается связей между потер-

певшими – обвиняемым (подозреваемым), то в группе «подтвердившихся обвинений» 9 преступников были членами семьи потерпевшего и 11 посторонними лицами; в группе «неподтвердившихся обвинений» только два обвинения были выдвинуты против посторонних.

40 интервью с детьми (потерпевшими) были переведены в письменный формат и оценивались опытными экспертами, прошедшими специальную подготовку по работе с методом анализа утверждений. Экспертная оценка достоверности показаний производилась «вслепую», то есть эксперт не знал, подтвердилось ли в суде обвинение или нет. Кроме того, он не знал, к какой группе дел относится то или иное показание. Использовалась трехбалльная оценочная шкала: 0 – данный критерий в показании отсутствует; 1 – критерий в показании есть; 2 – критерий в показании есть и сильно выражен. Максимально возможное число баллов по всем 19 критериям – 38 (каждый критерий оценивался в два балла). Полученные оценки ранжировались от 0 до 38. Как оказалось, по критериям достоверности две группы дел очень четко дифференцировались: средний балл в группе с подтвердившимися обвинениями был 24,8 (при максимально возможном 38), в группе с неподтвердившимися обвинениями – 3,6.

Некоторые критерии особенно хорошо дифференцировали принадлежность показаний к той или иной группе дел: в группе с неподтвердившимися обвинениями они (критерии-признаки достоверности показаний) отсутствовали.

Представления о том, как на практике реализуется метод анализа утверждений, дает следующий пример.

Эта история пришла к нам из Канады. Там в собственном доме были убиты хозяйка дома и две ее маленькие дочери. Подозрение пало на мужа покойной женщины и отца ее детей – Джеффри Мак-Дональда (М.-Д.), работавшего врачом на военной базе. Арестованный категорически отрицал вину в совершении преступления. Из его показаний следовало, что нападение на него (у него имелись повреждения в обла-

сти головы и груди) и членов его семьи совершили двое незнакомых ему мужчин, ворвавшиеся в дом. События разворачивались на глазах молодой женщины, сопровождавшей налетчиков. Следователи не поверили М.-Д. Его взяли под стражу. Однако вскоре по приметам, сообщенным арестованным, была установлена некая Хелена С. (наркоманка). Ее допрашивали четыре раза под видеозапись. Данные Хеленой показания ставили под сомнение обоснованность обвинений и ареста М.-Д. Однако вскоре, не дожив до 30 лет, свидетельница скончалась. Так возникла необходимость в проверке достоверности показаний умершей наркоманки с использованием метода анализа утверждений. В этих целях ее показания, зафиксированные на видеограмме, перевели в письменный формат.

Для сравнения таким же образом были подготовлены показания М.-Д., сделанные им на разных стадиях расследования.

Подсчитали, что если при первом допросе свидетельница называла 131 деталь, то при последующих 49, 69 и 55 деталей соответственно. В сущности, три последующих допроса проводились для того, чтобы проверить повторяемость называемых деталей. При втором допросе из 49 названных деталей 48 (т. е. 100%) уже упоминались в первом интервью. При двух последующих допросах процент совпадений (связности) с первым интервью составлял соответственно 95% и 96,5%.

В ходе всех допросов было названо в общей сложности 149 деталей, имеющих прямое отношение к преступлению. Это немало для подтверждения достоверности показаний. Заметим, что количество деталей в сообщениях зависит от уровня сложности описываемого события. Важно и то, что если интервьюируемый лжет, ему требуется все время усилением воли держать освещенные детали под контролем. Характер сообщаемых Хелен С. деталей и их количество свидетельствовали о том, что она на самом деле воспринимала то, о чем дала показания.

Дополнительным подтверждением достоверности была и спонтанность ответов Хелен С. на задаваемые ей после свободного рассказа вопросы. Такая спонтанность возможна лишь тогда, когда в памяти сохраняются воспоминания о реальном (а не придуманном) событии. Ее описания тех или иных аспектов события воспроизводились во всех показаниях в полном соответствии друг с другом. Так, детали, воспроизведенные во время второго допроса, на 100% совпали с деталями показаний, данных на первом допросе. Аналогичная согласованность наблюдалась и дальше: в показаниях на третьем и четвертом допросах.

Очень существенным для оценки достоверности моментом является некоторая вариативность в деталях: могут добавляться какие-то новые детали и пропускаться детали, названные в предыдущем интервью. Это свидетельствует в пользу достоверности; ибо отрепетированный, заученный текст был бы неизменяем как по форме, так и по содержанию на всех последующих допросах. В достоверном пересказе сюжета легкая вариативность естественна.

Ключевым моментом в оценке достоверности показаний является сравнение с другими объективными судебными доказательствами и точно установленными фактами, которые можно перепроверить. Почти четверть (24,16%) информации, сообщенной Хеленой С., могла быть таким образом перепроверена. В остальной части своих показаний Хелена С. описывала свои действия и действия других участников события: сведения, приведенные в этой части показаний (75,84%), также могли быть подтверждены или опровергнуты независимыми доказательствами. В показаниях Хелены С. фигурировали 36 уникальных деталей, которые могли быть подтверждены независимыми судебными доказательствами. Причем, как показала проверка, 80,56% этих деталей были точными. Нужно отметить, что это обычный уровень точности для показаний незаинтересованных свидетелей. Таким образом, сам по себе этот факт не доказывает, но и не

ставит под сомнение достоверность показаний Хелены С. Более подходящим (релевантным) для оценки достоверности является тип сообщаемых правильно деталей и характер ошибок.

В показаниях Хелены С. содержались следующие правильные детали.

1. Телефон размещался на стене в кухне.
2. Правильно была описана кукла, находившаяся в одной из детских комнат.
3. Правильно была описана игрушечная лошадка (вплоть до треснувшего седла), находившаяся в одной из детских комнат.
4. Правильно был описан внешний вид шкатулки для драгоценностей, находившейся в спальне.
5. Была упомянута поздравительная открытка, находившаяся в жилой комнате.

Наличие этих деталей свидетельствует в пользу достоверности показаний, указывает на то, что свидетельница действительно была в помещениях, о которых она рассказывает. Хотя это не доказывает, что она находилась там именно в ту ночь, когда было совершено убийство, но и не опровергает этого факта (не противоречит ему).

При оценке достоверности анализируется и тип ошибок. По показаниям Хелены С., тело одного ребенка лежало рядом с телом матери (в действительности ребенка нашли в детской кроватке). Хотя это обстоятельство эксперты квалифицировали как ошибку, в деле имелись доказательства того, что тела убитых переносили из одной комнаты в другую.

Одним из компонентов данного типа анализа достоверности является сравнение показаний разных участников процесса. Хелена С. вспомнила о том, что, когда она вошла в жилую комнату, заметила, что телевизор работал с выключенным звуком. Это соответствовало показаниям обвиняемого («Я смотрел телевизор, но звук отключил, чтобы слушать свои стереозаписи»). Свидетельница вспомнила также,

что света в доме не было и ей пришлось зажечь свечу. Из показаний подозреваемого: «У одного из вошедших, у женщины, была в руке свеча». При осмотре места происшествия следы воска свечи были обнаружены на полу в жилой комнате.

По показаниям Хелены, когда она и двое ее знакомых наркоманов находились в доме врача, зазвонил телефон. Она взяла трубку и со смехом что-то несуразное сказала. В тот момент она, как и ее спутники, была под воздействием наркотиков. Ей было приказано соучастником положить трубку. Этот факт получил подтверждение в показаниях другого свидетеля, ошибочно соединившегося по телефону с домом Мак-Дональда в ту ночь, когда было совершено убийство. По словам свидетеля, ему ответила женщина, со смехом сказавшая что-то странное. Он расслышал, как мужской голос приказал ей положить трубку.

Все эти примеры «необычных деталей» служили подтверждением достоверности показаний Хелены С. Другими признаками достоверности явились логическая непротиворечивость, особенно в части рассказа об обстоятельствах убийства, спонтанный характер описаний, богатство деталей. Наличие в показаниях избыточных деталей, сообщений о неожиданных поворотах ситуации также согласовывались с критериями достоверности.

V

Американский вариант метода психологического анализа утверждений

Разработанный в Германии метод анализа утверждений был принят на вооружение за океаном и развит американскими специалистами. Они создали его улучшенную модификацию, рассчитанную на применение не только судебными экспертами-психологами, но и непосредственно следователями. В современном американском варианте методики анализа утверждений (АУ) акцент делается на использование лингвистических особенностей английского языка. Поэтому применение этого метода в нашей стране предполагает необходимость проведения специальных исследований, нацеленных на его увязку со спецификой российской языковой культуры.

Опыт следственного применения данного метода за рубежом показывает, что с его помощью следователь может убедиться, с кем он имеет дело — с правдивым или лгущим человеком. В зависимости от результата, если этот человек попал в круг заподозренных, следователь строит версию о возможной причастности или непричастности его к совершенному преступлению.

Метод рекомендуется применять на стадии подготовки допроса проверяемого лица. Это позволяет выбрать правильную тактику предстоящего допроса и облегчит решение задачи по получению признательных показаний.

В одной из американских фирм в интервале между 12 и 13 часами в рабочий день пропал мешок с деньгами, приготовленный для отправки в банк. Руководитель фирмы обратился к агенту ФБР Полу Гоффину с просьбой найти вора и высказал предположение, что кражу совершил кто-то из персонала фирмы. В беседе с заявителем детектив выяснил, кто из сотрудников имел доступ в комнату, из которой пропали деньги. Затем он написал записку с инструкцией, передал ее руководителю фирмы, попросил его размножить за-

писку и отдать каждому из названных последним сотрудникам. Инструкция была такой: взять лист бумаги и описать как можно подробнее с указанием часа и минут в хронологическом порядке все свои действия в день происшествия, начиная с момента пробуждения утром и до отхода ко сну. В описании должны быть указаны в хронологической последовательности все происшедшие за день события, дела, в которых принимал участие проверяемый и которые происходили вокруг него, а также чувства, испытанные при восприятии происходившего в течение дня.

Расставшись с детективом, руководитель фирмы поехал к себе на работу и сделал все именно так, как ему рекомендовал Гоффин. Полученные от сотрудников объяснения он отвез детективу. Изучив тексты, Гоффин произвел их первичную сортировку. Некоторые из объяснений он сразу же отложил, исключив их авторов из числа проверяемых. В отношении тех, кто по его мнению заслуживал внимания, определил очередность их приглашения к себе для допроса. Когда и эта часть проверки была завершена, детектив сопоставил сделанные показания с текстами объяснений, безошибочно определил круг подозреваемых, передопросил их и получил у них то, что хотел – признание своего участия в совершенной краже и возвращение похищенного.

Успешному разрешению данной ситуации способствовали знания, полученные детективом в Академии ФБР в рамках курса «Опрос и допрос». Изучаемая там методика анализа утверждений ориентирует полицейских следователей на необходимость исследования таких компонентов письменной речевой продукции:

- 1) частей речи: местоимений, существительных, глаголов (особенно важно время: настоящее или прошедшее);
- 2) посторонней, то есть не имеющей отношения к делу информации;
- 3) степени уверенности в сообщаемой информации;
- 4) баланса утверждений (показаний).

С точки зрения категории «баланс», показания — это не просто последовательность каких-то изложенных деталей, это своего рода отчет о событии. Развернутое показание должно состоять из трех примерно равнообъемных частей. Первая часть — то, что предшествовало расследуемому событию (она вводит событие в контекст). Вторая часть — описание возникновения самого расследуемого события, то есть того, что случилось во время кражи, изнасилования, пожара и т.п. Третья часть — описание того, что произошло после расследуемого события, в том числе (на эмоции — особое внимание) интервьюируемого. Эта, последняя часть действия и эмоции должна быть по крайней мере не меньше первой. Чем лучше сбалансированы три части показания, тем больше вероятность того, что показания правдивы. На листке, на котором написано показание, подсчитывается количество строк в частях, описывающих «до», «во время» и «после». Если 33%, то есть $1/3$ строк в каждой части, то большая вероятность, что показание правдиво. Допустимы вариации, но небольшие. Если какая-то часть показания неполная или вовсе отсутствует — весьма вероятно, что показание ложное. Приведем такой пример из следственной практики. В показании, написанном человеком, у которого якобы сгорел дом, следователь насчитал 56 строк (показание содержало полное описание событий — от пробуждения до отхода ко сну — в день пожара). Далее следователь произвел дифференцированный подсчет: до пожара 33 строки (59 %); во время пожара 16 строк (28,5%); после пожара 7 строк (12,5%).

Явное нарушение баланса, что и насторожило следователя. Часть «до» чересчур длинная, а часть «после» — слишком короткая. Кроме того, в первой части содержалось слишком много информации, никакого отношения к пожару не имеющей. У следователя возникла мысль: «А не пытается ли автор текста оправдать себя или сбить с толку расследование?». Версия подкреплялась еще и тем, что в рубрике «по-

сле» имелось очень мало информации и совершенно отсутствовали какие бы то ни было эмоции. Никаких, естественных для пострадавшего признаков гнева, шока, горечи, чувства потери. Получалось, что заявителя последствия пожара совсем не волновали. Впоследствии этот человек признался в том, что дом поджег он сам.

Анализ частей речи – самая важная и самая «американизованная» часть метода АУ. Простой и доступной форме изложения рекомендаций для следователя по проведению данного анализа предшествовала громадная работа по установлению критериальных признаков (нормы), характерных для правдивого показания. Следователь, зная эти критерии, сравнивает с ними конкретные показания, ищет отклонения и делает вывод о правдивости или ложности сообщений.

Наличие в показании посторонней, не имеющей отношения к делу информации, также может служить признаком лжи. Человек, говорящий правду, тот, кому нечего скрывать, когда ему задают вопрос «Что случилось?», будет связно и в хронологическом порядке рассказывать об обстоятельствах развития события. Любая, не относящаяся к этому вопросу информация, считается посторонней.

Лицо, причастное к преступлению, может испытывать потребность в оправдании своих действий. В таких случаях информация, содержащаяся в показании, будет отклоняться от логической временной структуры или будет обходить события, имевшие место в действительности. Может также иметь место сообщение избыточной информации. В таких случаях следователь должен внимательно изучить эту постороннюю информацию и задаться вопросом, почему коммуникатор считает необходимым эту информацию включить в рассказ.

Супруг, застреливший жену, рассказывал в полиции, что он чистил ружье и оно случайно разрядилось. Следователи попросили мужчину описать (на бумаге) все, что он делал в день убийства.

В ответ на это предложение последовало длинное, перенасыщенное деталями описание состоявшейся накануне охоты и того, какое ржавое у него было ружье, однако занятия, дела, поступки в день убийства были опущены. По показателю качества посторонней информации следователь заподозрил «охотника» в преднамеренном убийстве жены.

Другой важный фактор АУ – дефицит убедительности или недостаточная уверенность в сообщаемой информации. Следователя должно настораживать, если в показании постоянно повторяются выражения типа «я не припоминаю», «точно не помню», «возможно, я забыл».

Нужно также обращать внимание на использование в повествовании таких фраз, как «я думаю», «я считаю», «типа того», «из того, что я знаю» и т.п. Эти так называемые ограничители служат для того, чтобы обесценить события еще до того, как они будут переданы. Обычно человек, избегающий прямых, точных, категоричных ответов, оставляет себе возможность для маневра. Для следователя это должно стать сигналом того, что допрашиваемый чего-то недоговаривает.

По одному из дел объектом анализа являлось заявление студентки колледжа, утверждавшей, что в 3 часа 30 минут утра в ее комнату проник мужчина и изнасиловал ее.

Заявление было переведено из устной формы в письменную. Из опыта известно, что при описании потерпевшими такого сильного травмирующего психику события, как изнасилование, эмоции должны бить через край. Однако в сообщениях студентки их было явно недостаточно. Вот как она описала случившееся: «Он схватил меня и приставил к горлу нож. Когда я проснулась, а я уже действительно спала, я не сразу поняла, что происходит. И поверьте мне, я испугалась и удивилась. Вы знаете. Вы знаете, я была испугана, а он приказывал мне замолчать и спрашивал, чувствую ли я нож у горла».

Обращает на себя внимание фраза: «Я испугалась, когда проснулась». В ситуации, когда женщина просыпается

ночью и видит у себя в постели незнакомого мужчину, угрожающего ей ножом, более естественно было чувство ужаса, оцепенения, а не удивления и испуга.

Следователь учел все эти обстоятельства, готовясь к допросу. Избранная им тактика позволила изобличить студентку в ложном доносе. Событие преступления отсутствовало, что она и была вынуждена признать.

Не так давно внимание средств массовой информации в Америке было привлечено к на шумевшей истории, разгоревшейся вокруг Сюзанны Смит и двух ее якобы пропавших без вести детей. В ходе следствия выяснилась картина, далекая от того, как эта история вначале представлялась. А картина в ее реальном варианте выглядела так: Сюзанна Смит вышла из своего автомобиля красного цвета и отпустила парковочные тормоза. Машина, в которой находились привязанные к сидениям двое ее сыновей, трех и четырнадцати месяцев отроду, покатила вниз и рухнула с крутого обрыва в глубокое озеро. Чтобы скрыть преступление, Смит обратилась в полицию с заявлением о похищении ее сыновей и потребовала объявить федеральный розыск детей и похитителя. Применение метода анализа утверждений позволило заподозрить, а затем изобличить «безутешную» мать в убийстве своих детей и сокрытии преступления.

Во время расследования Сюзанна Смит, рыдая, говорила: «Мои дети ждали меня. Они нуждались во мне. И сейчас я не могу им помочь». Муж Сюзанны и отец мальчиков, поверивший в эту историю, пытался утешить жену: «Все хорошо. Скоро они будут дома».

Анализируя показания родителей «похищенных» детей, следователи пришли к выводу, что отец верил в то, что его мальчики живы, а мать знала, что их нет в живых. Прийти к такому выводу помогла английская грамматика, в частности, времена глаголов. Отец, говоря о детях, употреблял глаголы в настоящем времени, мать — в прошедшем времени. Она

употребляла такие слова, как «они ждали меня», «они нуждались в моей помощи». Потому что знала – ее сыновья мертвы, следовательно, помощь им уже не требуется.

Так из «убитой горем потерпевшей» госпожа Смит превратилась в заурядную обвиняемую.

Суд признал ее виновной в содеянном и приговорил к пожизненному заключению. Наказание она отбывает в одном из исправительных учреждений в Южной Каролине.¹

¹ Богомолова С.Н., Образцов В.А. Криминальная психология. – М., 2002.

VI

Судебно-психологическая проверка достоверности информации об умершем лице

Судебно-психологическая экспертиза живых участников уголовного процесса – важное, но не единственное направление судебно-психологических исследований. Не менее важным и к тому же более сложным направлением является исследование, проводимое после смерти какого-либо участника (реального или потенциального) уголовного процесса.

В том случае, когда следствие располагает сведениями о совершении определенными лицами действий, провоцирующих самоубийство (доведение до самоубийства), а также при возникновении предположения относительно инсценирования самоубийства, главный вопрос, который ставится перед назначенной судебно-психологической экспертизой, связан с установлением наличия или отсутствия у покойного в период, предшествовавший смерти, психического состояния, предрасполагающего к самоубийству (суициду). Если такое состояние имело место, выясняется, чем оно было вызвано.

В структуру факторов, побуждающих суицидальные настроения и действия, включая таинственные, не сразу распознаваемые случаи суицида, становящиеся предметом дискуссий даже среди специалистов, относятся непреодолимый страх, который испытывают некоторые лица, виновные в совершении преступлений, перед лицом неотвратимого наказания за содеянное, а также нежелание нести всю меру ответственности за причиненное другим зло.

Случай, о котором пойдет речь, стал предметом комплексного анализа в рамках психолого-психиатрической экспертизы. На ее рассмотрение было вынесено несколько вопросов, включая тот, что имеет отношение к затронутой теме – анализу утверждений. А началось все так...

10 ноября 1992 года около часа ночи в компрессорном помещении станции Иркутск-сортировочная обнаружили

труп механика Полины Киптун, убитой на рабочем месте 17 ударами колюще-режущего орудия. Вещи и деньги потерпевшей остались нетронутыми, двери помещения были заперты изнутри, а одно из окон оказалось открытым. Киптун заступила на смену 9 ноября в 20 часов. Она характеризовалась положительно, отличалась осторожностью и держала запертыми двери компрессорной во время своего дежурства.

На протяжении следующих 6 лет тщательной оперативной отработке подвергались лица из окружения потерпевшей, применялись различные технические средства оперативно-розыскной деятельности, в том числе и полиграф. Полученные сведения проверялись процессуальным путем, но раскрыть преступление не удавалось. В конце 1998 г. следствие приступило к проверке версии об убийстве Киптун ее бывшим сослуживцем Кривовым, особо опасным рецидивистом. Работа осложнялась тем, что Кривов весной 1994 года был арестован за покушение на убийство членов своей семьи. Находясь под следствием, он скончался в следственном изоляторе в мае 1996 года.

С помощью оперативных работников были установлены сокамерники Кривова. Они дали показания о том, что Кривов рассказывал им про совершенное с помощью ножа убийство женщины на станции Иркутск-сортировочная. Сын, дочь и сожительница Кривова показали на допросах, что он ушел из дома 9 ноября 1992 года в 19 часов, а вернулся около 22 часов в подавленном настроении, начал пить водку, пытался повеситься и говорил, что завтра они узнают причину этого. В ту же ночь Кривов уничтожил свою одежду и обувь, в которой уходил из дома, а сыну сообщил, что убил Киптун в помещении компрессорной. Позднее он рассказал домашним, что убийство совершил без свидетелей и никто не докажет его вину.

Дополнительно допрошенные по делу знакомые Кривова пояснили, что он отличался злобным и мстительным характером. Незадолго до смерти Киптун имел с ней конфликт,

знал способ проникновения в запертую компрессорную через окно. Проведенный следственный эксперимент показал, что путь от жилища Кривова до здания компрессорной занимает 25 минут при средней скорости движения пешком. Таким образом, Кривов имел возможность совершить данное преступление и вернуться домой в период между 20 и 22 часами. Наступление смерти потерпевшей в указанный промежуток времени подтвердила и судебно-медицинская экспертиза.

По делу было допрошено большое число свидетелей, знавших Кривова, что позволило назначить посмертную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу. Для ее решения поставили вопросы о ретроспективной характеристике Кривова и его вменяемости, мотивации его поведения в ночь на 10 ноября 1992 года, а также о соответствии психологическим особенностям его личности доверительных рассказов родным и сокамерникам о совершенном убийстве.

Комиссия из шести опытных специалистов реконструировала подробный психолого-психиатрический портрет Кривова и пришла к выводу, что его поведенческие реакции в ночь на 10 ноября 1992 года, включая попытку суицида и уничтожения одежды с обувью, обусловлены острым переживанием возможности изобличения в убийстве Киптун. Откровенные рассказы сокамерникам, признание в убийстве своим родственникам соответствуют, по мнению экспертов, его психологическим особенностям и не содержат элементов фантазии. В момент совершения преступления Кривов являлся вменяемым.

Выводы экспертов использовались следователем, наряду с другими доказательствами, при вынесении обоснованного постановления о прекращении уголовного дела в связи со смертью Кривова, виновного в совершении убийства Киптун.¹

¹ Китаева В.Н. Значение посмертной психолого-психиатрической экспертизы виновного лица по делам об убийствах прошлых лет // Российский следователь 2000. — № 1. — С. 2.

Похожая ситуация сложилась и по другому уголовному делу. Решающим значением для принятия по нему соответствующего решения также послужили результаты экспертной проверки достоверности свидетельских показаний.

В июне 1982 года в контейнере на станции Тайшет случайно обнаружили труп пожилого мужчины с многооскольчатым переломом черепа, причиненным тормозной колодкой. Хотя личность погибшего идентифицировать не удалось, но совокупность доказательств указывала на бродяжнический образ жизни потерпевшего. В процессе оперативно-розыскных мероприятий был установлен свидетель Р., показавший, что убийство мужчины в контейнере совершил неоднократно судимый Иван, обитавший без определенного места жительства в районе станции Тайшет. Со слов Ивана ему известно, что преступление совершено на почве ссоры во время распития спиртного. Убийца очень переживал, что милиция активизировала поиски и может его задержать. Испытывая большое беспокойство, он говорил, что в тюрьму ни за что не попадет.

По фотоснимкам Р. опознал Тюменева И.М., ранее судимого за бандитизм и убийства, ведущего бродяжнический образ жизни. Было установлено, что Тюменев спустя 10 дней после обнаружения трупа в контейнере ушел в безлюдное место, на глазах машиниста идущего поезда лег головой на рельсы и погиб под колесами.

На протяжении последующих 16 лет данное уголовное дело считалось безнадежным. В 1998 году расследование по нему возобновили. Его поручили двум опытным работникам Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры. Те обратили внимание на то, что Тюменев совершил самоубийство, будучи трезвым. По имеющимся материалам, покойный никогда раньше не высказывал суицидальных намерений. Таким образом, на этот последний шаг его должна была толкнуть очень веская причина.

После сбора материала, характеризующего личность умершего, была назначена посмертная психолого-психиа-

трическая экспертиза. Специалисты определили Тюменева как психопата с явным регрессом субличных культур. Он всегда был злобным, агрессивным, эгоистичным. В личностных контактах склонен был развязывать и усугублять конфликты, эмоциональное возбуждение протекало у него в форме агрессивных действий, направленных на людей.

По мнению экспертов, рассказ Тюменева свидетелю Р. о совершенном убийстве является попыткой психического очищения. Зная о проведении милицией активных розыскных действий, направленных на раскрытие этого преступления, Тюменев начал испытывать аффективную дезорганизацию психики в результате фрустрации (безвыходного положения). Состояние фрустрации у Тюменева эксперты объяснили его физической и социальной личностной деформацией, переживаниями по поводу правонарушения, которое в любой день могло быть раскрыто, что привело бы его, пожилого, больного и одинокого человека, в места лишения свободы. Нарастающее эмоциональное напряжение вызвало острое кризисное состояние, отчего Тюменев, будучи в глубокой степени активной дезорганизации, вызвавшей сужение сознания, склонился к аутоагрессии.

Это заключение комплексной посмертной экспертизы позволило вынести мотивированное постановление о прекращении уголовного дела в связи со смертью лица, совершившего данное преступление¹.

Необходимость в квалифицированных постмортальных психологических исследованиях резко возрастает, а их значимость увеличивается в случаях загадочных смертей, когда далеко не сразу и не всегда удается следователям, органу дознания, суду определить, что это – убийство, самоубийство, доведение до самоубийства или несчастный случай.

¹ Китаева В.Н. Значение посмертной психолого-психиатрической экспертизы виновного лица по делам об убийствах прошлых лет // Российский следователь. 2000. – № 1. – С. 2.

Вопрос этот относится к категории задач повышенной сложности. Ответы на него даются не всегда точно. Заключение экспертов не во всех случаях аргументированы. Все это усложняет задачи следствия и суда по установлению истины, правильной оценке ситуации и принятию обоснованных решений.

Такое положение отчасти объясняется тем, что следствие не во всех случаях предоставляет в распоряжение экспертов в полном объеме необходимые им материалы. В то же время на качестве производимых экспертиз негативно сказывается недостаточность теоретически проработанной базы исследований рассматриваемого плана. В этом отношении может оказаться полезным более глубокое изучение российскими специалистами зарубежного опыта. Достижения в этой области на Западе, на наш взгляд, представляют практический интерес и для оперативно-розыскной и следственной практики, с точки зрения оптимизации взаимодействия следователей и психологов, правильной оценки и использования заключений последних в дальнейшей работе по уголовным делам. Особого внимания в этой связи заслуживает метод, получивший на Западе название судебно-психологической аутопсии.

Западные специалисты, занимающиеся проблемой суицида, накопили большой объем знаний в данной области, значительно продвинувшись в понимании психодинамики, психопатологии и эпидемиологии этого феномена. Хотя в большинстве стран суицид не считается правонарушением (за исключением случаев принуждения к суициду), на практике нередко ситуации вовлечения данного события в правовой процесс. К числу таких ситуаций относится убийство, замаскированное под суицид. Объектом правового реагирования могут быть и случаи, связанные с выплатами по полисам страхования жизни. (Если застрахованный совершил самоубийство, страховка наследникам не выплачивается.) Возможны и ситуации, связанные с медицинской практикой,

приведшие к самоубийству, а также обстоятельства, при которых возникает необходимость отграничить суицид от смерти в результате несчастного случая. В подобных ситуациях обычно назначается судебно-психологическая, а подчас и комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. Ее возможности значительно возросли после того как на вооружение специалистов поступил научно обоснованный метод экспертного распознавания (диагностики) суицида, получивший название психологической аутопсии. На страницах зарубежной печати упоминания об этом методе появились в 1968 году. Метод был создан в Лос-Анжелесском Центре превенции суицида (штат Калифорния) группой ученых под руководством доктора Е. Шнейдмана. Суть метода сводится к следующему. Специалист, реконструируя жизненные обстоятельства, историю болезни, душевное состояние, предшествующие смерти обследуемого человека, попытки суицида в прошлом, отношение его к алкоголю, наркотикам, иные психологически значимые факторы, высказывает обоснованное мнение о том, были ли у этого человека веские основания для принятия решения о добровольном уходе из жизни.

В отличие от аутопсии медицинской (вскрытие тела умершего), аутопсия психологическая может быть определена как вскрытие души.

На Западе сложилась детально разработанная система правил, соблюдение которых является необходимым условием обеспечения объективности, полноты и правильности рассматриваемых исследований.

Психологическую аутопсию принято поручать психологу клинического профиля, прошедшему специальную подготовку в области уголовного расследования и судебной патологии. Эксперт должен иметь представление о том, как проводится полицейское расследование, что такое анализ сцены происшествия (места происшествия), владеть методикой опроса свидетелей, потерпевших, подозреваемых. В США для сотрудников правоохранительных органов периодиче-

ски проводятся семинары, на которых учат новейшим технологиям анализа обстановки на месте происшествия. Поэтому психологу, пожелавшему специализироваться в области аутопсии, необходимо пройти курс обучения на одном из таких семинаров. Наряду с этим ему надлежит овладеть достаточными знаниями о разнообразных сценариях смерти. Вполне понятно и то, что эксперт должен быть высококлассным специалистом в своей собственной области. Он, в частности, должен хорошо знать литературу по суицидологии, теории личности и поведению так называемого высокого риска.

Заметим, что роль психолога в расследовании дела сугубо вспомогательная. Он не подменяет следователя и не оценивает ход расследования. Его задача иная – составить четкое представление о том, какие доказательства и каким образом собираются, уметь определять, насколько полной является собранная по делу информация, необходимая ему для дачи заключения, и в случае неполноты ее знать, где и как могут быть получены недостающие данные. Для успеха реализации рассматриваемого метода важно, чтобы и следователь неплохо разбирался в сути и тонкостях метода психологической аутопсии и в том, как работает психолог. Поэтому следователям необходимо знать, какие данные потребуются психологу, который будет проводить психологическую аутопсию. Как психологу не обойтись без знания процедур расследования, так и следователю не обойтись без знаний в области суицидологии, аутоэротизма, самокалечения, поведения высокого риска, токсикомании. Словом, залог успеха в использовании рассматриваемого метода – работа следователя и психолога единой командой.

Обычно при проведении психологической аутопсии специалисту предлагается прежде всего ответить на следующие вопросы:

- «Как и когда наступила смерть?»;
- «Почему именно в это время?»;

- «Каков наиболее вероятный способ ухода из жизни?»;
- «Мог ли этот человек совершить самоубийство, и если да, то почему?»

Наряду с этим выясняется, что было дорого для покойного (чему он отдавал предпочтение, что любил, что нравилось); что могло бы случиться в его жизни такое, что могло бы его потрясти, вызвать у него стресс; каковы были бы его реакции на стрессовые события.

Сведения о личности, жизнедеятельности, поведении покойного собираются и анализируются по определенной системе. Ее элементами являются следующие обстоятельства. Общее отношение к жизни, симпатии и привязанности. В этой связи выясняется, как жил обследуемый, чего достиг, чему отдавал предпочтение, что любил, чем дорожил, каковы его симпатии и антипатии. Чтобы избежать субъективизма и получить более полную и содержательную информацию, эксперту рекомендуется воспользоваться следующими психологическими методиками. Их называют оценочными шкалами наблюдателя, коррелирующими с некоторыми личностными факторами (невротизм, экстраверсия, открытость). Интервьюирующий (наблюдатель) оценивает покойного по этим шкалам, а судебный эксперт, сравнивая эти оценки с эмпирически полученными показателями нормативных групп, может судить об отклонениях от них (или об отсутствии таковых). При проведении психологической аутопсии специалист обычно пользуется двумя такими шкалами – так называемым списком прилагательных, характеризующих личностные особенности оцениваемого лица, и модифицированным личностным опросником.

В последний включаются вопросы следующего порядка.

Интересы и увлечения. Чем предпочитал заниматься в свободное время, в отпуске, как расслаблялся, самые любимые занятия.

Стиль совладания. Как реагировал на стрессовые ситуации, утраты, фрустрацию, отвержение, критику; проявлял

ли свои чувства открыто или все переживал в себе; каким был в гневе.

Межличностные отношения. Был ли общителен или замкнут, легко или трудно сходилась с людьми, отношения с ними были поверхностными или более тесными, глубокими; имел ли близких друзей (по интересам) или имел много и самых разных по интересам и склонностям друзей; любил ли быть среди друзей или предпочитал уединение.

Стиль коммуникаций. Был ли открыт для общения или сдержан (заторможен); его мысли и чувства выражались преимущественно словами или действиями; было ли общение спонтанным или рефлексивным, т. е. обдуманным.

История семейно-брачных отношений. Семейный статус; были ли сложности, конфликты во взаимоотношениях (по какой причине); сколько раз вступал в брак; как долго состоял в браке; семейное положение перед смертью; количество, возраст и пол детей; с кем и где жили дети; возможные изменения во взаимоотношениях с супругой и детьми; имел ли место реальный развод или просто уход из семьи, имелась ли реальная или декларируемая угроза развода (ухода из семьи); не умирал ли кто-либо из членов семьи в последнее время; отношение членов семьи к алкоголю и наркомании; какими были взаимоотношения в семье.

История родителей и их семьи. Супружеские отношения, болезни, случаи госпитализации и лечения по поводу психических заболеваний, суициды; количество, возраст братьев и сестер; отмечались ли в семье случаи насилия, жестокого обращения с детьми и в каких формах, а также случаи сексуальных злоупотреблений; были ли в роду алкоголики, наркоманы; приходилось ли разлучаться с одним из родителей (служба в армии, заключение, иные обстоятельства), с кем, на какой срок, в каком возрасте; история смертей (суициды, рак, другие неизлечимые болезни, несчастные случаи) среди родственников (возраст родственника на момент смерти, иные детали).

Личные проблемы за последний (предшествующий смерти) год. Определяются, классифицируются и оцениваются симптомы депрессии, проявляющиеся в словах и действиях, перечисляются сигналы опасности, свидетельствующие о суицидальных намерениях.

Работа. Род занятий, трудовой стаж, как долго трудился на последнем месте работы; последние повышения (понижения) по службе, трудности в отношениях с коллегами и начальниками; степень удовлетворенности работой; послужной список (динамика карьеры, включая увольнения, отставки, продвижения по службе); как часто и почему менял место работы.

Воинская служба. В каком возрасте поступил на воинскую службу, как долго на ней состоял; участвовал ли в каких-либо сражениях; был ли вовлечен в травматические инциденты; причина увольнения (демобилизации) из армии; награды, поощрения, взыскания.

Состояние физического здоровья. Наличие серьезных заболеваний, их лечение; недавние изменения или ухудшения здоровья; травмы, несчастные случаи, факты госпитализации; список систематически употребляемых лекарств.

История психических заболеваний. Диагноз, госпитализации, формы психотерапии; продолжительность и даты лечения; лекарства и иные формы лечения; формы проявления личностных расстройств, в том числе проявление ярости (гнева), импульсивности, эмоциональной неустойчивости, самодеструктивности, членовредительства.

Проблема алкоголя и наркотиков. Отношение, характер поведения в состоянии опьянения; злобность, драчливость, потеря самоконтроля, признаки алкоголизма; число и частота интоксикаций, злоупотребление алкоголем на работе; история лечения (с госпитализацией или на дому); если употреблялись наркотики, то какие именно; степень вовлеченности в наркоманию, поведение в состоянии наркотического опьянения.

Финансовое состояние. Уровень финансовой состоятельности, неудачи, потери, иные обстоятельства.

Правовой статус. Были ли по отношению к покойному в последнее время или в прошлом какие-либо криминальные посягательства; не находился ли он сам в конфликте с законом; собственное криминальное прошлое, включая факты арестов, осуждения, задержания, число и продолжительность отсидок, характер правонарушений; возможные отклонения в сексуальном поведении на свободе и в местах заключения.

История суицидальных попыток. Факты, даты, способы; подробное описание сопутствующих обстоятельств; были ли угрозы самоубийства; если да, то в какой форме они проявлялись, какие обстоятельства этому способствовали и что послужило катализатором; какие медицинские или психотерапевтические методы были предприняты после попытки суицида (даты, длительность лечения, тип лечения, госпитализация или поликлиническое лечение).

Свое исследование психолог начинает с изучения имеющихся в уголовном деле материалов. Эти материалы – основной источник сведений, интересующих специалиста. Главное, на что, изучая их, он должен обратить внимание, это информация о месте, обстановке и обстоятельствах происшествия. Она содержится в протоколах осмотра места происшествия, составляемых при этом рисунках, схемах, планах, фото- и видеоматериалах. Полезными с этой точки зрения могут быть данные допроса (опроса) очевидцев события, лиц, обнаруживших происшествие. Следующий объект особой заботы психолога – данные о личности и социально-экономическом статусе покойного. Мимо его внимания не должны пройти никакие, даже мельчайшие детали и подробности, характеризующие личностные особенности, поведение до и в ходе происшествия, положение исследуемого лица в обществе, его интересы, наклонности, черты характера, связи и отношения. Эксперту рекомендуется обра-

тить внимание на возраст, дату рождения, пол, расу, семейное положение, род занятий, образование, домашний адрес на момент смерти, характеристику лиц, с которыми проживал вместе, и тех, с кем поддерживал близкие отношения. В сфере внимания должны также находиться дата и час смерти, место смерти, обстоятельства обнаружения трупа, наличие или отсутствие записок, дневников, иных документов, содержащих сведения о суицидальных намерениях покойного, признаках насилия на теле и одежде трупа, а также следов, указывающих на возможность причинения потерпевшим самому себе каких-либо повреждений. Важным источником информации по многим вопросам, интересующим судебного психолога, может быть заключение судебного патологоанатома, вскрывавшего труп покойного. С этой же точки зрения интерес представляют медицинские карты покойного, его личные дела на работе, в школе, а также карты психиатрических клиник, в которых содержатся сведения, не включаемые в общую медицинскую карту. Если покойный провел какое-то время в тюрьме или на воинской службе, может возникнуть необходимость изучения документов соответствующих органов.

Ценные сведения о личности покойного содержат его личные вещи: дневники, записные книжки, переписка, фотографии, книги, а также предметы туалета и одежда. О многом могут рассказать книги и видеофильмы, найденные в жилище покойного. Следует обращать внимание на наличие в туалетной комнате покойного предметов одежды и (или) сексуальных принадлежностей противоположного пола.

После того как выполнен этот этап работы, приступают к изучению материалов допроса лиц, которые могли что-либо знать о покойном. Если в деле нет их показаний, а имеющиеся не содержат в полной мере необходимой психологу информации, применяются меры по восполнению этого пробела, в том числе путем опроса друзей, родственников, коллег по работе покойного, производимого самим психологом.

Цель такого рода интервью – узнать как можно больше о характере и устойчивых чертах личности и поведения. По телефону заранее обговаривается время и место, удобное для интервьюируемого.

Важным условием успеха на этом пути – установление надлежащего психологического контакта с опрашиваемым. Психолог должен быть готов к сдержанному и даже враждебному приему со стороны родителей, супруга, близких покойного. Их могут настораживать вопросы, касающиеся личной жизни покойного, включая ее интимные стороны. Поэтому от интервьюера требуется такт, выдержка, понимание эмоционального состояния собеседника. Если он не сумеет установить психологический контакт с интервьюируемым, добиться взаимопонимания, он не получит нужной информации. Лучший способ добиться такого контакта – обратиться к интервьюируемому с просьбой о помощи, особо подчеркнув ценность сообщаемых им сведений для понимания случившегося. Нужно быть внимательным не только к тому, что говорит интервьюируемый, но и к тому, чего он не договаривает. В недоговоренном может скрываться разгадка тайны случившегося и роли покойного в собственной смерти.

Вот некоторые общие рекомендации для проведения опроса. Поскольку полнота и надежность полученной от интервьюируемого информации будет зависеть от частоты, длительности, характера взаимоотношений с покойным, то в начале интервью нужно получить ответ на следующие вопросы: как долго опрашиваемый был знаком с покойным; когда состоялась их первая встреча и при каких обстоятельствах; часто ли приходилось общаться; степень близости контактов; когда и в связи с чем они виделись последний раз. Чтобы лучше понять характер взаимоотношений, можно задать интервьюируемому вопрос типа: «Что вам нравилось (имя покойного) в нем?»

Эта часть интервью выполняет также и функцию укрепления психологического контакта. Поэтому интервьюеру

необходимо по ходу интервью время от времени проявлять сожаление по поводу случившегося, понимание состояния опрашиваемого, выражать ему свое сочувствие, в то же время давая понять, что сообщаемые им сведения очень интересны и значимы. Интервьюера должны интересовать не только факты, но и аргументация, оценки, мнения партнера по коммуникации.

В ходе интервью выясняются также такие, например, моменты: являлось ли для покойного привычным оружие или орудие, с применением которого связана его смерть; бывал ли он раньше в том месте, где его нашли мертвым; не был ли способ смерти отрепетирован покойным прежде; соответствует ли способ смерти образу жизни и особенностям личности покойного.

В предмет интервью также входит выяснение особенностей эмоциональных и поведенческих реакций покойного на стрессовые, критические ситуации, способов выхода из подобных ситуаций. Следует поинтересоваться, не замечалось ли в последнее время каких-либо существенных изменений в этом плане, когда и в связи с чем они появились. Развитие интервью может идти по линии обсуждения того, как воспринимались и оценивались покойным события, предшествовавшие трагическому исходу, что было для него важным, что могло повлиять на его решение, не высказывались ли им прямо или косвенно намерения добровольно уйти из жизни.

Нельзя жалеть времени, которое может быть затрачено на интервью тех, кто давно и хорошо знал покойного. Опрашиваемых необходимо настраивать на обстоятельный рассказ, содержащий как можно больше подробностей о личности и жизни покойного. Особое внимание в таких случаях следует уделять последнему году и, прежде всего, двум последним неделям жизни покойного и тем метаморфозам, которые наблюдались в его состоянии в эти периоды времени. В этой связи у интервьюируемого необходимо выяснить, каковы были стиль и эмоциональное состояние покойного, не

наблюдались ли
симптомы психиче-
ских, в отношении
карств, в реализа-
ция автомашин
разговор о том, ка-
о чем переживал
следней встречи
настроении, что
ние, что необыч-
манерах, намере-

Завершая инт-
беседника назва-
состоянии сообщ-
того как вся не-
ция собрана, он
ясь реконструи-
тить на вопрос о
ном случае. Для
причин смерти
как намерения
ются объектив-
намерения суб-
как в вербальн-
книжках, ауди-
К их числу от-
1. Неожидан-
пертируемого
явления необ-
ние имуществ-
печению буду-
2. Появлен-
смерти, жела-
го не мило»,
много значит

наблюдались ли у него резкие перепады настроения или симптомы психического заболевания, изменения в привычках, в отношении к еде, сну, сексу, выпивкам, приему лекарств, в реализации социальных контактов, в стиле вождения автомашины и т. д. Особенно детальным должен быть разговор о том, как выглядел, в каком состоянии находился, о чем переживал и что рассказывал покойный в момент последней встречи с интервьюируемым (в каком он пребывал настроении, что вызвало его неудовольствие или возмущение, что необычное в его облике, эмоциональном состоянии, манерах, намерениях бросилось в глаза).

Завершая интервью, психолог может попросить своего собеседника назвать людей, которые также знали покойного и в состоянии сообщить о нем дополнительные сведения. После того как вся необходимая, по мнению психолога, информация собрана, он приступает к ее комплексному анализу, пытаясь реконструировать обстоятельства случившегося и ответить на вопрос о реальности или нереальности суицида в данном случае. Для определения суицида и исключения других причин смерти ключевым является такой признак личности, как намерения. В свою очередь, и это облегчает задачу, имеются объективные признаки, позволяющие диагностировать намерения субъекта. Эти признаки могут быть обнаружены как в вербальном, так и в невербальном материале: записных книжках, аудио- и видеозаписях, дневниках, рисунках и т. д. К их числу относятся следующие обстоятельства.

1. Неожиданные, несогласующиеся со стилем жизни экспертируемого лица приготовления к смерти. Например, проявления необъяснимой щедрости, неожиданное раздаривание имущества, внезапно возникающая активность по обеспечению будущего детей, любимых животных и т. п.

2. Появление в разговорах тем прощания, неизбежности смерти, желания уйти из жизни. (Примеры: «Мне уже ничего не мило», «Вам будет грустно без меня», «Вы для меня много значите», «Пусть у вас будет хорошая жизнь».)

3. Проявление бессилия, беспомощности.

4. Проявление сильной физической или душевной боли, страдания. (Примеры: «Эта боль меня убивает. Я не в силах больше ее выносить», «Это выше моих сил», «Я так больше не могу». Косвенные проявления непереносимой боли, например отсутствие облегчения после обычных медицинских процедур.)

5. Интерес к смертоносным средствам и способам ухода из жизни (приобретение оружия, накопление потенциально смертоносных лекарств и т. п.).

6. Меры предосторожности, направленные на то, чтобы не помешали совершить суицид, чтобы не могли спасти (выбрано уединенное место, двери заперты и т. п.).

7. Указания на то, что покойный знал потенциальные возможности выбранных им средств смерти (например, знал летальную дозу употребленного им ядовитого вещества).

8. Попытки и угрозы суицида в прошлом.

9. Стрессовые события или ощутимые потери, как состоявшиеся, так и предстоящие. (Примеры: потеря близкого, разрыв с любимым, провал на выборах, крах карьеры, утрата самоуважения, финансовое банкротство, ожидание неизбежных изменений также может быть сильным стрессовым фактором, даже в том случае, когда такие изменения желаемы.)

10. Тяжелые депрессии или психические расстройства. Под депрессией в данном контексте понимается не кратковременное уныние и упадок настроения, а психическое расстройство, характеризующиеся стойкой и всеобъемлющей потерей интереса к жизни на протяжении достаточно длительного времени, от 2 недель и более. Дополнительными индикаторами депрессии служат гипертрофированное чувство вины и угрызений совести, общий упадок сил, потеря аппетита, заметное изменение веса тела. Поскольку депрессия относится к категории возобновляющихся (возрастных) заболеваний, наличие депрессии в прошлом свидетельствует о серьезности проблемы. Для того чтобы заме-

тить признаки депрессии или иные психические расстройства, не обязательно быть психиатром. Об ухудшении психического здоровья может свидетельствовать появление признака неопрятности (нежелание и неспособность следить за собой, своим внешним видом), резкое ухудшение взаимоотношений с окружающими, а также предшествующая психиатрическая госпитализация. К числу других психических расстройств относятся маниакальные или маниакально-депрессивные заболевания, психозы, органические психические расстройства, расстройства, связанные с алкоголизмом и токсикоманией, трудности контроля импульсов.

При проведении психологической аутопсии важно учитывать особенности смертельной ситуации. Так, если смерть наступила от огнестрельного оружия, то необходимо выяснить, каким способом был обеспечен доступ к чужому оружию, имел ли умерший таковое оружие в правомерном или незаконном владении, располагал ли знаниями и навыками обращения с оружием, не случались ли у него ранее какие-либо неприятности по поводу хранения, сбыта, применения оружия, и другие вопросы того же порядка.

В случае наступления смерти от передозировки лекарств, наркотиков необходимо выяснить, имел ли покойный представления о потенциальной опасности употребляемых препаратов; как он их приобрел (по рецепту, купил с рук, заранее собирал и накапливал); имелись ли раньше случаи передозировок и какие меры лечения применялись; соблюдались ли неукоснительно предписания и меры предосторожности при употреблении лекарств.

Смерть обследуемого лица может быть связана с асфиксией. В такой ситуации целесообразно обращать внимание на то, был ли покойный одет или раздет, не имелось ли в окружающей его обстановке порнографического, иного сексуального либо алкогольного или наркотического оснащения. Для правильной оценки ситуации могут потребоваться

сведения о сексуальной активности, сексуальных отклонениях покойного, его возможном интересе к орудиям и способам физического лишения жизни, умении обращаться с веревкой, другими необходимыми для самоудушения аксессуарами.

Собранные и проанализированные данные психолог представляет в виде письменного заключения.

Обычно оно состоит из трех частей и выводов эксперта.

1. Введение. В нем указываются сведения об инициаторе исследования и о психологе, проводившем его, описываются технология производства экспертизы, источники и методы собирания и анализа информации. Отмечается, были ли использованы тесты, выполнявшиеся третьими лицами, наблюдавшими поведение исследуемого лица. И, наконец, во введении обязательно следует оговорить, что выводы психолога-эксперта носят вероятностный характер и не имеют стопроцентной достоверности.

2. Исследовательская часть. Состоит из нескольких подразделов. Сначала приводятся данные о личности: имени, фамилии покойного, его возрасте, семейном положении, религиозной принадлежности (вероисповедании), профессии, образовании и иных идентификационных признаках. Затем следует подраздел, который можно назвать как представление проблемы. В нем должны найти отражение обстоятельства смерти (в их хронологической последовательности) и подтверждающие факты: место обнаружения трупа, заключение следователя, предшествующие смерти события, а также хронология событий, предшествовавших смерти, от 4 часов и до 12 месяцев. Эти сведения психолог получает из интервью с сослуживцами, друзьями, близкими покойного, а также людьми, с которыми он имел последний прижизненный контакт. Далее идет описание истории жизни исследуемого. В этом подразделе излагаются сведения о формировании его личности, семье, учебе, работе, здоровье (возможно подробное описание историй болезней, прежней попытки

суицида, психотерапии и т.п.), об истории жизни и смерти членов семьи, родственников.

3. Следующая часть заключения – виктимологическая. Здесь отражаются личные особенности обследуемого, его типичные реакции на стресс, периоды разлада в межличностных взаимоотношениях, стиль совладания (тактика поведения в трудных ситуациях), увлечения, интересы, перверзии (извращения), употребление (или злоупотребление) алкоголя, наркотиков, а также мечты, фантазии, отношение к смерти и самоубийству¹.

¹Образцов В.А., Богомоллова С.Н. Судебно-психологическая аутопсия как метод экспертной диагностики суицида // Уголовное право. – М., 2001. – № 1. – С. 58–61.

VII

Проверка достоверности информации о возможности лжесвидетельства

Основная цель, которую преследует следователь, производя допрос, состоит в получении от допрашиваемого достоверных исчерпывающих фактических показаний относительно известных последнему обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Обеспечить успех на пути достижения этой цели не всегда легко. Многое зависит от личностных особенностей допрашиваемого, мастерства следователя, уровня его тактического оснащения.

По уголовным делам допрашиваются люди с самыми разными психологическими характеристиками (с точки зрения их темперамента, характера, психического здоровья, психологического состояния и т. д.). Их поведение на допросе также имеет свои особенности. Одни многословны, велеречивы, навязчивы, другие, наоборот, замкнуты, немногословны, отчуждены. Для поведения одних характерна скромность, тактичность, умение сдерживать свои эмоции. Но нередко следователь сталкивается с их прямыми антиподами — нахальными, дерзкими, развязными, порой агрессивными людьми.

Каждый раз следователь, едва увидев переступившего порог его кабинета человека, вызванного на допрос, решает вопрос выбора варианта модели своего поведения, который позволит достичь ожидаемого результата от данного следственного действия. Этому способствует криминалистическое распознавание образа допрашиваемого лица.¹ Речь идет не о вне-

¹О проблемах теории и практики криминалистического распознавания см.: Образцов В.А. Криминалистическое распознавание: теория, метод, процесс //Труды МГЮА. № 3. — М., С. 131—142; Миронова Е.А. К вопросу о теории криминалистического распознавания //Труды МГЮА. №.: М., 1999. — С. 194—205; Проблемы криминалистического распознавания. Материалы научно-практической конференции. — Иркутск-Москва, 1999; Курс криминалистики. Общая часть. Под ред. В.Е. Корноухова. — М.: Юристъ, 2000. — С. 315—332.

шнем, поверхностном, видимом, не о мнимом, кажущемся навязываемом образе, а о подлинном, внутреннем, сущностном социально-психологическом облике (портрете) партнера следователя по информационному взаимодействию.

Распознавание образа допрашиваемого предполагает составление следователем четкого представления (вначале на предположительном уровне) по поводу того, с кем он имеет дело. Успешно решить данную задачу – это получить мысленные ответы на довольно обширный круг вопросов. В их число могут входить следующие:

- является ли допрашиваемый тем, за кого он себя выдает, соответствует ли его реальный облик тому, что демонстрируется внешними аксессуарами;

- каковы его нравственный потенциал, увлечения, намерения, планы, ценностные ориентации, образовательный, интеллектуальный, профессиональный уровни, социальный статус, характер, темперамент, образ жизни, степень притязания на лидерство, жизненные перспективы;

- каково его отношение к факту совершения расследуемого преступления, правопорядку, ведению следствия по данному делу, к лицу, его осуществляющему, своему процессуальному положению, является ли законопослушным, имеет ли уголовное прошлое, попадал ли он ранее в поле зрения правоохранительных органов, чем для него это закончилось;

- как давно, при каких обстоятельствах, в каком физическом, физиологическом и психическом состоянии, в каких условиях воспринимал событие, обстоятельство, по поводу которого дает показания, имеет ли психические или физические отклонения в данный момент.

Распознавание образа допрашиваемого создает предпосылки для решения ряда важных тактических задач при производстве анализируемого и последующих действий. В первую очередь таких задач, как определение следователем приемов установления и поддержания психологического

контакта с допрашиваемым. Важнейшей задачей, опирающейся на те же основания, является распознавание и преодоление лжи допрашиваемого.

Ложь — одно из тех, все более поражающих уголовный процесс зол, с которым следователь сталкивается при расследовании самых различных преступлений. Источниками лжи являются чаще всего подозреваемые, обвиняемые и свидетели. Перечень лжецов может быть продолжен, поскольку подчас в этом качестве выступают потерпевшие, а иногда и эксперты.

Ложь различают по характеру, формам проявления и целям, которые преследуются теми, кто использует ее в качестве орудия борьбы с правосудием. Опасна любая ложь: большая и малая, явная и тайная, примитивная и ухищренная. Но особую опасность представляет ложь неразоблаченная, от кого бы она ни исходила. В этом случае она может нанести весьма ощутимый вред правосудию, делу установления истины, принятию правомерных решений в уголовном процессе.

В общежитейском смысле ложь — это неправда, вымысел. Лгать — значит скрывать правду, искажать действительное положение вещей и состояние дел.

Выделяют два типа лжи:

- пассивная ложь, что выражается в непередаче сведений, которые известны (умолчание);
- активная ложь, т. е. сообщение заведомо ложных сведений.

Пассивная ложь бывает полная, частичная, а также тем, что называется запирательством.

Активная ложь подразделяется на ложь, целиком состоящую из вымысла; частичную ложь (соединение элементов правды с элементами лжи).

Ложь, базирующаяся на подтасовке фактов, формируется путем:

- исключения отдельных элементов события;

- дополнения реального события вымышленными элементами;
- перестановки отдельных элементов события во времени и пространстве.

Криминалистическая интерпретация этих понятий предполагает дачу заведомо ложных показаний по поводу тех или иных обстоятельств, подлежащих установлению.

Ложные показания могут быть даны в силу заблуждения. Однако заведомо ложные показания всегда являются разновидностью активной, преднамеренной лжи. В этом случае имеется в виду сообщение следствию или суду ложной информации с целью обмануть допрашивающих, ввести их в заблуждение.

По своему характеру (направленности) ложные показания могут быть:

- оправдательными;
- обвинительными;
- одновременно обвинительными в отношении одних и оправдательными в отношении других лиц;
- нейтральными (например, сообщение ложных сведений о преступлении, которое не совершалось, без указания на конкретное лицо, якобы совершившее это преступление).

В основе непреднамеренной лжи могут лежать самые различные причины, обусловленные психическими, физическими, логическими факторами (преклонный возраст, травмы головы, отрицательно сказывающиеся на процессе правильного восприятия, сохранения, воспроизведения информации, низкий образовательный и интеллектуальный уровень, приводящий к ошибкам в посылах, к ошибкам в отношении тезиса, в аргументации и т. д.).

Для преднамеренного лжесвидетельства характерны иные основания. Заведомо ложные показания чаще всего даются для того, чтобы помочь виновным лицам избежать уголовной ответственности; смягчить вину обвиняемого

(подсудимого); преувеличить вину лица, подлежащего привлечению или привлеченного к уголовной ответственности; оговорить невиновного в совершении преступления, к которому он не имеет никакого отношения, либо оговорить его в совершении мнимого, не существующего преступления.

С психологической точки зрения, процесс формирования заведомо ложных показаний предполагает последовательно происхождение следующих стадий: восприятие истинного события; запоминание и осмысление этого события; осознание цели сообщения ложных сведений и последствий данного акта; переработка воспринятого и создание мысленной модели задуманного лжесвидетельства; удержание в памяти моделей ложных показаний, построение модели процесса их сообщения на допросе; воспроизведение ложных показаний на допросе.

Причины, порождающие ложные показания свидетелей и потерпевших:

— — воздействие, которое они испытали со стороны заинтересованных лиц (просьбы последних, уговоры, подкуп, шантаж и т. д.);

— болезненное состояние психики;

— личная заинтересованность в исходе дела;

— намерение избежать нежелательного обременительного участия в уголовном процессе;

— нежелание помогать правоохранительным органам в установлении истины из-за негативного отношения к их работе, конкретным работникам.

В генезисе лжи существенную роль играют эмоции человека: страх, гнев, злорадство, зависть, тревога, надежда, отчаяние и прочее.

В качестве мотивов лжесвидетельства могут выступать корыстные побуждения, ложно понятые интересы коллектива, чувство товарищества, попытка самоутверждения таким способом и т. д.

Причины лжесвидетельства подозреваемых, обвиняемых:

- намерение уклониться от ответственности и возмещения причиненного вреда;
- намерение смягчить ответственность, сохранить нажитое преступным путем имущество, иные добытые незаконно блага, права, преимущества;
- воздействие на допрашиваемых со стороны других заинтересованных в ложности показаний лиц.

Делается это из опасения, что признание вины может изменить в худшую сторону судьбу допрашиваемого и его положение в обществе, повредить собственной репутации, причинить иной вред себе и другим людям, из желания отомстить соучастнику или иным лицам, боязни мести со стороны соучастников, других заинтересованных лиц, из корыстных побуждений или соображений получения иной выгоды.

Ложь многолика. Она имеет не только словесное оформление, проявляется не только в вербальном общении, но и четко прослеживается в самых различных невербальных формах.

Ложные показания, оговоры и самооговоры, ложные доносы и ложные алиби, фальсификации – все это ядовитые ягоды тлетворного поля лжи.

Версия о том, что допрашиваемый (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый) несмотря на его уверения в правдивости своих показаний сообщает ложные сведения, может быть построена на основе установления и анализа следующих обстоятельств:

- сообщения допрашиваемым лицом различных сведений по одному поводу;
- неопределенности, некорректности сведений, содержащихся в показаниях;
- наличия совпадений в мельчайших деталях показаний различных лиц об одном и том же;
- проговорки в высказываниях, указывающих на отрицаемую допрашиваемым лицом осведомленность в обстоя-

тельствах события, по поводу которого оно допрашивается;

- бедности эмоционального фона показаний (схематичность, безликость, бледность показаний);

- упорного подчеркивания допрашиваемым своей добропорядочности и незаинтересованности в исходе дела;

- уклонения допрашиваемого от ответа на прямой вопрос;

- сокрытия очевидных фактов, которые не могли быть не известны допрашиваемому лицу.

Каждое из перечисленных обстоятельств может рассматриваться в качестве признака лжи допрашиваемого. Это, однако, не значит, что взятое само по себе то или иное обстоятельство во всех случаях одинаково свидетельствует о лжи. Возможны и иные объяснения того, что в словах и других проявлениях активности допрашиваемого насторожило следователя. Поэтому, чтобы исключить ошибку в распознавании лжи, следует ориентироваться на несколько взаимосвязанных, взаимодополняющих, взаимокорреспондирующих признаков. Причем ограничиваться при этом только соответствующими признаками сиюминутной речевой активности явно недостаточно. То, что воспринимает следователь на вербальном уровне в данный момент, необходимо сопоставить с известными ему данными об особенностях устной речи допрашиваемого лица в иных ситуациях, в формальной обстановке и неформальном общении, в условиях расследования и за его пределами. Точность диагностики существенно возрастает в том случае, когда результаты наблюдения за вербальными коммуникациями сравниваются с результатами наблюдения за протекающими синхронно невербальными коммуникациями подсознательного типа.

Прочитать подлинные, а не демонстрируемые мысли собеседника – это значит суметь обнаружить рассогласование между его сознательным поведением и подсознательными поведенческими актами, между сознанием и подсознанием и дать правильную оценку выявленных расхождений.

Сказанное подводит к тому, что в психологии называется конгруэнтностью. Этим понятием обозначают совпадение смыслового значения вербальных и невербальных сигналов.

Устная речь и язык жестов у человека, дающего правдивые показания, обычно совпадают. Проницательный наблюдатель — это человек, который способен расшифровать невербальную информацию и соотнести ее с тем, что говорит его собеседник. Наблюдение за жестами и соответствием жестов и слов является ключом к правильной интерпретации языка жестов.

Трудности, которые испытывает лжец, обусловлены, в частности, тем, что подсознание работает автоматически и независимо от того, что человеком говорится. Телодвижения, неадекватные словам, выдают лжеца.

Как только человек начинает лгать, его тело самопроизвольно продуцирует некоторые движения, по которым он может быть уличен во лжи. Это связано с тем, что в процессе лживых речей подсознание посылает нервную энергию, которая проявляет себя в виде жеста, противоречащего тому, что сказал человек.

Распознавание лжи и у подготовленных к этому людей возможно потому, что даже если силой сознания они в состоянии подавить основные разоблачающие их движения тела, характерные для лгущего, ложь проявляется в микро-движениях и диагностируется по ним. К числу микрожестов, говорящих о лжи, можно отнести движение мускулатуры лица, увеличенное сокращение зрачков, покраснение щек, увеличивающееся количество миганий в минуту и другие различные внешние проявления.

«Для того чтобы лгать успешно, — с хитрой усмешкой советует Аллан Пиз, — надо прятать куда-нибудь ваше тело или вывести его из поля зрения собеседника... Лучший способ лжи — это ложь по телефону».

Не случайно поэтому знающие следователи и оперативники усаживают допрашиваемых (при наличии данных об их

психологической неготовности к даче правдивых показаний) на стул, поставленный на открытом, хорошо просматриваемом, ярко освещенном пространстве. Очень трудно лгать и адекватно управлять процессом невербального сокрытия лжи, когда тело допрашиваемого находится не только в поле зрения допрашивающего, но и в ярких лучах источника света.

Следственная практика дает немало примеров того, что выявление и разоблачение лжи допрашиваемого возможно в рамках одного вопроса. В то же время успех на этом пути часто обеспечивается лишь после того как, выявив ложь, следователь в состоянии разоблачить лжеца и подвести его к необходимости сказать правду лишь на очередном вопросе в финале серии вопросов, для подготовки которых проведена тщательная проверка первоначальных показаний допрошенного. Чем выше результативность таких проверок, чем больше в ходе их удастся собрать изобличающих лжеца доказательств, тем больше шансов на то, что после их предъявления на запланированном вопросе заподозренный во лжи даст наконец правдивые показания. В этом контексте деятельность по проверке и опровержению показаний лжеца приобретает характер специальной тактической операции. Одна от другой каждая такая операция может отличаться степенью сложности, глубиной, продолжительностью, объемом интеллектуальных, духовных, физических и иных затрат. Общим является лишь то, что все они представляют собой комплекс целенаправленных взаимосвязанных действий следователя, гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий.

Структура тактической операции по разоблачению лжеца может быть схематично изложена следующим образом.

Допрошенное лицо, вместо модели, адекватной тому, что им было воспринято в действительности, предлагает собственную, не соответствующую реальности модель (версию, объяснение, интерпретацию) события, факта, обстоятельства.

Наряду с этим, как вытекает из материалов дела, существует другая модель события (факта, обстоятельства), полностью либо в какой-то своей части не совпадающая с моделью, которую предложило допрошенное лицо (это позволяет заподозрить допрошенное лицо в лжесвидетельстве).

При проверке сведений, сообщенных заподозренными, они не находят своего подтверждения, в связи с чем его вариант объяснения событий отвергается как не соответствующий действительности.

Таким образом, основным критерием установления ложности показаний является обнаружение несоответствия сообщенных допрашиваемым лицом сведений о каком-либо факте, обстоятельстве фактическим данным по тому же поводу, установленному по делу, объективность которых не вызывает сомнений. Сделанный на этой основе вывод доводится до сведения допрашиваемого лица, в результате чего (в качестве ожидаемой реакции) может произойти изменение его позиции, признание факта лжесвидетельства и дача им правдивых показаний.

Арсенал приемов, которые реализуются при допросе лжеца, весьма значителен.

Есть смысл проанализировать сложившуюся ситуацию и четко разъяснить допрашиваемому, что приведенные доказательства неотвратимо ставят под сомнение правильность избранной им позиции по существу дела и бросают тень на достоверность его показаний о непричастности к преступлению.

Психологически сильным аргументом в арсенале средств тактического воздействия следователя в отношении запирающегося преступника является предъявление ему доказательств разоблачения актов противодействия расследованию, совершенных лично им либо вкуче со своими вдохновителями, покровителями, заступниками, укрывателями в целях дезинформирования, дезориентирования следствия, подавления активности следователей, потерпевших, свидетелей.

Иногда, чтобы побудить преступника, категорически отрицающего свою вину, признать ее и дать правдивые показания о своей роли в содеянном и обстоятельствах преступления, ему внезапно предъявляются убедительные доказательства, опровергающие ложное алиби, доказательства совершенной им инсценировки места происшествия, фабрикация оправдывающих его документов, фальсификации других фактических данных, подстрекательства родственников, знакомых, свидетелей, потерпевших к даче ложных показаний. Нарращивание демонстрируемой следователем доказательственной мощи, развитие его наступательной активности на позиции оппонента может осуществляться как в рамках одного обстоятельно, всесторонне подготовленного допроса, так и в ходе серии взаимодополняющих, органично связанных между собой общим тактическим замыслом допросов обвиняемого (подозреваемого). Однако в обоих случаях работа с обвиняемым должна строиться по единой тактической схеме. Она предполагает вначале предъявление и анализ доказательств неискренности, лжи обвиняемого, надуманности сведений, сообщенных на предыдущем допросе (допросах) по поводу не уголовно наказуемых обстоятельств его поведения до и после преступления. После этого допрашиваемому предъявляются, оцениваются и анализируются с его участием доказательства совершенного им преступления с обсуждением реально складывающихся для него уголовно-правовых перспектив, которые напрямую зависят от выбранной им позиции. В том случае, когда следствие располагает соответствующими уличающими материалами, изобличающая стадия допроса завершается кульминационным моментом — предъявлением и обсуждением доказательств разоблаченной акции противодействия расследованию. Наиболее весомым (как правило, финальным) аргументом чаще всего является предъявление заключения (заключений) судебной экспертизы и подлинников либо копий компрометирующих обвиняемого документов (перехвачен-

ной внутритюремной переписки соучастников, нелегально отправленных из тюрем на свободу родственникам, знакомым письменных инструкций о том, какие ложные показания и кто должен дать в интересах преступника, раскрывающих смысл легенды, которой он придерживался на следствии, и т. д.).

Один из приемов разоблачения лжи называется «допущением легенды». Суть его такова. Обстоятельства порой складываются таким образом, что лицо, на которое пало подозрение во лжи, оказывается в положении человека, факт той или иной прикосновенности которого к расследованию очевиден. Доказывать свою неосведомленность либо непричастность к случившемуся глупо и бессмысленно.

Понимая это, допрашиваемый не пытается отрицать очевидное. Однако в целях введения следствия в заблуждение он на допросе дает не соответствующую действительности интерпретацию случившегося, преподносит факты в выгодном для себя свете, извращая их, наполняет элементами фантазии, стремясь выгородить себя, преуменьшить или вообще исключить свою роль в содеянном. Зная об этом либо допуская возможность преподнесения ему легенды со стороны допрашиваемого лица, следователь тем не менее не расшифровывает свою догадку. Он стремится всем своим видом, действиями, реакциями создать видимость того, что он верит в то, о чем ему сообщает оппонент. Вступив в своего рода игру с допрашиваемым, следователь исходит из задачи выяснить как можно больше деталей, конкретики, подробностей и как можно точнее и обстоятельнее зафиксировать рассказ в протоколе допроса.

Открыться, усомниться в правдивости полученных показаний, приступить к опровержению сообщенных сведений следователю лучше, с тактической точки зрения, лишь после того, как все сказанное допрашиваемым занесено надлежащим образом в протокол допроса и этот документ подписан обеими сторонами. В этом случае, когда в распоряже-

нии следователя имеются весомые аргументы, он может приступить немедленно к опровержению, развенчанию легенды, сразу же после завершения процесса ее документирования. При отсутствии оснований для принятия такого решения возможны варианты дальнейших действий следователя: производство серии допросов по поводу тех же обстоятельств, их деталей, нюансов, т. е. скрупулезный дубляж предмета допроса (метод Ореста Пинто). Это делается в целях выявления (на основе сравнительного анализа содержания всех протоколов допроса) несовпадения деталей, противоречивого освещения одних и тех же вопросов в показаниях допрашиваемого, которые были даны в разное время (а такие нестыковки неизбежны, поскольку все детали, все тонкости ложной модели невозможно удержать в памяти и без ошибок, точка в точку воспроизвести через те или иные временные интервалы). Затем результаты указанного анализа демонстрируются на очередном допросе заподозренного во лжи лица с разъяснением ему неслучайного характера противоречий в целях оказания побуждающего воздействия дать правдивые показания. Данный тактический ход чаще всего приводит к успеху в том случае, когда он соединен с демонстрацией доказательств несостоятельности легенды, заблаговременно собранных до начала этого допроса, в ходе ее глубокой проверки.

Одним из тактически сильных средств оказания побудительного воздействия на лжеца в целях получения у него правдивых показаний является производство очной ставки с лицом (лицами), которое способно уличить первого во лжи.

Особое место в тактической операции разоблачения лжи занимает прием, который может быть назван комбинацией очных ставок. Речь идет о сериях очных ставок, которые целенаправленно приводятся лицу, давшему ложные показания, другим лицом, уличающим его во лжи (это делается неоднократно, в разное время и по поводу различных элементов лжи), либо с несколькими лицами. В последнем

случае очные ставки проводятся по поводу какого-либо одного обстоятельства, эпизода либо по поводу различных элементов одного эпизода и по различным эпизодам. Эффективность подобных комбинаций возрастает в том случае, когда в промежутках между очными ставками выполняются иные следственные действия с участием разоблачаемого во лжи (ими могут быть допросы, предъявление его для опознания, ознакомление с заключениями экспертиз, опровергающих его доводы и заявления либо ставящих под сомнение, и другие следственные действия).

После того как свидетель Вайтылло опознал Пищика, подозреваемого в убийстве, сопряженном с сокрытием трупа потерпевшего, между ними была проведена очная ставка. Свидетель уверенно подтвердил свои показания о том, что встретил Пищика возле гаража около 23 часов: «Пищик стал волноваться, на лбу его проступили капли пота». Сразу же была проведена очная ставка с Протасовым. Последний показал, что видел кровь на куртке Пищика и как тот стирал свою куртку. Протасов также подтвердил, что Пищик, видимо, умышленно ехал на автомобиле по болотам и грязи для того, чтобы уничтожить кровь на автомобиле; ранее он всегда носил с собой туристический топорик.

«После этой очной ставки Пищик стал терять самообладание, возмущался предательством товарища.

При проведении нового опознания свидетель Котельников подтвердил, что дважды видел этого парня (Пищика) возле гаража потерпевшего. После очной ставки «Котельников – Пищик» вновь провели допрос Пищика. Ему изложили, что доказано по делу, разъяснили возможности судебных экспертиз, предложили дать правдивые показания и указать, где спрятан труп. Наутро на допросе Пищик подробно рассказал об обстоятельствах нападения и убийства и просил учесть его признание при назначении наказания»¹.

¹ Следственная практика. Вып. 145. – М., 1985. – С. 91–92.

Допрос представляет собой процесс информационного взаимодействия, которое осуществляется на вербальном (словесном) и невербальном уровнях. Выше речь шла о взаимодействии лишь двух систем – допрашивающего и допрашиваемого. Между тем в допросе во всех без исключения случаях участвует еще одна сторона, на которой в криминалистической литературе почему-то не акцентируется внимание, хотя она нередко имеет решающее значение в обеспечении продуктивности данного следственного действия. Называется она – окружающая материальная микросреда. Ее образуют самые различные объекты материального мира, их связи и отношения: предметы, вещества, материалы – все то, что входит в понятие обстановки места допроса. Микросреда включена в информационное взаимодействие. Академик Виктор Глушков на заре советской кибернетики верно подметил, что информацию несут в себе не только испещренные буквами страницы книги или человеческая речь, но и солнечный свет, складки горного хребта, шум водопада и шелест листьев.

Процедура допроса протекает не в вакууме, не в пустом и глухом пространстве. Допрашиваемого окружают стены кабинета следователя, звуки и запахи, тепло или холод в помещении, предметы мебели, чьи-то голоса за дверью, книги на полке и многое другое, на что он обращает внимание, что он воспринимает, осмысливает, на что реагирует. Поза следователя и его манера говорить, документы, открытая пачка сигарет и пепельница, полная окурков на его рабочем столе, состояние освещенности помещения, включенный телевизор, трели телефонного аппарата, вид, состояние, положение и взаиморасположение предметов, их цвет, габариты, ветер, шевелящий занавески на раскрытом окне, а не только то, что говорит следователь, воздействуют на чувства и разум допрашиваемого. Они формируют его настроение, создают тот эмоциональный фон, который влияет на формирование, разбалансирование, разрушение психологического контакта

между партнерами по речевой коммуникации, формируют отношение к тому, что сообщает следователь, определяют решения, линию и тактику поведения. Особый интерес для него представляют субъективно, личностно значимые элементы окружающей микросреды, то, что имеет какое-либо отношение к нему, с чем он так или иначе связан в системе исследуемых по уголовному делу отношений.

Эти «немые свидетели» могут оказать значительно большее психологическое воздействие на допрашиваемого, его мысли, чувства, решения, поступки, нежели обмен вопросами и ответами со следователем, чем все вместе взятые слова последнего.

Данное обстоятельство давно подмечено криминалистами и в некоторых случаях учитывается при подготовке к допросу, в том числе и для определения следственных приемов из категории тактических хитростей. Не обмана, не лукавства, а именно хитростей, способствующих изменению занятой допрашиваемым по отношению к расследованию негативной позиции, формированию такого эмоционального настроения, который приближает его к желанию сказать правду, перевести допрос из неконструктивного в конструктивное русло.

Упомянутые хитрости имеют вербальный и невербальный аспекты. Наш рассказ о невербальных приемах из этой области. О том, что применяется в практике допросов так называемых непримиримых оппонентов следователя — подозреваемых (обвиняемых), имеющих четкую установку на отрицание своей вины.

Одним из самых распространенных тактических приемов, издавна применяющихся для изобличения преступников, разоблачения их лжи, является предъявление во время допроса вещественных доказательств содеянного. При умелом, тактически грамотном, хорошо подготовленном исполнении этот прием «стреляет» без промаха, что многократно доказано лучшими представителями следственного корпуса и у нас, и

за рубежом. Однако для того чтобы ожидаемый эффект был достигнут, следователь должен иметь на руках соответствующий вещественный козырь и не простой, а содержащий мощный уличающе-разоблачающий потенциал. А если такого козыря в колоде доказательств не имеется, что особенно часто случается на начальном этапе расследования? Как быть? Надлежащим образом можно выйти из любой, даже самой сложной, запутанной ситуации. Суть одного из путей выхода в подобных случаях сводится к вовлечению в процесс допроса упомянутых «немых свидетелей», но при соблюдении ряда условий. Одно из них — отсутствие вербального сопровождения, как это обычно делается в случае официального предъявления вещественного доказательства. При этом не имеет принципиального значения, приобрел или не успел приобрести процессуальный статус вещественного доказательства предмет, документ, другой материальный объект, используемый в качестве «немого свидетеля». Процедура подготовки этой своего рода бессловесной «очной ставки» или психологического эксперимента должна развиваться по тому заранее обдуманному сценарию, который в наибольшей степени соответствует своеобразию сложившейся ситуации. Единого рецепта для всех случаев не имеется и быть не может. Один из вариантов сценария, который может быть избран, разрабатывается с учетом, как минимум, двух важных моментов.

Первый. В распоряжении следователя имеется вещный объект, отношение которого к исследуемому по делу событию не вызывает сомнений (например, оружие преступления, обнаруженное на месте происшествия, или какой-либо предмет, принадлежащий преступнику, утерянный им во время бегства с места происшествия).

Второй. У следователя есть уверенность в том, что к обнаруженному объекту имеет непосредственное отношение подозреваемый (обвиняемый) и неожиданная «встреча» с ним в ходе допроса психологически не пройдет для него бесследно.

В этом случае при подготовке места предстоящего допроса в естественную среду этого места внедряется «немой свидетель» и делается это таким образом, чтобы он обязательно оказался в поле зрения допрашиваемого. Причем при этом у него не должно сложиться впечатления о заведомой демонстрационности объекта тактического воздействия. Объект должен находиться на том месте, где его нахождение логично и естественно, не привлекать особого внимания, в то же время давая понять, что он среди других предметов находится явно не случайно. Следовательно не рекомендуется во время допроса обращать на него внимание и актуализировать на нем внимание допрашиваемого. Объект должен «работать» сам по себе. И если допрашиваемый является в действительности тем, за кого его принимают, он, как бы ни старался, не сможет не среагировать на возмущающий его покой сильнейший раздражитель. Его невербальные и вербальные проявления выдадут его. Такова природа человеческой психики, таковы особенности человеческого поведения.

О том, как осуществляются на практике рассматриваемые тактические многоходовки и какие результаты они дают, можно показать на множестве примеров. Вот некоторые из них.

Это случилось в пригородной зоне небольшого американского городка. Безжизненное тело Мэри Стоунер, 12 лет, было обнаружено в шестнадцати километрах от ее дома в зарослях кустарника. Девочка пропала после того, как за несколько дней до обнаружения ее труп вышла из школьного автобуса, остановившегося возле ее дома. Причиной смерти стал сильный удар тяжелым камнем, расколовший череп. Окровавленное орудие убийства обнаружили и изъяли полицейские, производившие осмотр места происшествия. Местная полиция сбилась с ног в тщетной надежде выйти на след преступника. В помощь сыщикам и следователям были выделены крупные специалисты из Федерального бюро расследований США. Среди них находился научный консуль-

тант Джон Дуглас, долгие годы посвятивший изучению насильственной преступности и практике раскрытия опаснейших преступлений. Изучив материалы дела и побывав на месте происшествия, Дуглас сообщил местному шерифу, что, по его мнению, убийцей является белый, разведенный мужчина, в возрасте около 25 лет. Его характеризуют также следующие данные: имеет машину черного или синего цвета, рабочий, ранее встречался со своей будущей жертвой, был исключен из школы, служил в армии, откуда вскоре был уволен по болезни или за позорное поведение...

По мере рассказа лицо шерифа непроизвольно вытягивалось. Он и не пытался скрыть свое удивление. А Джон Дуглас продолжал, называя все новые и новые детали внешнего и внутреннего облика того, кто мог совершить преступление. Среди этих деталей называлась, в частности, такая: за ним числятся проступки на сексуальной почве.

Пораженный шериф воскликнул: «Вы точно описали Дарелла Девьера, 24 лет. Мы его только что допросили и отпустили. Никаких зацепок».

По словам шерифа, Девьер работал рубщиком сучьев, у него имеется машина темно-синего цвета. Его действительно выгнали из школы, а позднее уволили из армии, где он не прослужил и года. Некоторое время назад он развелся с женой. Подозревается в попытке изнасилования 13-летней девочки. Небезынтересным было и то, что свидетели показали, что Девьер когда-то работал в доме у будущей жертвы и был замечен за тем, что делал непотребные замечания в ее адрес¹.

О том, как развивались дальнейшие события по этому делу, рассказывает сам Джон Дуглас в одной из своих книг.

«Девьер – 24-летний мужчина, белый, дважды разведенный. Он ездил на черном форде, который содержал в хорошем состоянии.

¹Энциклопедия преступлений и катастроф. Убийцы и маньяки. - Минск, 1996. – С. 129.

Примерно за две недели до похищения девочки Девьер подрезал ветви у деревьев на улице, где жили Стоунеры, и полиция допрашивала его на предмет того, не видел ли он и не слышал ли чего-либо необычного. Проверка на детекторе лжи не дала никакого результата.

Я сказал полицейским, что теперь, когда он понимает, что детектор лжи ему не страшен, остается лишь один путь уличить его — допрос. Прежде всего, его следует провести ночью. Поначалу преступник будет ощущать себя более комфортно, поскольку ночной допрос будет означать, что он не станет добычей прессы. Однако допрос после окончания рабочего дня также будет свидетельствовать о серьезных намерениях полиции.

В допросе должны участвовать как агенты ФБР, так и местная полиция. Он поймет, что против него обращена вся машина правительственных структур.

Далее, советовал я, оборудуйте комнату для допросов. Используйте нижнее освещение, создающее атмосферу таинственности. Сложите на виду стопку папок с его именем. Самое главное, нужно положить на стол окровавленный камень с места преступления, но так, чтобы увидеть его он мог, только повернув голову.

Ничего не говорите об этом камне, посоветовал я полицейским, но внимательно наблюдайте за мимикой Девьера. Если он и есть убийца, то он не сможет не обратить на него внимание.

Из своего опыта я знал, что на преступника, наносящего удар тупым предметом, неизменно попадает кровь жертвы. Если он начнет изворачиваться, надо посмотреть ему в глаза и сказать, что полиции известно, что на нем осталась кровь Мэри.

Мой сценарий был выполнен в точности. Когда полицейские ввели Девьера в комнату, подготовленную для допроса, он сразу же посмотрел на камень, покрылся испариной и начал тяжело дышать. Он вел себя нервно и настороженно и

явно был подавлен при упоминании о крови. В конце допроса он признался не только в убийстве Мэри Фрэнсис Стоунер, но также и в совершении другого изнасилования.

Даррел Девьер был обвинен в изнасиловании и убийстве Мэри Фрэнсис Стоунер и приговорен к смерти. Он был казнен на электрическом стуле 17 мая 1995 года»¹...

То, как действовали в рассмотренной ситуации Джон Дуглас и его коллеги, полностью соответствует американскому законодательству и криминалистической практике США. Во всех деталях их схема подготовки и производства допроса подозреваемого не может быть механически перенесена на российскую землю. Наше процессуальное законодательство более строго регламентирует процессуальные следственные действия. Оно, в частности, запрещает производить допрос одного человека группой следователей, вводит серьезные ограничения в возможность допроса в ночное время. Однако то, что касается сути тактического замысла и толковой технологии его воплощения в жизнь, представляется весьма поучительным и может быть взято на вооружение отечественными пинкертонами.

Нелишне им, кстати, помнить, что тактические хитрости – дело тонкое. Главное при их реализации – не переборщить, не переступить грань допустимого. Много в успехе мероприятия зависит от такта, общей культуры, уровня профессионального мастерства и знаний инициаторов и исполнителей тактических хитростей. Они должны чутко улавливать нюансы ситуации, уметь правильно распознавать социально-психологический образ допрашиваемого, его интеллектуальные, физические и психические достоинства и недостатки и отдавать себе полный отчет в том, что все, что они делают и говорят, соответствует принципам законности, этичности и безопасности, не является запрещенным, порочным и не повлечет за собой вредных последствий для допра-

¹ Ридерз Дайджест. – М., 1996. – № 6. – С. 150.

шиваемого. В противном случае, если есть хотя бы малейшее сомнение в допустимости своих действий, от задуманного следует решительно отказаться. Именно так и поступал один из ведущих в недалеком прошлом литовских криминалистов следователь Барацевичус из Клайпеды. С американцем Джоном Дугласом он не был знаком и никогда не читал его воспоминаний. Однако, как и Дуглас, Барацевичус отлично разбирается в психологии подозреваемых и обвиняемых, что многократно мастерски демонстрировал в практической деятельности по раскрытию тяжких преступлений. Не обидел его бог и тем, что относится к разряду следственных хитростей. Один из приемов тактического арсенала, сходный с тем, что описан его заокеанским коллегой, Барацевичус задолго до него умело применил при допросе по уже упоминавшемуся делу о квартирном разбое и убийстве в г. Клайпеде. После того как сыщики выследили и задержали подозреваемого по имени Вилюс (Вальтер), он предстал перед Барацевичусом. Вот что рассказал сам криминалист об этом допросе.

«Допрос Вилюса в следственном изоляторе проводился необычно. Из колоды гадальных карт, обнаруженных в саквояже (похищен в квартире убитого), изъятом у друга подозреваемого по имени Юозас, отобрали одну карту, на которой был изображен крест с текстом «Видеть во сне крест — значит скоро умереть». Карту заранее положили на стол так, чтобы Вилюс обязательно заметил ее. Как только в следственный кабинет ввели подозреваемого, его взгляд приковало к карте и весь он как-то застыл. Он даже не смог назвать свою фамилию и все смотрел на карту. Ему задали вопрос: «Поясните, откуда эта карта?» Подозреваемый попросил бумагу, чтобы самому написать чистосердечное признание о том, как он задушил потерпевшего»¹.

Когда говорят о предъявлении изобличающих виновное лицо доказательства, обычно имеют в виду доказательства

¹ Следственная практика. Вып. 140. — М., 1983. — С. 80.

преступления. И это правильно. Однако это толкование не исчерпывает всего многообразия доказательств, используемых для изобличения преступников. Не менее важной, с этой точки зрения, является тактическая значимость доказательств иных порядков. К их числу относятся доказательства, опровергающие большую и малую ложь запирающихся преступников по второстепенным малозначительным деталям поведения в условиях совершения преступления, не включаемых в предмет доказывания. В эту же группу доказательств входят фактические данные о предкриминальных и посткриминальных событиях жизни преступников, за которые они не несут уголовной ответственности, опровергающие их надуманные, не соответствующие действительности доводы, заявления; свидетельства (например, факты и обстоятельства биографического характера, сведения по поводу преступлений, за которые обвиняемый ранее привлекался к уголовной ответственности).

В ряде случаев, прежде чем предъявить непримиримому преступнику изобличающие его доказательства, целесообразно начинать его допрос с рассмотрения результатов проверки его показаний по поводу обстоятельств, фактов, действий, которые ему не инкриминируются, предъявления доказательств неубедительности его аргументации, неискренности показаний по малозначимым вопросам. При этом есть смысл проанализировать сложившуюся ситуацию и четко разъяснить допрашиваемому, что приведенные доказательства с необходимостью ставят под сомнение правильность избранной им позиции по существу дела и бросают тень на достоверность его показаний о непричастности к преступлению.

Психологически сильным аргументом в арсенале средств тактического воздействия следователя в отношении запирающегося преступника является предъявление ему доказательств разоблачения актов противодействия расследованию, совершенных лично им либо вкупе со своими влочно-

вителями, покровителями, заступниками, укрывателями. В целях дезинформирования, дезориентирования следствия, подавления активности следователей, потерпевших, свидетелей.

Иногда, чтобы побудить преступника, категорически отрицающего свою вину, признать ее и дать правдивые показания о своей роли в содеянном и обстоятельствах преступления, ему внезапно предъявляются убедительные доказательства, опровергающие ложное алиби, доказательства совершенной им инсценировки места происшествия, фабрикация оправдывающих его документов, фальсификации других фактических данных, подстрекательства родственников, знакомых, свидетелей, потерпевших к даче ложных показаний. Наращивание демонстрируемой следователем доказательственной мощи, развитие его наступательной активности на позиции оппонента может осуществляться как в рамках одного обстоятельно, всесторонне подготовленного допроса, так и в ходе серии взаимодополняющих, органично связанных между собой общим тактическим замыслом допросов обвиняемого (подозреваемого). Однако в обоих случаях работа с обвиняемым должна строиться по единой тактической схеме. Она предполагает вначале предъявление и анализ доказательств неискренности, лжи обвиняемого, надуманности сведений, сообщенных на предыдущем допросе (допросах) по поводу уголовно ненаказуемых обстоятельств его поведения до, после преступления, а подчас и в условиях совершенного преступления. После этого допрашиваемому предъявляются, оцениваются и анализируются с его участием доказательства совершенного им преступления с обсуждением реально складывающихся для него уголовно-правовых перспектив, которые напрямую зависят от избранной им позиции. В том случае, когда следствие располагает соответствующими уличающими материалами, завершается избличающая стадия допроса кульминационным моментом — предъявлением и обсуждением доказательств разоблачен-

ной акции противодействия расследованию. Наиболее весомым (как правило, финальным) аргументом чаще всего является предъявление заключения (заключений) судебной экспертизы и подлинников либо копий компрометирующих обвиняемого документов (перехваченных внутритюремной переписки соучастников, нелегально отправленных из мест содержания под стражей на свободу родственникам, знакомым письменных инструкций о том, какие ложные показания и кто должен дать в интересах преступника, раскрывающих смысл легенды, которой он придерживается на следствии и т. д.).

Проверка достоверности
В УПК Российской Федерации
яется как нахождение
момент совершения преступления
Таким образом, в настоящее время
существуют три основных направления
1. Место совершения преступления.

2. Время совершения преступления.
3. Место, где в это время находился преступник
или о своем алиби.

■ теории и на практике
как доказательство невиновности
подозренного, подозреваемого
какого-либо преступления
находилось в другом месте
становать в этом деянии

Однако установление
ковано однозначно в процессе
свидетельствует, что участником
зренного на месте происшествия
ступления еще не означают
всех содеянному. Оно может
там о групповых преступлениях
посредственного, физического
а является его соучастником
матора, пособника.

Современные технические
в совершении преступления
средств связи, например, по
"или, даже находясь за пределами
"инициальное активное управление
"инициальное деяния, контроль

VII

Проверка достоверности информации об алиби

В УПК Российской Федерации (п. 1 ст. 5) алиби определяется как нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте.

Таким образом, в алиби, как в логической системе, присутствуют три основных элемента.

1. Место совершения исследуемого по делу преступления.
2. Время совершения данного преступления.
3. Место, где в этот момент находился человек, заявивший о своем алиби.

В теории и на практике алиби традиционно трактуется как доказательство невиновности, основанное на том, что заподозренное, подозреваемое или обвиняемое в совершении какого-либо преступления лицо в момент его совершения находилось в другом месте и, следовательно, не могло участвовать в этом деянии.

Однако установление алиби не всегда может быть истолковано однозначно в пользу заподозренного лица. Практика свидетельствует, что установление факта отсутствия заподозренного на месте происшествия во время совершения преступления еще не означает, что это лицо вообще не причастно к содеянному. Оно могло, что и нередко случается по делам о групповых преступлениях, не выступать в качестве непосредственного, физического исполнителя преступления, а являться его соучастником в качестве организатора, инициатора, пособника.

Современные технические возможности, находящиеся на вооружении преступников, средства прямой и обратной радиотелефонной связи позволяют организатору преступления, даже находясь за пределами места происшествия, обеспечивать активное управление процессом совершения преступного деяния, контролировать криминальную ситуацию,

координировать, направлять деятельность своих сообщников по мере получения от них экстренных сообщений и выработки на основе их оперативного анализа соответствующих корректирующих указаний.

При проверке алиби может быть опровергнуто. Установление ложности алиби является важным доказательством виновности заподозренного.

Выдвижение ложного алиби, а оно чаще всего обеспечивается преступниками еще до того, как они попадают в поле зрения органов дознания и предварительного следствия — одна из наиболее распространенных форм противодействия расследованию в целях уклонения от ответственности за преступление. Смысл этой акции сводится к формированию правонарушителем или его сообщниками, другими незаинтересованными в его ответственности за содеянное лицами, системы ложных доказательств, реабилитирующих его в глазах следствия и общественности. Все это делается для принятия мер по недопущению в уголовно-процессуальное доказывание достоверной информации, адекватно отражающей его причастность к содеянному и роль в нем, по нейтрализации возможностей существующих доказательств обвинения и направлению следствия по ложному пути.

Заранее подготовленное ложное алиби может быть квалифицированным, сопряженным с созданием фиктивных доказательств и простым (заранее обдуманная, но голословная ссылка на какие-либо обстоятельства, факты).

Фабрикация мнимого алиби может осуществляться самим преступником непосредственно (как в одиночку, так и совместно с сообщниками) либо его связями по его просьбе или по их собственной инициативе.

При этом нередко совершаются другие преступления типа должностного подлога, взяточничества, хищения бланков документов каких-либо предприятий, организаций и учреждений, подделки документов, подстрекательства к даче ложных показаний.

В ходе исследования алиби выясняется:

- где конкретно находился заявивший об алиби в момент совершения преступления и чем там занимался в это время;
- откуда, с кем, с какой целью туда прибыл, когда, с кем, в связи с чем, в какое время покинул это место, какой период времени находился в этом месте;
- кого он там видел, в какой обстановке, кто его видел, с кем вступал в контакт, что делали те, кто находился в этом месте;
- на фоне каких природно-климатических явлений (состояние погоды, наличие осадков и т. д.) протекало его пребывание на месте, какие события социального характера происходили в месте пребывания и за его пределами;
- кому, помимо непосредственных очевидцев, было известно о намерении побывать в данном месте, в данное время, кому и каким образом стало известно, что он там находился;
- с помощью каких фиксированных носителей информации может быть подтвержден исследуемый факт алиби;
- причины несвоевременного сообщения об алиби, если для заявления о нем имела реальная возможность или даже необходимость;
- в какой одежде, обуви пребывал заявитель на месте своего нахождения во время совершения расследуемого преступления, какие вещи имел при себе, в какой одежде, обуви, с какими вещами убыл оттуда.

В качестве типовых общих версий при исследовании алиби проверяются следующие:

- 1) алиби реально (имеет место);
- 2) алиби надуманно (ложно).

В случае объективного подтверждения алиби может возникнуть необходимость в глубоком и всестороннем исследовании причин и обстоятельств появления в уголовном деле доказательств, позволивших заподозрить невиновное лицо в совершенном преступлении.

Этому способствует построение и проверка версий о том, что невинное лицо попало в число подозреваемых, обвиняемых лиц в силу:

а) добросовестного заблуждения следователя, а также каких-либо лиц, допрошенных по делу (например, в результате ошибки при идентификации, в результате неудачного стечения обстоятельств и т. д.);

б) злого умысла и козней со стороны кого-либо (с целью отмщения, устранения конкурента и т. д.);

в) иных причин.

При проверке версий о ложном алиби могут быть выдвинуты частные версии:

а) по целям и субъектам (ложное алиби, выдвинутое преступником с целью избежать личной уголовной ответственности за содеянное; ложное алиби, выдвинутое с целью помочь другому лицу избежать уголовной ответственности за совершенное им преступление, и т. д.);

б) по связи с деятельностью по подготовке ложного алиби (алиби заранее подготавливалось, алиби выдвинуто спонтанно, без предварительной подготовки);

в) по кругу участников сфабрикованного алиби (ложное алиби сфабриковано одним человеком, в фабрикации ложного алиби участвовало несколько лиц);

г) по способу воздействия на лиц, подтвердивших ложное алиби (фабрикация ложного алиби сопряжена с шантажом, подкупом, уговорами, с использованием добросовестного заблуждения лиц, подвергшихся незаконной обработке, с иными видами воздействия);

д) по действиям, охваченным умыслом на фабрикацию ложного алиби (создание мнимого алиби сопровождалось подстрекательством к даче ложных показаний, создание мнимого алиби включало лишь фабрикацию дезориентирующих следствие вещественных доказательств, создание мнимого алиби базировалось на комплексе доказательств того и другого вида).

В ходе расследования могут быть выдвинуты и проверены и другие версии, вытекающие из особенностей криминалистической характеристики содеянного и сложившейся следственной ситуации (например, в случае установления ложного алиби проверяется версия о том, что эта акция разработана по инициативе и под руководством преступника еще до возбуждения уголовного дела либо его преступными связями, родственниками после того, как на него пало подозрение).

Деятельность по исследованию алиби осуществляется по следующей схеме.

1. Проведение обстоятельного допроса заявителя алиби по поводу места, где он находился во время совершения преступления, а также имевшейся здесь ситуации (всего того, что он видел, слышал, узнал иным способом; о том, что здесь происходило с его участием и без него, по маршруту его следования на это место и убытия отсюда; целей прибытия на место, способов и механизма их достижения; документов, иных объектов, в которых отражено его появление и жизнедеятельность).

2. Построение по этим показаниям субъективной мысленной модели ситуации, в которой оказалось допрошенное лицо, ее изучение и выведение из нее следствий, которые необходимо проверить.

3. Разработка на этой основе плана проверки и его реализация. Решается эта задача поэтапно. Вначале следователю целесообразно пройти (проехать), если это возможно и необходимо, тем путем, которым по его показаниям заявитель прибыл на место и убыл с места, в те же часы и в такой же день недели, лично познакомиться с этим местом. Это позволяет: а) составить представление об особенностях дачного места, обстановки, существующих здесь, на путях прибытия и убытия заявителя; б) собрать предварительные данные о характере и круге событий, которые имели место в исследуемом районе, об источниках и методах дальнейшей работы

по собиранию информации, имеющей ориентирующее и доказательственное значение. По ходу этой работы следователь может определить, где и что ему необходимо дополнительно исследовать в ходе следственных осмотров и осуществить эти действия на процессуальной основе. Далее с помощью работников органов дознания или лично осуществить сбор информации по поводу события, фактов, обстоятельств, названных заявителем на допросе, а также тех из них, которые не были последним названы, но имели место в данной обстановке. В этих целях могут быть выяснены во всех необходимых деталях особенности событий, явлений, процессов социального, экономического, природного, климатического и иного характера, с которыми должен был столкнуться проверяемый, если бы он действительно находился в данном месте во время совершения преступления, признаки всего того, что находилось, происходило по маршруту следования на это место и маршруту убытия отсюда. Делается это путем: а) осмотра данного места; б) получения и анализа нужных сведений из средств массовой информации, сведений, поступающих от работников контролирующих, правоохранительных органов, должностных лиц, иных работников предприятий, организаций, учреждений, из других официальных и неофициальных источников; в) выявления и допроса свидетелей, находившихся в данное время в данном месте, проезжавших или проследовавших через него иным образом, способных представить в распоряжение следствия информацию по интересующим его вопросам; г) допроса лиц, которые могли или должны были видеть заявителя алиби, контактировать с ним на той или иной основе, в том числе тех, на кого он указал в своих показаниях; д) обнаружения, изъятия и изучения документов, в которых нашли отражение устанавливаемые обстоятельства.

4. Допрос лица, заявившего о своем алиби, по вопросам, вытекающим из результатов проделанной работы, предъявление его в необходимых случаях для опознания другими

лицами (или на их территории). Показания...

5. Построение на основе фактов (объективной модели) связанной с алиби.

6. Осуществление сравнения объективной модели с фактами в случае либо различия.

Вывод о сходстве с алиби подтверждено, я...

В случае несовпадения фактов с алиби соответствующую оценку ха...

личия выявленных расхождений. При этом следует и...

кождения, несовпадении фактов можно однозначно тра...

ложности, мнимом характере. Такой вывод неправи...

несущественном характере и объяснимых при...

ние для противоположных исто противоречия, кот...

причинами. Положительным фактом является то, что оно опр...

случаях: - в фактической модели, как это установлен...

элементы (факты, события) из которых заявите...

чис они имели место; - указанные заявите...

стоятельства имели их ха... как фактическая их ха...

или отдельных, но при...

лицами (или наоборот), производства очных ставок ему с лицами, показания которых расходятся с показаниями проверяемого.

5. Построение на основе полученных данных фактической (объективной) модели исследуемой по делу ситуации, связанной с алиби.

6. Осуществление сравнительного анализа субъективной и объективной моделей и формирование вывода о их сходстве либо различии.

Вывод о сходстве сравниваемых моделей означает, что алиби подтверждено, является истинным.

В случае несовпадения моделей необходимо дать соответствующую оценку характеру, содержанию и степени различия выявленных расхождений.

При этом следует иметь в виду, что обнаруженные расхождения, несовпадения моделей далеко не во всех случаях можно однозначно трактовать как основание для вывода о ложности, мнимом характере алиби.

Такой вывод неправомерен при частном, второстепенном, несущественном характере противоречий, вполне допустимых и объяснимых при условии истинности алиби. Основание для противоположного вывода дает наличие существенного противоречия, которое нельзя объяснить случайными причинами. Положительное решение вопроса о том, что алиби ложное, что оно опровергнуто, возможно лишь в таких случаях:

– в фактической модели, т. е. в реальной действительности, как это установлено, объективно отсутствуют важные элементы (факты, события, обстоятельства, следы), в отношении которых заявитель алиби дал показания, утверждая, что они имели место;

– указанные заявителем на допросе факты, события, обстоятельства имели место в реальной действительности, однако фактическая их характеристика в части большинства или отдельных, но принципиально важных существенных

сторон, параметров, признаков, очевидных для тех лиц, которые воспринимали их непосредственно, значительно расходится с той характеристикой, которая им дана заявителем алиби;

– установлено наличие таких очевидных обстоятельств, как важных элементов фактической модели, о которых не мог не знать заявитель, но на допросе он отверг возможность их существования либо ничего определенного по их поводу сказать был не в состоянии.

Провер
о

Инсценировка
ствия органам, ве
лиц, не заинтере
установлении ист
нованных и прав
решений в уголов

Под инсценир
кого-либо мнимом
сения в обстанов
вленных на дезо
тельного следстви

Структура дея
складывается из с

– анализа и оц

ний инсценировщи

– принятия реш

– рассмотрения

определения наиб

– создания мыс

тагается инсценир

– реализации ра

– подготовки с

убедить других ли

ных органов, в реа

причин;

– определения

товки объяснений

Инсценировка о

– видимости сов

ном месте и сокрыт

– видимости пр

лек-риминального

IX

Проверка достоверности информации о возможной инсценировке

Инсценировка – одна из разновидностей противодействия органам, ведущим борьбу с преступностью, со стороны лиц, не заинтересованных в выявлении преступления, в установлении истины по уголовному делу, в принятии обоснованных и правильных криминалистических и правовых решений в уголовном процессе.

Под инсценировкой понимается создание видимости какого-либо мнимого события путем целенаправленного внесения в обстановку реального события изменений, направленных на дезориентацию органов дознания, предварительного следствия и суда.

Структура деятельности, связанной с инсценировкой, складывается из следующих операций:

- анализа и оценки ситуации, в которой оказался будущий инсценировщик;
- принятия решения об инсценировке;
- рассмотрения возможных вариантов инсценировки и определения наиболее целесообразного варианта;
- создания мысленной модели события, которое предполагается инсценировать;
- реализации разработанной модели;
- подготовки объяснений, рассчитанных на то, чтобы убедить других лиц, включая работников правоохранительных органов, в реальности инсценированного события и его причин;
- определения линии поведения на следствии и подготовки объяснений на случай разоблачения инсценировки.

Инсценировка осуществляется в целях создания:

- видимости совершения иного вида преступления в данном месте и сокрытия признаков подлинного события;
- видимости происшедшего на данном месте события нек-риминального характера (чтобы скрыть преступление);

– ложного представления относительно отдельных элементов, сторон совершения преступления (инсценирование совершения преступления другим лицом в иных целях, по иным мотивам и т. д.);

– видимости совершения какого-либо преступления для сокрытия иного события некриминального характера, в раскрытии которого не заинтересован инсценировщик по тем или иным причинам (например, для сокрытия факта аморального поведения, огласка которого может повредить репутации инсценировщика);

– видимости совершения преступления, которого в действительности не было (это может быть сделано, например, путем подбрасывания в жилище какого-либо лица во время производства там обыска наркотических веществ, к которым он никакого отношения не имеет).

Инсценировки подразделяются на следующие *разновидности (группы)*.

1. По субъекту: а) выполняемые участниками преступления (одним лицом или группой лиц); б) выполняемые другими лицами по просьбе преступника или по своей инициативе; в) выполняемые преступником совместно с другими лицами;

2. По времени осуществления: а) до совершения преступления; б) во время совершения преступления; в) после совершения преступления (либо сокрытия некриминального характера).

3. По целям: а) сокрытие преступления; б) сокрытие некриминального события; в) в иных целях.

4. По объекту: а) инсценирование преступления; б) инсценирование события некриминального характера; в) инсценирование отдельных элементов, подсистем события.

5. По содержанию: а) инсценирование материальных следов на месте происшествия; б) инсценирование материальных следов в сочетании с выработкой и реализацией соответствующего варианта дезинформирующего следствие поведения о сообщении ложных сведений. В ходе инсцениров-

ки могут уничтожаться все или часть объективно возникших материальных следов инсценируемого события, видоизменяться какие-либо следы. Нередко инсценировщики реализуют свои цели путем фальсификации определенных следов, в частности, путем изготовления и подбрасывания на место происшествия тех или иных материальных объектов, способных, по их мнению, ввести в заблуждение относительно мотивов, личности преступников, места их проживания и других обстоятельств.

Чаще всего инсценировки совершаются в случаях совершения преступлений против личности, сопряженных с гибелью потерпевших, а также преступного посягательства в отношении имущества.

В целях выявления и разоблачения инсценировки устанавливаются:

1) обстоятельства события, в связи с которыми осуществляется инсценировка (характер, время, место, участники события и т. д.);

2) характеристика инсценируемого события (вид, признаки);

3) участники инсценировки и роль каждого в содеянном, цели и мотивы, которыми они руководствовались;

4) обстоятельства подготовки и осуществления инсценировки (место, время, что и в какой последовательности было сделано, предметы, материалы, использованные инсценировщиками, и т. д.);

5) последствия инсценировки (несвоевременное возбуждение уголовного дела, привлечение к ответственности невиновных лиц, совершение других преступлений лицами, не понесшими наказания, и т. д.);

6) обстоятельства, связанные с дачей инсценировщиками ложных показаний.

Признаки инсценировки – это обстоятельства (событие, факт, след, поведенческий акт), несущие информацию о том, что в данном случае могла иметь место указанная акция.

В качестве признака инсценировки могут выступать самые различные обстоятельства предкриминальной, криминальной и посткриминальной природы.

В основе обстоятельств, характеризующих данным понятием, лежит противоречие между тем, что произошло в действительности, и тем, что в результате инсценировки якобы произошло.

Инсценировка, как и любой другой иной вид поведения человека, отражается на материальных объектах живой и неживой природы, в памяти людей – участников и очевидцев инсценировки, других лиц, тем или иным образом овладевших соответствующей информацией.

Поэтому сведения об инсценировке могут быть получены в результате исследования места происшествия, обнаруженных здесь объектов, а также на основе оперативно-следственной работы с людьми – носителями искомой информации.

В качестве признаков инсценировки, выявляемых при исследовании места происшествия, выступают:

- обнаруженные на месте происшествия следы, которые не должны быть, если исследуемое событие было не мнимым, а реальным (следы наличия);

- следы, которые не обнаружены в силу их отсутствия, но которые с необходимостью должны были возникнуть в случае реальности инсценированного события (следы отсутствия);

- обнаруженные на месте происшествия следы относятся к числу характерных для инсценированного события следов, однако их состояние не соответствует тому, в котором они должны находиться в сложившейся ситуации (по внешнему виду, количеству и т. д.).

Так, убийства нередко вуалируются созданием видимости смерти по неосторожности, в частности, в результате падения пострадавшего с высоты. К признакам, позволяющим раскрыть такой обман, относятся:

- излишне большое расстояние между трупом и крайней частью объекта (например, наружной стеной жилого дома), с которого будто бы ненароком свалился погибший;
- несоответствие версии о случайном падении с высоты характеру телесных повреждений на трупе;
- наличие признаков схватки, борьбы в том месте объекта, с которого якобы свалился погибший;
- показания каких-либо лиц, ставящих под сомнение версию о несчастном случае.

В том случае, когда инсценируется смерть в результате неосторожного обращения с огнестрельным оружием, в роли признаков инсценировки могут выступать такие обстоятельства, как возможность производства выстрела из обнаруженного возле трупа экземпляра оружия, невозможность самопроизвольного выстрела, несоответствие следов выстрела на трупе тем следам, которые реальны в случае неосторожного обращения с оружием.

Разоблачению убийства с применением огнестрельного оружия, инсценированного под самоубийство, способствуют, например, следующие обстоятельства:

- отсутствие оружия на месте происшествия либо его наличие там, где оно при самоубийстве не могло оказаться;
- отсутствие на трупе признаков близкого выстрела;
- физическая невозможность погибшего причинить себе огнестрельное повреждение в ту часть тела, где оно обнаружено;
- установление, что пуля, обнаруженная в теле трупа, стреляна не из того экземпляра оружия, которое находилось на месте происшествия.

С давних времен известны признаки, указывающие на убийство, замаскированное под самоповешение.

Обратим внимание на некоторые из них: наличие на трупе следов удушения руками (ссадин линейной или полутунной формы, округлые кровоподтеки на шее жертвы от пальцев душителя); обнаружение ссадин, кровоподтеков вокруг

носа и рта жертвы, других следов, указывающих на то, что смерть наступила от закрытия дыхательных отверстий; наличие на шее трупа замкнутой, горизонтально расположенной странгуляционной борозды¹.

Следы инсценировки на месте происшествия, несущие информацию об этом событии, возникают помимо воли и желания инсценировщика. Подобные промахи допускаются по различным причинам: волнение, спешка преступника в условиях дефицита времени, отсутствие необходимых навыков и т. д. С другой стороны, подчас стремясь представить событие в выгодном ему свете, действуя спокойно, умело, расчетливо, преступник прилагает максимум усилий для наиболее оптимального, как ему представляется, достижения цели, но теряет при этом чувство меры, ощущение реальности. В таких случаях он может оставить большое количество следов имитируемого события, причем придать им ярко выраженный характер, броский вид. Подчас такое перевыполнение цели может сыграть обратную роль: не убедить следователя в том, что все было так, как ему объясняют слова или действия заинтересованных лиц, а вызвать у него сомнение в реальности события.

В качестве признаков, указывающих на возможность инсценировки того или иного вида, могут выступать и действия инсценировщиков после инсценировки, неадекватные ситуации, позволяющие усомниться в истинности того, что обнаружено на месте происшествия, в правдивости объяснений случившегося. В их круг, например, входят невольные проговорки на допросе, бравирование инсценировщиками фактом своего участия в этой акции в процессе неформального общения с посторонними лицами, в разговоре «по душам» со своими связями, установление факта реализации

¹ Подробнее о признаках инсценировки по делам об убийствах см.: Селиванов Н.А., Соя-Серко Л.А. Убийство. Как его раскрыть. — М., 1994. — С. 112–122.

ими каких-либо вещей, которые якобы пропали в ходе инсценированного события, и т. д.

Поэтому базу разоблачения инсценировки образуют данные, которые могут быть собраны: а) при исследовании обстановки места происшествия и выявлении здесь признаков, указывающих на возможность инсценировки; б) в результате разоблачения лжесвидетельства не заинтересованных в установлении истины лиц; в) на иной основе (например, в результате проверки убедительных доводов родственников лица, якобы покончившего жизнь самоубийством, категорически отрицающих саму возможность события).

Сущность и механизм осуществления выявления и разоблачения инсценировки сводятся к следующему.

Имело место какое-либо криминальное событие, в связи с которым в окружающей обстановке места происшествия возникли соответствующие следы.

Участник события строит мысленную модель иного, возможного в данной ситуации события и реализует ее на месте происшествия путем видоизменения обстановки, придания ей вида, которому, по мнению инсценировщика, соответствует моделируемому событию.

Поскольку мысленная модель и результаты ее материализации не могут совпадать по всем параметрам: не все признаки модели объективно удастся подогнать под признаки мнимого события, а все признаки реального события уничтожить или изменить полностью. В силу этого создается возможность восприятия, «прочтения» реального события сквозь маскирующую завесу инсценировки. Эта возможность переходит в реальность в результате обнаружения и «расшифровки» признаков, характерных для скрываемого события и несвойственных признакам имитируемого, мнимого события.

В этих целях субъектом практического следоведения осуществляется:

– построение мысленной модели события, признаки которого с очевидностью представлены в обстановке места

происшествия и как бы лежат на поверхности, навязывая мысль, что все произошло именно так, а не иначе;

- построение типичных конкурирующих мысленных моделей других событий, возможных в данной ситуации;

- изучение пространственных моделей, выведение из них следствий и проверку последних;

- установление реальности одних следствий и нереальности других;

- обеспечение сравнительного анализа не исключенных из проверки моделей и обнаруженных следов, формулирование вывода об адекватности какой-либо модели оригиналу (событию, имевшему место в действительности);

- принятие мер по получению дополнительных данных, объективно подтверждающих реальность данной модели и исключающих возможность ошибки;

- принятие решения о завершении процесса распознавания события со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями.

Эта схема реализуется путем производства повторного осмотра места происшествия, допроса лиц, обнаруживших исследуемое событие, а также лиц, имеющих отношение к месту происшествия на бытовой, служебной и иной основе, изучения медицинских и других документов потерпевших, экспертного исследования различных объектов.

Х

Проверка достоверности информации о возможном самооговоре

Самооговор — это заведомо ложные показания подозреваемого (обвиняемого) по поводу своей мнимой причастности к совершенному либо не совершенному преступлению.

Самооговор подразделяется на простой (самообвинение) и сложный, содержащий, наряду с самообвинением, обвинения других лиц.

Различаются: а) полный самооговор (при абсолютной не причастности заявителя к преступлениям); б) частичный самооговор (если причастность к преступлению в какой-то мере существует); в) реальный самооговор (в отношении преступления, действительно кем-то совершенного); г) не реальный самооговор (в отношении вымышленного преступления).

Самооговор может быть вызван:

- целью помочь родственникам иными связями уклониться от ответственности за совершенные ими преступления;

- стремлением приобрести авторитет в определенных кругах;

- желанием облегчить свое положение (например, условия содержания под стражей);

- намерением добиться для себя каких-либо льгот, преимуществ по сравнению с другими лицами, попавшими в его положение (например, получить свидание с родственниками, продуктовую передачу);

- боязнью расправы со стороны подлинных виновников содеянного;

- желанием попасть в места заключения с целью замести следы другого, более тяжкого преступления, совершенного им, избавиться от алкоголизма и других дурных наклонностей, привязанностей, связей;

намерением ввести следствие в заблуждение в надежде в дальнейшем отказаться от своих показаний и избежать ответственности как за действительно совершенное, так и мнимое преступление;

– попыткой выгородить соучастников, стремлением как можно быстрее добиться окончания следствия и попасть в лагерь для заключенных;

– безысходностью на почве подавленного морального состояния и отсутствия реальных перспектив иного выхода из сложившейся неблагоприятной ситуации;

– необъективностью, предвзятостью, неправильностью ведения следствия, мерами незаконного воздействия со стороны следователя и других лиц, оказывающих ему помощь в расследовании;

– болезненными расстройствами психики.

При расследовании самооговора выясняются:

1) обстоятельства дела, в связи с расследованием которого получены данные о самооговоре (время, место, вид преступления и т. д.);

2) сведения о личности подозреваемого, обвиняемого, осужденного, заподозренного в самооговоре;

3) событие самооговора (его время, место, мотивы и другие обстоятельства);

4) обстоятельства, предшествовавшие самооговору и обусловленные им: а) когда, кем, при каких обстоятельствах, из каких источников были получены сведения, давшие основание заподозрить заявителя в самооговоре и в совершении преступления; б) какие меры и методы были осуществлены для проверки, углубления, уточнения, развития исходных данных; в) применялась ли в отношении заподозренного мера пресечения, кем, когда, в каких условиях, как долго он содержался под стражей; г) как реагировал самооговорщик на задержание, на привлечение его к уголовной ответственности; д) какие изменения произошли в условиях его содержания, в отношении к нему со стороны работников органов

дознания, предварительного следствия, администрации учреждения, в котором он находился в изоляции после того, как он признал свою вину; е) к каким негативным последствиям привел самооговор, как он повлиял на установление истины по делу, на судьбу самооговорщика и других людей (например, на привлечение невиновных к ответственности, на применение к ним мер пресечения);

5) имели ли место по делу нарушения законности, если имели, то в чем они выражались, кем, когда, по каким причинам допущены, меры, принятые в отношении нарушителей.

Признаками самооговора являются:

– получение достоверных данных, исключающих возможность совершения преступления подозреваемым (обвиняемым, осужденным), в том числе установление, что это преступление в действительности совершено другими лицами;

– обнаружение доказательств, ставящих под сомнение правдивость показаний подозреваемого или обвиняемого о совершенном им преступлении (например, получение показаний свидетеля, видевшего признавшегося в содеянном во время совершения преступления далеко от места его совершения, получение заключения эксперта о том, что смерть потерпевшего наступила в результате иной причины, нежели та, о которой показал подозреваемый или обвиняемый);

– факт отказа подозреваемого или обвиняемого от ранее данных показаний, в которых он сообщал о своей причастности к преступлению.

Установление признака, указывающего на возможность самооговора, еще не означает, что самооговор действительно имел место. Вывод об этом в окончательном виде может быть сделан лишь по результатам проверки версии о самооговоре, а также других конкурирующих версий (например, о возможности заявления ложного алиби, о том, что, признавшись в содеянном, обвиняемый сознательно ввел следствие в заблуждение по поводу тех или иных обстоятельств преступления в надежде в дальнейшем отказаться от своих

показаний, ссылаясь на противоречие между его объяснением тех или иных фактов и тем, как было в действительности).

По делам о самооговоре исследуются:

1) общие версии:

– показания о самооговоре являются ложными, самооговора не было;

– самооговор имел место быть;

2) частные версии при мнимом самооговоре (заявление о самооговоре ложно и сделано в целях уклонения от ответственности за совершенное преступление – в иных целях; по собственной инициативе – по инициативе других лиц и т. д.).

Частные версии проверяются в рамках общей версии о реальности самооговора:

а) по целям самооговора:

– чтобы скрыть другое, более тяжкое преступление;

– чтобы изменить место и обстановку, режим содержания под стражей на более благоприятные;

– чтобы остановить ведущееся против него незаконное психологическое и физическое воздействие со стороны работников, осуществляющих расследование и других лиц, действующих под их диктовку;

– по иным соображениям (например, чтобы пережить холодную зиму не на улице, а под теплой крышей тюрьмы, помочь своему близкому, взяв на себя его преступный «грех»);

б) по источнику информации, использованной при даче показаний о несовершенном преступлении:

– сведения об обстоятельствах и деталях преступления подсказаны лицом, осуществляющим расследование или участвовавшим в его оперативном, технико-криминалистическом и ином обеспечении во время контактов между ними;

– использовал информацию из других источников (например, сокамерники, пресса, дошедшие до него слухи);

– обстоятельства и дела содеянного смоделировал, основываясь на тех сведениях, которые ему стали известны по

ходу допросов и участия в других следственных действиях.

Версия о возможном нарушении законности как причине самооговора может быть конкретизирована таким образом:

– нарушение законности имело место по неопытности, доверчивости следователя, поверившего в правдивость «признательных» показаний и пошедшего на поводу у других лиц;

– нарушения законности были допущены преднамеренно и сопряжены с фабрикацией доказательств мнимой виновности оговорившего себя.

При наличии данных о возможности самооговора прежде всего необходимо допросить лицо, заявившее о том, что имел место факт самооговора. В этом случае выясняется, когда и каким образом заявителю стало известно о самооговоре, какие основания имеются для вывода о самооговоре, не является ли этот вывод лишь предположительным, что подтолкнуло допрашиваемого на дачу заявления о самооговоре со стороны подозреваемого (обвиняемого, осужденного), в каких отношениях он состоит с последним.

Если же заявление о самооговоре сделано самим подозреваемым (обвиняемым, осужденным), то в ходе его допроса следует выяснить также вопросы:

а) когда, где, в связи с чем созрело решение сделать это заявление;

б) с кем делился информацией о самооговоре;

в) в силу каких причин и с какой целью оговорил себя;

г) из каких источников почерпнуты сведения об обстоятельствах преступления, в котором оговорил себя (если это сделано под воздействием других лиц, то со стороны кого и в какой форме было оказано воздействие, когда и при каких обстоятельствах это произошло, кому об этом известно из числа третьих лиц);

д) имеется ли у него алиби и каким образом оно может быть подтверждено;

е) какие обстоятельства и имеющиеся в деле доказательства могут свидетельствовать в пользу реальности самоговора и его мотивов.

После этого необходимо осуществить глубокий и всесторонний сравнительный анализ показаний об обстоятельствах самоговора и показаний обвиняемого, которые он давал до признания своей виновности (после того, как признался в содеянном).

В судебной практике имеются примеры самоговора, установление которого сопряжено с преодолением серьезных трудностей. Подобные ситуации главным образом возникают тогда, когда оговорившее себя лицо находилось во время преступления на месте его совершения, но участия в нем не принимало (оказалось там случайно и наблюдало за происходящим в роли зеваки, активно вмешивалось в ход происходящего в целях пресечения преступления и т. д.).

В этом случае особое значение приобретает глубокое исследование вопроса о том: а) по каким причинам лицо, подозреваемое в самоговоре, оказалось на месте происшествия; б) какие объективные данные могут быть обнаружены здесь для подтверждения или опровержения версии о самоговоре и каким образом они могут быть использованы для развития доказательственной базы того или другого плана; в) в силу каких обстоятельств, из каких побуждений и соображений подозреваемый или обвиняемый мог оговорить себя в том, чего он не совершал.

Разрешению сложившейся ситуации способствуют:

а) обстоятельный, с выяснением всех необходимых деталей допрос лица, подозреваемого в самоговоре;

б) выход с ним на место происшествия с целью проверки его показаний;

в) осуществление всестороннего раздельного, а затем сравнительного анализа показаний, которые давало проверяемое лицо до момента признания им своей виновности в содеянном, и показаний, которые оно давало, признавая

свою минимую виновность, а также после отказа от них, сопоставление их с показаниями других лиц, уличавших его в содеянном, и тех, кто свидетельствовали в его пользу, как не причастного к содеянному, с другими данными, полученными в ходе осмотра места происшествия и производства иных следственных действий;

г) получение и изучение данных оперативного характера о поведении и высказываниях подозреваемого, обвиняемого по поводу случившегося с ним вне пределов кабинета следователя (в кругу знакомых, в следственном изоляторе и т. д.);

д) обеспечение сравнительного анализа всего комплекса информации, полученной из разных источников в целях выявления обстоятельств, опровергающих версию о самооговоре либо подтверждающих ее;

е) определение того, какие неизвестные обстоятельства должны быть установлены в целях проверки построенных версий, а также, какие обстоятельства должны быть подвергнуты дополнительному, более глубокому изучению на основе производства повторных либо дополнительных действий (повторного осмотра места происшествия, назначения дополнительных экспертиз и т. д.), направленных на поиск новых доказательств. Таким путем могут быть установлены факты, противоречащие утверждению о самооговоре либо указывающие на его возможность.

В ходе дальнейшего расследования на основе изучения материалов дела надлежит получить представление:

а) о состоянии доказательственной базы по делу до того, как обвиняемый признал свою вину, и ее развитие после этого обстоятельства;

б) о том, что было известно следствию об обстоятельствах содеянного до признания;

в) получены ли были следствием такие новые доказательства после признания обвиняемым своей вины, которые не могли быть собраны без его показаний;

г) нашли ли эти показания объективное подтверждение в материалах дальнейшего расследования или остались голословными;

д) не противоречили ли сведения об обстоятельствах преступления, полученные от обвиняемого после признания им своей вины, другим объективным данным о том же, имевшимся до этого или собранным в дальнейшем.

На базе полученных таким образом результатов разрабатывается программа следующего этапа расследования по дальнейшей отработке версий о реальности или мнимости самоговора. В ней предусматривается необходимость глубокого исследования алиби обвиняемого, доводов и суждений по поводу событий и причин самоговора (это делается путем допроса всех лиц, на которые ссылается заявитель о самоговоре, поиска и исследования документов, других источников информации, в которых могут содержаться сведения, подтверждающие или опровергающие утверждения заявителя, проведения в необходимых случаях очных ставок, криминалистических и иных экспертиз, в том числе судебно-психиатрической экспертизы в отношении обвиняемого).

Оценка собранных данных позволяет принять и соответствующим образом реализовать необходимые в таких случаях правовые решения (о прекращении уголовного преследования в отношении невиновного лица, если заявление о самоговоре нашло объективное подтверждение, и его реабилитации; о возбуждении уголовного дела в отношении лиц, допустивших нарушение законности, если это установлено; о направлении дела в суд по обвинению заявителя в совершении им преступления в случае установления, что его показания о самоговоре являются ложными).

Проверка возможности фатальной
Аутоэротическая фатальность
во время мастурбации. Хотя
от естественных причин
Аутоэротические фатальности
являются вредоносными средствами
Обстоятельства и признания
круту специалистов, по
очень часто неправильно
В подавляющем большинстве
случаев с использованием
несчастными случаями
классифицированы как смерть
того случая). Однако и
впечатление суицида
бийства). Аутоэротическими
признаки с суицидом
в уединенном месте, нег
следователи поначалу к
рть как суицид. В то же
пример, завязанные глаза, к
я (тело связано), позволя
Распознавание подлинно
не чего могут способст
анскими специалистами
Бержессом на основе из
расследования которых б
жри потерпевших стали
надежности. Авторами
Аутоэротизм — получен
картиера.

XI

Проверка возможности аутоэротической фатальности

Аутоэротическая¹ фатальность — это смерть, случающаяся во время мастурбации. Хотя при мастурбации смерть возникает от естественных причин, в центре нашего внимания будут аутоэротические фатальности при пользовании потенциально вредоносными средствами.

Обстоятельства и признаки таких смертей известны узкому кругу специалистов, поэтому в практике расследования очень часто неправильно интерпретируются.

В подавляющем большинстве случаев аутоэротические фатальности с использованием неисправных средств являются несчастными случаями (во всяком случае должны быть квалифицированы как смерть, наступившая в результате несчастного случая). Однако их признаки часто создают ошибочное впечатление суицида (самоубийства) или гомицида (убийства). Аутоэротические фатальности имеют некоторые общие признаки с суицидом, поскольку жертву обычно находят в уединенном месте, нередко повешенной. Поэтому многие следователи поначалу квалифицируют аутоэротическую смерть как суицид. В то же время ряд других признаков, например, завязанные глаза, кляп во рту, физические ограничения (тело связано), позволяют заподозрить убийство.

Распознаванию подлинной причины и обстоятельств случившегося могут способствовать данные, полученные американскими специалистами Р. Хейзельвудом, Д. Диетцем и А. Бержессом на основе изучения 125 уголовных дел, в ходе расследования которых было установлено, что причиной смерти потерпевших стали их собственные аутоэротические наклонности. Авторами указанного исследования были,

¹ Аутоэротизм — получение сексуального удовлетворения без партнера.

в частности, выявлены признаки аутоэротических фатальностей. Сразу же обратим внимание на то, что не все рассматриваемые далее признаки будут присутствовать обязательно в каждом конкретном случае. Однако следователь должен о них знать, иметь их в виду и, если какие-то из этих признаков будут обнаружены, обязательно их задокументировать.

Место происшествия

Чаще всего следователь прибывает на место происшествия спустя несколько часов после обнаружения трупа и поэтому у него нет уверенности, что до его появления на этом месте не произошло каких-либо изменений. Первая задача следователя — постараться восстановить картину случившегося события.

Как нередко бывает при суицидах, жертва аутоэротической смерти выбирает уединенное, безлюдное место, где можно без помех предаваться сексуальным фантазиям. В изученных случаях это были: запертая изнутри комната, изолированные места в собственном доме — подвал, чердак, гараж, мастерская; комната в мотеле; служебное помещение в нерабочие часы; летняя дача, лесной массив. Решающим фактором при выборе места является желание уединения и одиночества, так как аутоэротическая практика требует концентрации на фантастическом сценарии. В зависимости от используемых при этом «средств поддержки», иногда требуется значительное время на подготовку к процедуре получения сексуального удовлетворения. Следователю рекомендуется иметь в виду, что в фантазиях жертвы именно месту действия отводится немаловажная роль.

Пример из практики. Жертва — служащий телефонной компании, 28 лет. Труп был обнаружен сослуживцами. С. (жертва) не вернулся на работу после выполнения заказа по ремонту. Его грузовик (ремонтная машина) был обнаружен на сельской дороге, приблизительно в двух милях от ме-

ста его последнего вызова. Труп находился в густом лесу, в 75 метрах от дороги. Жертва лежала лицом вниз, верхняя часть тела — на предплечьях. Вокруг шеи была затянута толстая веревка, закрепленная скользящим узлом. Вербка была протянута к суку дерева, находящемуся на высоте около двух метров. Слева перед жертвой находились 4 журнала с изображением голых женщин. Брюки были расстегнуты, нижнее белье приспущено. Медицинская экспертиза установила причину смерти: асфиксия, вызванная сжатием (сдавливанием) сонных артерий.

Поза тела жертвы

Обычно тело жертвы частично опирается на землю, пол, какую-либо другую поверхность). Иногда жертва бывает подвешена полностью. Наиболее распространенной является поза, при которой умерший подвешен вертикально, только одна нога касается поддерживающей поверхности. Часто в таких случаях вокруг шеи жертвы имеется какая-либо перевязка, прикрепленная к точке подвешивания, находящейся в пределах досягаемости жертвы. Решая вопрос о причине смерти, следователь не должен спешить с выводами (убийство это или несчастный случай), хотя положение тела жертвы и наводит на мысль об «участии другой стороны». Жертв такого рода смертей такого рода находили в самых различных положениях: сидящими, стоящими на коленях, лежащими вниз или вверх лицом, подвешенными за руки.

Вредоносный, опасный агент

На месте происшествия следователю надлежит собрать информацию, позволяющую понять, результатом какого действия (или бездействия) стала смерть жертвы. Поэтому «вредоносный агент» (ВА) должен быть исследован самым тщательным образом, чтобы выявить возможные неисправности его функционирования. В изучавшихся случаях ВА чаще всего отмечалось применение удавки на шее. Другими

ВА были: устройства для пропускания через тело электротока; сдерживающие приспособления; кляпы, мешающие дыханию; ингаляция токсичных газов или химических веществ через маски, рукава, пластиковые пакеты.

Создатель и пользователь подобных устройств рискует ошибиться в расчетах: неправильно оценить время, вещество, давление или силу тока. Вне зависимости от того, какой ВА использовался жертвой при аутоэротизме, задача следователя — выяснить, был ли этот ВА в исправном состоянии.

Механизм самосохранения

Под ним понимаются любые меры, принимаемые для уменьшения или устранения негативных эффектов ВА. Такими мерами, с одной стороны, обеспечивается способность оставаться в вертикальном положении, уменьшая тем самым давление повязки на шею. С другой стороны, это могут быть и перетяжки на конечностях и повязкой на шее, позволяющие контролировать давление на шею при помощи определенных телодвижений или натяжения «ключевых точек». Диапазон возможных действий, относимых к данной категории, весьма широк. Так, например, если ВА является повязка, может использоваться нож или скользящий узел в качестве средства самосохранения; если жертва пользовалась замками, надо искать ключ; если применялись цепи, то поблизости может находиться пара плоскогубцев и т. д. Как отмечалось, следователю рекомендуется проверить исправность функционирования ВА. Точно так же необходимо убедиться в исправности средств, используемых для самосохранения при занятиях аутоэротическими упражнениями. Приводимый ниже пример подтверждает такую необходимость.

Белая женщина, в возрасте 23, лет была найдена мертвой. Смерть наступила из-за сдавливания шеи во время опасных аутоэротических занятий. Чтобы подтянуть лодыжки к шее, женщина воспользовалась длинной веревкой, а в качестве средства самосохранения — скользящим узлом. Завязывая

узел, женщина не заметила, что в него попали ее волосы, вследствие чего узел «не смог нормально функционировать» в качестве средства самосохранения. Это обстоятельство и сыграло роковую роль в данном случае.

Ограничение свободы движений (связывание, стягивание)

Выражение «подчинение и господство» используется для описания разновидностей сексуального поведения, тесно связанных с признаками, обычно присущими аутоэротической смерти. Сексуально значимые для данного индивида материалы и приспособления используются им в качестве ограничителей физической свободы. Это обстоятельство имеет чрезвычайно важное значение для расследования, так как может стать причиной неправильной интерпретации случившегося: аутоэротический несчастный случай может быть квалифицирован как убийство. Тот факт, что жертва связана, затрудняет определение способа смерти и наводит на мысль о присутствии кого-то, кто помог жертве умереть. Каждый такой случай требует индивидуального анализа, универсальных рекомендаций дать невозможно.

По данным исследования, о котором идет речь, в качестве физических ограничителей использовались веревки, цепи, наручники и иные аналогичные средства, позволяющие ограничить свободу движений тела и (или) конечностей жертвы. Даже в очевидных случаях следователю бывает не просто объяснить, как это жертве удалось сделать такое с собой. Не следует спешить со снятием оков и перерезанием узлов: прежде они должны быть тщательно изучены. Возможно, они даже должны быть скопированы. В противном случае могут возникнуть проблемы с родными жертвы, которых нелегко будет убедить в том, как все происходило на самом деле. Даже при идеально проведенном и документированном расследовании проблемы с родственниками вполне возможны. Об этом свидетельствует такой пример.

Жертва – 18-летний мужчина – была обнаружена в своем домашнем гараже. Покойный находился в большом ящике для мусора, сверху торчала только голова. Он был в сидячем положении, колени плотно прижаты к груди, одна нога упиралась в дно ящика. Руки были прижаты к бокам и помещены между икрами и бедрами. Запястья свободно связаны ремешками от роликовых коньков. Полиции пришлось пользоваться зубилом, чтобы разбить ящик и извлечь из него жертву. При обыске в комнате жертвы были обнаружены многочисленные обрывки веревок и ремней, завязанных узлами. Токсикологический анализ не обнаружил следов алкоголя и наркотиков; вскрытие не выявило никаких внутренних повреждений. Следствие пришло к выводу, что смерть наступила в результате аутоэротизма. Родители жертвы были с этим выводом категорически не согласны и стали проводить собственное расследование. В конце концов дело было доведено до суда, но родители так и не поверили в то, что смерть их сына объясняется его «сексуальными наклонностями».

При расследовании аутоэротических смертей встречаются и более тонкие (изохренные, замаскированные) формы связывания. Они часто остаются незамеченными, что, в свою очередь, может привести к ошибкам в распознавании причин смерти. По изученным делам встречались такие физические ограничители, как завязывание глаз, капюшоны, кляпы, декоративные цепи, эластичные и стягивающие предметы одежды, стягивающие бинты. Своевременное распознавание таких замаскированных форм связывания необходимо для правильной интерпретации причины смерти.

Мазохизм

Иногда при расследовании обнаруживается, что перед смертью жертва испытывала боль в области гениталий, сосков груди или в иных частях тела. Кроме того, болевые ощущения могут вызываться использованием стягивающих и

сдавливающих материалов. Боль также может быть вызвана механическими и электрическими средствами, самоожогами и самокалечением. В изученных случаях это были: натянутый вокруг мошонки пояс; зажимки для белья на сосках груди; электрические провода, вставленные в пенис и анус; электрофицированный лифчик; прижигание мошонки сигаретой.

Термином «инфибуляция» обозначается феномен «вживления» (пропускания) иглол или булавок в тело, чаще всего в пенис, мошонку, соски груди, иногда — в мочки ушей или в нос. В одном из изученных случаев иголки были вживлены в оба соска груди жертвы. Самокалечение может принимать крайние формы, как, например, в следующем случае.

Мужчина, в возрасте тридцати одного года, был обнаружен висящим на балке, при этом веревка вокруг шеи была завязана «петлей палача». Одета я нога касалась пола. Мужчина был совершенно голым, если не считать черного кожаного пояса на талии. Его руки спереди, на запястьях, были скреплены наручниками. Со стороны правой руки был найден ключ от наручников. На пенисе был обнаружен надрез, подобный хирургическому. В надрез была вставлена и к нему привязана металлическая прокладка. Наружный край прокладки был привязан к пенису.

Одежда

Часто в одежде жертвы мужского пола может быть обнаружен один или несколько предметов женского туалета (особенно из нижнего белья). Нейлон, кружева, кожа, ленты и другие материалы, имеющие для жертвы сексуальную окраску, как правило, присутствуют в этом наряде. Следовательно нужно иметь в виду, что к моменту его прибытия на место происшествия что-то в одежде жертвы может быть подправлено или полностью изменено родными и близкими. Делается это импульсивно или из чувства смущения и стыда. Данное обстоятельство может создать дополнительные трудности в расследовании.

Рассмотрим в этой связи такой пример.

Отец нашел своего 16-летнего сына в его комнате мертвым. Прибывшая полиция увидела жертву лежащей на спине, одетой в голубые джинсы, рубашку, жокейские трусики и шерстяные носки. Ремень, расстегнутый с одной стороны, находился рядом с головой жертвы, тут же были ее очки. Отец сообщил полицейским, что, когда он обнаружил сына, на нем были лишь носки и рубашка. Нижнее белье и брюки лежали на полу у конца кровати. Отец сказал, что он одел своего сына, не думая и не зная, почему тот был раздетым, когда его нашли мертвым.

Этот пример показывает, что, если бы изменения в одежде остались незамеченными, смерть могла быть квалифицирована как суицид. Поэтому, когда при внимательном рассмотрении может показаться, что какие-то детали одежды и «эротическое оснащение» были частично или полностью изменены, для правильного вывода необходимо восстановление первоначальной картины, зафиксированной в момент обнаружения трупа.

Сексуальные принадлежности

Во многих случаях при осмотре места происшествия поблизости от жертвы обнаруживаются те или иные сексуальные принадлежности. К их числу относятся вибраторы, фотографии (одного пола с жертвой или противоположного пола), сексуальная литература, эскизы (зарисовки) и предметы – фетиши (женское нижнее белье, пояса и резинки). Случается, что такие объекты оставляются следователем без внимания, потому что для него лично эти предметы не имеют сексуальной окрашенности. А это, в свою очередь, чревато ошибками в выводах. Все предметы на месте события и поблизости от тела жертвы должны быть перечислены и сфотографированы в натуральных позициях для последующей интерпретации. Если этого не сделать, некоторые важные «наводки» могут быть утрачены. В приводимом ниже

примере такие сексуальные принадлежности, к счастью, были задокументированы (записаны и сфотографированы).

Жертва (17-летняя женщина) была обнаружена подвешенной за шею (нога касалась пола) с помощью веревки, привязанной к трубе, проходящей через отверстие чердака. Жертва была голой, руки крепко связаны за спиной. Полиция обыскала комнату, в которой был обнаружен труп, и нашла кинокамеру с катушкой недоснятого фильма. В этом фильме жертва была изображена в нескольких сексуальных позах. Полиция обнаружила также эскиз, на котором были изображены женщины, их позы были очень похожи на позу мертвой женщины и вырванную из журнала фотографию. Обыскали чердак над комнатой жертвы и вот, что нашли: шесть разрезанных носков, несколько отрезков веревки с зашестыми на них петлями, велосипедную трубку с завязанными на ней петлями, пару черных резиновых перчаток, несколько обрезков трубок от велосипеда, пару голубых наколенников.

Многие из этих предметов неопытным следователем были расценены как не имеющие сексуального значения. Важно также отметить, что сексуальные принадлежности (дневники, надписи на предметах и т. д.) не обязательно следует искать рядом с трупом жертвы. Как видно из приведенного выше примера, они могут находиться в других местах. Насколько широк диапазон сексуальных принадлежностей, можно судить по случаю из практики канадской полиции.

Жертва — одинокий мужчина, возраст — 51 год. Его труп был обнаружен подвешенным на веревке, обвитой вокруг шеста; веревка была привязана к суку дерева. Нога жертвы касалась земли. Одет мужчина был, как обычно (т. е. ничего примечательного), если не считать двух кожаных курток, одна из которых принадлежала соседскому подростку. Как показало последующее расследование, мужчина был гомосексуалистом и пытался склонить этого соседского мальчика к сексу, но получил решительный отпор. Примечательно, что

это было как раз в день смерти. Однако ему все-таки удалось выпросить у мальчика накануне его куртку.

При обыске в жилище у жертвы были найдены: множество фотографий сексуального содержания, фетишные предметы, материалы для самосвязывания. В описи указывалось более 50 наименований: кожаные куртки, пиджаки, веревки, цепи, наручники, железные наколенники, зажим для пениса, подвеска (груз) для мошонки, набор различных кожаных масок, 107 пар кожаных перчаток (в 29 из них внутри имелись капли спермы), прутья, деревянный молоток с цепочкой и зазубринами, хлысты и набор висячих замков. Специалист, производивший обыск, сделал видеозапись всех этих предметов.

Мастурбационная активность

При фатальной аутоэротической практике, что очень важно иметь в виду, мастурбация может быть, а может и не быть. Наличие спермоизвержения не является полезным признаком для вывода о том, что смерть стала результатом неудачной сексуальной практики. При смерти часто бывает семяизвержение независимо от того, была ли смерть случайной (несчастный случай), от естественных причин, результатом убийства или результатом суицида.

Нередки случаи, когда, основываясь только на этом единичном признаке (семяизвержении), следователи делают вывод об аутоэротической смерти. Для полноты расследования пятна спермы на теле жертвы или близлежащих поверхностях должны быть зафиксированы в протоколе, сфотографированы и собраны для возможного определения типа крови жертвы. Однако простое наличие остатков спермы само по себе не является доказательством сексуальной активности.

Наличие мастурбации может быть подтверждено тем, что руки жертвы были зафиксированы как находящиеся на ее гениталиях или вблизи них. К числу других индикаторов

сексуальной активности можно отнести такие: вибратор, найденный рядом с телом жертвы; жертва одета, а ее гениталии обнажены; пенис обернут тканью, чтобы предупредить попадание спермы на одежду. В изученных случаях часто прямых свидетельств мастурбации не было, а без таких свидетельств трудно прийти к определенному выводу. Хотя иногда утверждают, что жертвы суицида избегают наготы, пока не доказано, что полная или частичная нагота жертвы является достаточным основанием для отграничения аутоэротической смерти от суицида.

Защитные прокладки

Часто жертва использует какой-либо мягкий материал (прокладку) между перевязкой (узлом) и прилегающей частью тела. Цель такой защитной прокладки — предотвратить ссадины или обесцвечивание кожи, что могло бы вызвать вопросы у друзей или родных. В описанном выше случае родители юноши и не предполагали, что их сын вовлечен в такие опасные занятия. Мать, однако, припомнила, что за несколько месяцев до смерти сына она заметила следы ожогов у него на шее. На ее вопрос сын ответил, что шею он «натер шерстяным свитером», когда играл в футбол. В день смерти у жертвы никаких защитных прокладок обнаружено не было.

У более опытных и умелых жертв вероятность обнаружения защитных прокладок выше, чем у жертв молодых, занимающихся аутоэротической практикой недавно. Коммерчески доступное «снаряжение» для связывания состоит из кожаных и атласноподобных держателей, присоединенных к каким-либо мягким материалам (мех, шерсть). В изученных при исследовании случаях случались очень хитроумные защитные прокладки.

В своем доме был обнаружен мертвым пожилой мужчина. Его шея и ступня были соединены веревкой и ремнями, которые в свою очередь были присоединены к крюку, прибитому к внутренней стене чулана. С помощью взаимосвязан-

ных «перевязок» его тело было присоединено к своду (арке). Намыленная изоляционная лента соединялась с повязкой вокруг шеи.

Свидетельство прошлого опыта в области аутоэротической практики

Чтобы разобраться в каждом конкретном деле, очень важно знать, занималась ли жертва раньше (если да, то как долго) той деятельностью, которая стала причиной ее смерти. При всей важности этого момента вызывает удивление то, что в обычных медицинских или полицейских отчетах очень редко встречается упоминание о прошлом аутоэротическом опыте. Между тем существует четыре типа информации, полезной для определения наличия указанного прошлого опыта жертвы.

Информация, полученная у родственников и знакомых

Хотя члены семьи, сексуальные партнеры, друзья иногда не подозревают об опасных аутоэротических занятиях жертвы, они могут замечать какие-то странные особенности поведения, которые в ретроспективе будут иметь криминалистическое значение. Так, один отец показал, что его сына часто замечали самосвязанным. Другой отец знал, что его сын время от времени набрасывает на шею пояс и стягивает его до тех пор, пока не ослабеет. Еще один случай. Родители 30-летнего мужчины замечали, что почти каждый вечер перед ужином их сын запирался в своей комнате и оттуда доносилось странное гудение. Как оказалось, он пользовался для своей аутоэротической практики электрическим прибором, от неисправности которого впоследствии и погиб. Можно привести еще ряд примеров того же плана. Так, жена 26-летней жертвы показала, что до эпизода со смертельным исходом ее супруг дважды подвешивался на брусках. Жена другого умершего сообщила, что ее муж имел привычку накидывать на шею полотенце, привязывать его к ручке двери спальни и «оттягиваться» от двери, когда занимался мастурбацией.

Постоянно закрепленные защитные прокладки

Как уже отмечалось, следователь должен обращать внимание на наличие защитной прокладки и ее размещение. Одним из значимых индикаторов прошлой аутоэротической практики является обнаружение таких прокладок на повязках или иных приспособлениях. Это — показатель того, что жертва либо раньше пользовалась приспособлением, либо собиралась его использовать в будущем. В любом случае наличие таких прокладок свидетельствует о желании жертвы избежать образования каких-либо «наводящих» следов на своем теле.

Снашивание (истирание) точки подвешивания

Если жертва использовала подвязки, прикрепленные к каким-то точкам (предметам), то следователь должен внимательно осмотреть эти предметы с целью обнаружения царапин или желобков, указывающих на использование этих предметов в прошлом.

Следы данного рода были обнаружены при осмотре места смерти одного молодого человека. Он был подвешен с помощью плетеного кожаного кнута, обвитого вокруг шеи, и наброшенного на верхнюю часть двери туалета. На кнута имелось колесико, которое крепилось к двери. Руки жертвы были свободны, однако лодыжки плотно связаны кожаными ремнями. На верху двери обнаружили несколько царапин и стертостей, оставленных прежними упражнениями жертвы.

Сложность вредоносного агента (предмета, средства)

Когда вредоносный агент очень сложен, можно сделать вывод, что аппаратура усложнялась и совершенствовалась в ходе длительного ее использования. Вот как это происходило в данном случае.

Жертва — 26-летний мужчина. Смерть наступила в результате подвешивания через кожаные браслеты, закрепленные на потолочном крюке. Когда труп обнаружили, оказа-

лось, что на его лице имелась маска, во рту – удила. Длинная веревка одним концом была привязана к удилам, переброшена через плечи, пропущена через петлю на конце специально сконструированного пояса, который был надет на жертву. Куски веревки, протянутые через петли по одну сторону тела, соединялись деревянными шпонками, расположенными по всей длине его ног. Веревки были присоединены к двум пластиковым бутылкам для воды: одна бутылка на каждой лодыжке. Бутылки были наполнены водой. На лодыжках имелись кожаные поддерживатели (ограничители). К каждому соску на груди были прикреплены зажимы. На брючном ремне имелось сделанное из кожи приспособление, которое проходило между ягодицами и присоединялось к передней и задней части ремня. На этом приспособлении имелась деталь, вставленная в анус, и отверстие, через которое был просунут пенис. Этот орган был помещен в цилиндр из туалетной бумаги. В основании пениса имелся бантик из красной ленты.

Итак, тип, качество, сложность и ценность собранных жертвой сексуальных материалов могут являться косвенным подтверждением продолжительности ее аутоэротической практики.

Полиграф как средство
версии, со

Использование полиграфа
сторонников.

Разоблачению з

Абея в 60-е го

вание необычно

стерно, что при эт

Он отказался дават

а, арестовав его

он работал.) Вп

а оставили в од

лькими прикрепл

ровали ему на экр

не понял, зачем у

азили географичес

Израиля, СССР... В тот

ры Советского Союз

и участилось дыха

и американских ц

атировал, а датчики ус

ла те географически

ль позднее, были тай

ическим образом Абе

и тайники. После про

безопасности СССР с

не.

Слово «полиграф»

множество записе

зачастую называю

многоцелевой пр

регистрации

процессов

XII

Полиграф как средство проверки достоверности
версии, сообщений, показаний

Использование полиграфа в уголовном процессе имеет как своих сторонников, так и своих противников. Так кто же прав? Разоблачению знаменитого советского разведчика Рудольфа Абеля в 60-е годы прошлого века способствовало использование необычной, мало кому известной аппаратуры. Характерно, что при этом Абель не произнес ни одного слова. (Он отказался давать показания, и американская контрразведка, арестовав его, даже не знала, в интересах какой страны он работал.) Впрочем, вопросов ему не задавали. Разведчика оставили в одиночестве в зашторенной комнате с несколькими прикрепленными к телу датчиками и демонстрировали ему на экране бегущие цветные слайды. Абель даже не понял, зачем устроена вся эта комедия. Вначале ему показали географические изображения Японии, Нигерии, Израиля, СССР... В тот момент, когда разведчик увидел контуры Советского Союза, у него повысилось кровяное давление и участилось дыхание. Затем на экране замелькали картинки американских штатов. Сам того не подозревая, он реагировал, а датчики успешно фиксировали изменения только на те географические точки, в которых у него, как выяснилось позднее, были тайники и явки. Тем же самым физиологическим образом Абель «выдал» улицу, дом, квартиру и сами тайники. После провала Абеля Комитет государственной безопасности СССР спешно принял полиграф на вооружение.

Слово «полиграф» в переводе с греческого языка означает «множество записей». Полиграфическое устройство (еще его зачастую называют «детектором лжи») представляет собой многоцелевой прибор, предназначенный для одновременной регистрации нескольких (от 4 до 16) физиологических процессов, связанных с возникновением эмоций: дыха-

ния, кровяного давления, биотоков (мозга, сердца, скелетной и гладкой мускулатуры и т. п.). Прибор этого вида широко используется в клинической медицине (особенно в реанимационных целях), в медико-биологических и психологических исследованиях в прикладной психофизиологии, одним из частных разделов которой является детекция лжи. Специальное психофизиологическое исследование (СПФИ) – это сложная многоэтапная процедура, в ходе которой полиграф выполняет единственную функцию – регистрирует быстротекущие реакции организма человека в ответ на передаваемую ему информацию.

Приборы этого класса не оказывают на испытуемого (тестируемого) человека никакого влияния, полностью отвечая требованиям безвредности. Полиграф стоит в том же ряду, что и другие широко распространенные технические средства исследования объектов реального мира, изобретенные, принятые человеческим сообществом и служащие его благу. Критиковать полиграф, отвергать его полезность и нужность так же нелепо, как клеймить позором и подвергать сомнениям полезность и нужность таких устройств, как барометр или градусник.

Кроме психофизиологических реакций испытуемого, полиграф ничего не регистрирует и никакую ложь или правду сам по себе выявить не может. Такого прибора, как детектор лжи, просто-напросто не существует.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в свое время Президент Российской Федерации выступил с законодательной инициативой о включении психофизиологического тестирования (полиграфа) в качестве самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (письмо Президента РФ от 28 апреля 1998 г. № Пр-608).

Применение полиграфа органами внутренних дел Российской Федерации регламентируется Инструкцией о порядке использования полиграфа при опросе граждан, согла-

сованной с Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Верховным судом Российской Федерации, введенной в действие приказом МВД России от 28 декабря 1994 г. № 437дсп и зарегистрированной Министерством юстиции Российской Федерации 25 декабря 1994 г.

Инструкция, в частности, гласит, что информация, полученная в ходе опроса с использованием полиграфа, не может применяться в качестве доказательства, имеет вероятностный характер и только ориентирующее значение (п. 1.2). Инструкцией определены порядок подготовки опроса, условия и порядок его проведения, оформления и хранения материалов, полученных в ходе опроса, пути использования результатов опроса и контроля за его проведением. В соответствии с Инструкцией опрос проводится специально подготовленными сотрудниками оперативно-технических и оперативных подразделений, прошедшими соответствующую подготовку и имеющими допуск к работе с полиграфными устройствами. Определена двухступенчатая система подготовки и оценки квалификации специалиста по проведению опроса, включающая в себя на первом этапе трехнедельный курс переподготовки, во время которого усваиваются теоретические и практические навыки работы на полиграфе, с последующей сдачей квалификационного экзамена и получением временного допуска к самостоятельному проведению опросов с использованием полиграфа. На втором этапе в процессе самостоятельной работы по месту службы совершенствуются и закрепляются навыки работы, прививаемые в условиях раскрытия реальных преступлений. При достаточном уровне квалификации и освоении техники и тактики применения полиграфа квалификационная комиссия принимает решение о выдаче специалисту постоянного свидетельства на право проведения опросов с использованием полиграфа.

Принятая в МВД России нормативная база по использованию полиграфа вобрала в себя многолетний опыт, кото-

рый был накоплен по данному вопросу за рубежом и позволяет решить главные задачи:

- соблюдение законности и основных прав и свобод граждан;
- эффективное применение полиграфа для раскрытия преступлений.

Имеются подобные нормативные правовые акты и у иных ведомств:

- в ФСБ России – Инструкция о порядке применения органами федеральной службы безопасности опроса с использованием полиграфа (май 1997 г.);

- в ФСНП России – Инструкция о порядке применения специальных психофизиологических исследований федеральными органами налоговой полиции (февраль 1996 г.).

Все эти нормативные акты имеют несущественные отличия, продиктованные особенностями ведомственной принадлежности, но основные принципы сходны с рассмотренной выше Инструкцией, действующей в МВД России.

После принятия данных ведомственных нормативных правовых актов испытания на полиграфе приобрели свою легитимность и стали широко и продуктивно применяться по уголовным делам о тяжких преступлениях. Практические работники наглядно убедились в том, что полиграф является важным и надежным инструментом, способствующим, с одной стороны, эффективному выявлению и изобличению виновных, а с другой стороны – снятию подозрений с ошибочно заподозренных лиц и их реабилитации. В зависимости от обстоятельств применяется различная тактика реализации полученной таким образом ориентирующей информации. В одних случаях она используется незамедлительно при подготовке и производстве допроса лица, подвергшегося опросу при его тестировании оператором полиграфа.

Наряду с подобным способом экстренной реализации полиграфологической информации по типу «с места в

карьер», существует и другой продуктивный путь. Он предполагает следующее. Проанализировав полиграфологическую информацию, следователь на какое-то время откладывает допрос и организует экстренную проверку полученной информации по поводу обстоятельств содеянного, сведения о которых почерпнуты по ходу проведения тестирования подозреваемого либо обвиняемого. Они могут касаться тех или иных обстоятельств дела, личности соучастника (соучастников), мест нахождения похищенного, мест сокрытия трупов потерпевших, посткриминального движения орудий преступления и многого другого, имеющего значение для дела. Построенные версии по поводу интересующих следствие обстоятельств надлежащим образом проверяются на основе производства следственных осмотров, обысков, допроса связей преступника и иными процессуальными способами. После этого, с учетом результатов, объективно подтверждающих ориентирующую информацию, полученную при испытании на полиграфе, следователь, будучи «вооруженным» добытыми доказательствами, определяет тактическую линию поведения и реализует ее при производстве допроса подозреваемого (обвиняемого).

По данным Ю.И. Холодного, одним из первых в российской процессуальной практике случаев применения полиграфа является проверка с помощью этого прибора В.И. Синцова (одного из директоров АО «Специальное машиностроение и металлургия»), арестованного в январе 1994 года по подозрению в измене Родине в форме шпионажа и выдаче государственной тайны иностранному государству, а также неоднократном получении взяток. Следствие по делу В.И. Синцова вела Главная военная прокуратура Российской Федерации (ГВП).

Решение следствия о применении полиграфа в отношении Синцова возникло на этапе, когда уже частично были собраны фактические доказательства преступной деятель-

ности обвиняемого и требовалось установить некоторые обстоятельства его противоправной деятельности в период 1992–1993 годов. На предложение следователя подвергнуться процедуре допроса с использованием полиграфа обвиняемый ответил согласием.

Выполнение СПФИ Синцова осуществлялось при строгом соблюдении процессуальных норм. В частности, таких:

а) перед началом проведения испытания обвиняемого было получено в письменном виде по установленной форме его добровольное согласие на проведение данного исследования;

б) обвиняемый не выразил отвода специалистам, которым предстояло выполнить испытание;

в) обвиняемому была изложена сущность и цели предстоящего испытания, объяснены его права, дан инструктаж относительно его поведения и порядка ответов на задаваемые вопросы;

г) специалисты были предупреждены об ответственности за уклонение от дачи заключения или за дачу заведомо ложного заключения;

д) весь процесс испытания сопровождался видеозаписью, которую обвиняемый сразу после ее завершения просматривал и удостоверял в установленном порядке.

Результаты испытания (т. е. выводы, сделанные по итогам анализа полиграмм, а также некоторые заявления, высказанные Синцовым в ходе испытания) были представлены в ГВП в форме заключения специалистов, в котором, в частности, указывалось, что «результаты СПФИ носят вероятностный характер и не могут служить в качестве доказательств». Несмотря на сделанную оговорку, ГВП сочла возможным и правильным в обвинительном заключении трижды воспользоваться данными, полученными с помощью полиграфа, указав, что, помимо собственного признания в содеянном, Синцов также изобличается... «заключениями специалистов... по результатам проведения специального

психофизиологического исследования В.И. Синцова с применением полиграфа (СФПИ)»¹.

Богатый и интересный опыт в этой связи накоплен сотрудниками органов внутренних дел Краснодарского края за несколько последних лет. К практической деятельности по использованию возможностей полиграфа по уголовным делам здесь приступили вскоре после издания приказа МВД России от 28 декабря 1994 г. «Об утверждении Инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан».

На основе реализации полученной таким путем информации выявлено и раскрыто несколько сотен опасных преступлений против личности и имущества, включая те, что были завуалированы тщательными инсценировками.

В 9 часов утра 13 августа 1996 г. в дежурную часть ОВД города Горячий Ключ поступило сообщение от гражданина А. о том, что ночью у гаража, расположенного по ул. Ленина, был угнан автомобиль ВАЗ-2109 бежевого цвета. После выезда следственно-оперативной группы на место происшествия стало известно, что автомобиль угнан в промежуток времени с 20.00 до 8.00 часов. На воротах гаража отсутствовали 2 навесных замка. Полгаража засыпано щебнем, на полу с левой стороны по ходу машины обнаружены осколки бокового стекла.

С места происшествия изъяли много обгоревших спичек. Другие следы отсутствовали. Из допроса потерпевшего стало известно, что машина в гараже находилась в закрытом состоянии с замкнутыми дверями и багажником. На крыше автомобиля имелась антенна на магните, в перчаточном ящике было множество аудиокассет. Под зеркалом заднего вида в салоне висел брелок в виде павлина желтого цвета. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий в тот же день была получена информация о том, что около гаража потерпевшего за день до угона в дневное время несколько

¹ Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений // Мир безопасности. – М., 1999. С. 109.

Было установлено, что у Наташи собирались знакомые ребята и подруга для просмотра видеофильмов, иногда у нее оставались переночевать трое подростков: девушка и двое молодых людей.

На полиграфном устройстве были обследованы Наташа и указанные ее знакомые. Им задавали такие вопросы:

1. Когда произошла кража денег?
2. Где лежали деньги?
3. Какую сумму похитили?
4. Какими купюрами были деньги?
5. Во что были завернуты 100- долларовые купюры?
6. Где лежали 50- долларовые купюры?
7. Кто совершил кражу?
8. Где сейчас находятся деньги?

Испытания на полиграфе позволили заподозрить в совершении кражи подругу Наташи, поскольку из ее реакции стало ясно, что похищенные деньги находятся в квартире ее деда. Последний был допрошен. В его квартире произвели обыск и обнаружили там 1000 долларов купюрами по 100 долларов, полученные от внучки. Собранные доказательства предъявили на допросе подозреваемой. После этого она призналась в совершении кражи и пояснила, что часть похищенных ею денег потратила на покупку дорогих личных вещей.

Полиграфологическое обследование порой представляет сложную, важную в практическом отношении многоходовую тактическую операцию (своего рода полиграфологическое расследование внутри процессуального расследования), дающую в руки следователя исключительно полезную ориентирующую информацию по ключевым для раскрытия преступления вопросам и помогающую с честью выйти из, казалось бы, самых тупиковых ситуаций. В этом плане особый интерес представляет следующий случай из практики.

В поселке сельского типа в ночь с пятницы на субботу ушел и не вернулся домой местный житель П., девятнадцати лет, работающий в колхозе. Опрос односельчан показал, что

последний раз его видели в субботу около 10 часов вечера на окраине поселка с двумя его приятелями, распивающими спиртные напитки. Неоднократные допросы последних не дали положительных результатов. Они утверждали, что пили с без вести пропавшим водку часов до 23.00–23.30, а после разошлись по домам. Опрос домашних подтвердил, что они действительно около 12 часов ночи были дома. Спустя шесть месяцев после исчезновения П. было проведено полиграфное обследование заподозренных лиц. Так как у специалиста не было сомнений, что П. нет в живых, первый поисковый тест был составлен в следующей форме. (Следует заметить, что на все вопросы поисковых тестов, опрашиваемые отвечали отрицательно).

Тест № 1

«Как вы считаете, что сделали с трупом П. после убийства?»:

1. Оставили на месте убийства?
2. Сожгли?
3. Утопили?
4. Сбросили в силосную яму?
5. Закопали в землю?

Достоверная положительная реакция была зафиксирована полиграфом на третий и пятый вопросы, т. е. утоплен и закопан в землю.

Специалисты долго ломали головы над странной загадкой, ибо казалось невероятным одновременное утопление и закапывание в землю. Было известно, что в трехстах метрах от поселка протекала быстрая глубокая река, в которой вырыть на дне яму и зарыть труп даже при наличии акваланга невозможно. В 100 метрах от места совместного распития водки находились рисовые поля, но и там это сделать, не нарушив «картину» посевов риса, также не представлялось возможным. Для уточнения полученной информации было проведено обследование по двум уточняющим тестам, связанных с «водой» и «землей».

Тест № 2
«Как вы считаете, что сделали с трупом П. после убийства?»:

1. В море?
2. В озере?
3. На берегу реки?
4. В реке?
5. В колодезь?

Достоверная положительная реакция была зафиксирована на рисовом поле.

Тест № 3
«Как вы считаете, что сделали с трупом П. после убийства?»:

1. На берегу моря (50 км)?
2. На лесопилке?
3. В районе рисовых полей?
4. В горах?
5. В огороде около дома?

Положительная реакция была зафиксирована в районе рисовых полей. Тест № 4
«Как вы считаете, что сделали с трупом П. после убийства?»:

1. Просто так.
2. Хотели тело проглотить?
3. Труп всплыл.
4. Боялись загрязнить воду?
5. Хотели посмотреть на труп?

Тест № 2

«Как вы считаете, где был утоплен гражданин П.?»:

1. В море?
2. В озере?
3. На рисовом поле?
4. В реке?
5. В колодце?

Достоверная положительная реакция на третий вопрос – на рисовом поле.

Тест № 3

«Как вы считаете, где закопан труп П.?»

1. На берегу моря (расстояние от места выпивки около 50 км)?
2. На лесопилке?
3. В районе рисовых полей?
4. В горах?
5. В огороде около дома?

Положительная реакция, полученная на полиграфе, – в районе рисовых полей. Таким образом, исследование показало, что труп закопан и утоплен. По логике вещей, если сначала труп был закопан, то откапывать его для того чтобы спрятать, утопив в поле – действие абсурдное, т. к. нахождение трупа на рисовом поле могло привести к быстрому его обнаружению (прополка риса, спуск воды перед уборкой урожая и т. п.) В связи с этим, возникла гипотеза, что сначала труп был утоплен, а потом вытасчен и закопан в землю. Для подтверждения этой гипотезы был составлен четвертый поисковый тест.

Тест № 4

«Как вы считаете, почему труп сначала утопили, а потом извлекли из воды и закопали в землю?»:

1. Просто так.
2. Хотели тело предать земле.
3. Труп всплыл.
4. Боялись загрязнить поле трупным ядом.
5. Хотели посмотреть, насколько он изменился.

Положительный ответ был получен на третий вопрос – «труп всплыл». Убедившись в правильности своей версии, оператор реализовал «прямой тест» («комплекса виновности») – тест № 5.

Тест № 5

1. Вы работаете в колхозе? (н.)
2. Вам 25 лет? (н.)
3. Вы знаете, кто убил П.? (з.)
4. Сейчас август месяц? (н.)
5. Вы знаете, кто убил женщину с грудным ребенком на берегу речки и сжег трупы? (к.)
6. Вы находились в поселке Осташкове? (н.)
7. Вы принимали участие в убийстве П.? (з.)
8. Ваша фамилия ... ? (н.)
9. Вы принимали участие в убийстве женщины с ребенком? (к.)
10. Ваше имя ... ? (н.)
11. Вы убили П.? (з.)
12. Вы служили в армии? (и.)
13. Вы убили женщину с ребенком? (к.)

(Примечание: «н» – нейтральные, «з» – значимые, «к» – контрольные вопросы).

Положительные реакции были получены во всех случаях с различной степенью достоверности. По инициативе следователя, ведущего расследование, специалист предъявил подозреваемым результаты тестирования на полиграфе, продемонстрировав возможный вариант развития этапов совершения преступления. В результате этой послетестовой беседы один из подозреваемых сознался в совершенном преступлении, второй это сделал на следующий день после очной ставки.

Обвиняемый показал место сокрытия трупа, где последний и был обнаружен во время следственного эксперимента с участием обвиняемого.

Таким образом, специалист, имея минимум информации, помог раскрыть преступление, правильно выбрав стратегию

исследования. Сначала он определил место нахождения трупа, а когда получил два взаимоисключающих ответа («закопан» и «утоплен»), провел уточняющее расследование по двум направлениям. После этого сформулировал окончательную версию совершения преступления и провел уточняющий тест на выяснение причин извлечения трупа с рисового поля. Если бы не было получено «признание» участников в совершенном ими убийстве, следующий уточняющий тест был бы направлен на выяснение места, где был закопан труп. Около поселка находилось 8 рисовых полей. Вопросы могли задаваться с использованием схем. Для этого необходимо было нарисовать схемы расположения рисовых полей, дать их для подробного ознакомления подозреваемому, а потом, указывая на рисунки, спрашивать: «Труп закопан в районе этого поля? ... Этого?» и так далее. Чтобы снизить стресс ожидания у обследуемого, схемы следовало бы предъявлять не по порядку, а вразнобой.

В дальнейшем, когда было бы установлено поле, около которого закопали труп, таким же методом, разбив окружающее рисовое поле на квадраты, нетрудно было бы установить, в каком квадрате находится труп.

В ходе дискуссий в 1996 году на научно-практической конференции по практическому применению полиграфа в системе органов внутренних дел Краснодарского края был высказан ряд важных рекомендаций по оптимизации процесса применения анализируемого метода.

Отмечая, что применение полиграфа дает в руки следователей весьма ценную информацию, которую иным путем получить невозможно, констатировалось, что эта информация позволяет:

- определить вероятную виновную причастность проверяемого лица к преступлению (к его планированию, совершению, сокрытию и т. д.);
- дать правильную оценку достоверности сообщаемой проверяемым лицом информации и на этой основе сформулировать состоятельные версии;

- осуществить целенаправленную проверку выдвинутых версий и найти объективные им подтверждения;
- создать условия для дачи проверяемым лицом правдивых показаний.

Высказано мнение, что повышению эффективности применения полиграфа способствует:

- получение специалистами при подготовке испытания максимально возможного объема детальной информации относительно исследуемых по делу обстоятельств и разработка с учетом ее особенностей значительного количества не прямых тестов (это позволяет приблизить вероятность дачи надлежащего заключения по различным тестам почти к 100% и практически исключить ошибки при интерпретации речевых и неречевых реакций проверяемого лица).

- полиграфологический опрос людей, заподозренных в совершении преступления, должен проводиться как первоначальное гласное действие, предшествующее другим действиям и мероприятиям с участием указанных лиц (это позволяет исключить возможность восприятия заподозренным информации об обстоятельствах преступления в ходе работы с ним, которая может повлиять на изменение обычного состояния реагирования на предъявляемую информацию, заложенную в тестовый материал).

- в случае выявления у испытуемого лица скрываемой им информации, указывающей на его виновную причастность к содеянному, дальнейшие мероприятия (допрос и т. д.) необходимо производить с учетом психоэмоционального статуса указанного лица (неотложный допрос сразу после завершения испытаний на полиграфе целесообразен лишь при низких волевых характеристиках, сочетающихся с эмоциональным хаосом заподозренного лица).

Наряду с выводами, которые могут быть положены в основу общих положений технологии применения полиграфа по различным уголовным делам, на конференции в ГУВД Краснодарского края рассматривались рекомендации, бази-

рующиеся на выявленных практическим путем закономерностях реализации анализируемого средства по отдельным категориям дел. В частности, отмечалось, что все убийства характеризуются тремя общими моментами, несущими значительный объем криминалистически значимой информации, выявляемой при полиграфологическом обследовании подозреваемых. Имеются в виду такие обстоятельства, как орудия преступления, часть тела потерпевшего, в которую нанесены смертельные ранения, и место убийства. Характерно, что в случае совершения запланированных, заранее готовящихся убийств указанный перечень обстоятельств дополняется следующими весьма информативными компонентами: место засады, время исполнения акта убийства, телосложение и цвет волос убитого, наличие особых примет на его лице.

Определенным своеобразием характеризуется подход к разработке тестов в случае расследования заказных убийств. Это обусловлено прежде всего тем, кто обследуется: подозреваемый в исполнении или в заказе убийства. Как правило, последний не знает места засады, вида оружия, времени исполнения заказа, личности убийцы. Отсюда и различные тесты. При их разработке учитывается также такое позволяющее отличить заказчика от исполнителя обстоятельство, как информация о временном промежутке между моментом принятая решения об убийстве и самим убийством¹.

Для честного человека полиграф опасности не представляет. Все вышеизложенное позволяет сделать ряд важных в научном и практическом отношении выводов.

Первый. В последние годы в России после десятилетий огульного охаивания, обвинений в безнравственности и лженаучности испытания на полиграфе подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений наконец-то сошли

¹ Опыт использования полиграфа в профилактике и раскрытии преступлений в ГУВД Краснодарского края (1-я научно-практическая конференция). — Краснодар, 1997.

с высоких дискуссионных трибун на землю — в сферу решения практических задач и все активнее, увереннее занимают подобающее им место в арсенале эффективных, допустимых отечественных криминалистических средств.

Второй. Опыт практического применения полиграфа убедительно свидетельствует в пользу того, что указанные испытания не являются какой-то одномоментной разовой акцией, чреватой диагностическими ошибками. Полиграфологическое сопровождение расследования обычно представляет собой сложную, многоэтапную, многотестовую процедуру, в которой исходные данные, полученные на начальном этапе испытания (обследования) не берутся на веру. Они, во-первых, анализируются в комплексе с информацией, полученной из других источников; во-вторых, проверяются иными оперативно-розыскными и процессуально-следственными действиями; в-третьих, конкретизируются, контролируются и корректируются в ходе дальнейших этапов испытания, представляющего собой ситуационно обусловленную целостную систему развивающегося знания.

Третий. Практика и творческие начала, лежащие в основе реализации данного метода, возможность разносторонней проверки и объективного подтверждения версий, строящихся на базе полиграфологической информации, служат убедительным доказательством несостоятельности взглядов скептиков, которые лишь на эмоционально-рассудочном уровне ставят под сомнение саму возможность применения полиграфа в уголовном процессе, риторически отрицая его богатый тактический потенциал и перспективность.

Четвертый. Российская практика испытаний на полиграфе четко и однозначно исходит из принципа добровольного письменного согласия гражданина на это полиграфологическое обследование после соответствующей предтестовой беседы. Кроме того, для подобных исследований в Краснодарском крае, к примеру, необходимо специальное разрешение начальника Главного управления внутренних дел (ГУВД).

Выдается оно исключительно в тех случаях, когда человека или группу лиц подозревают в совершении преступлений. При этом оперативный работник должен доказать в служебной записке начальнику ГУВД, что подобный эксперимент просто необходим. Лишь после этого проверяемый может дать письменное согласие на испытания. Затем составляется специальный опросник, который также утверждается начальником ГУВД. (За рубежом эта процедура намного проще. В США, например, в случае обвинения в сексуальном правонарушении испытание полиграфом в обязательном порядке проходят как ответчик, так и истец.)

Не менее важно и то, что результаты испытания на полиграфе не признаются доказательствами. Недалеко, видимо, то время, когда опрос на базе полиграфа прочно войдет в круг установленных законом процессуальных действий и данные, полученные таким способом, приобретут статус доказательств. Но для этого необходимо соответствующее законодательное решение.

В литературе предложен ряд вариантов будущей уголовно-процессуальной модели использования полиграфа при допросе. По мнению В.И. Комиссарова, в случае принятия решения (по своей инициативе или по просьбе допрашиваемого) о применении полиграфа, следователь должен будет:

- пригласить защитника (если предполагается допросить подозреваемого или обвиняемого), педагога, переводчика (при допросе несовершеннолетнего, глухонемого и др.);
- установить психологический контакт со всеми участниками допроса;
- разъяснить всем им содержание, условия, порядок производства следственного действия и особенности использования информации, получаемой при тестировании;
- удостовериться, что испытуемый понял следователя, и разъяснить допрашиваемому его право отказаться от тестирования;

- получить в письменной форме согласие пройти испытание на полиграфе;

- разъяснить права и обязанности всем участникам следственного действия, о чем делается отметка в протоколе допроса;

предупредить оператора об уголовной ответственности за заведомо ложную расшифровку полиграммы, а, возможно, и за разглашение тайны предварительного следствия;

- занести в протокол замечания и заявления участников процесса.

Лишь после этого можно приступать к тестированию.

Программу тестирования и расшифрованную оператором полиграмму, как полагает В.И. Комиссаров, необходимо прилагать к протоколу допроса, который подписывается всеми участниками следственного действия¹.

Данный проект представляет определенный интерес с точки зрения совершенствования процедуры испытания на полиграфе. Однако причем здесь допрос, как детально урегулированное процессуальное действие? Допрос, конечно, ни при чем. Полиграфологическое обследование – это не допрос. Следственный допрос производится следователем, а не специалистом в области психологии. Подмена следователя специалистом недопустима. В данном случае полиграфолог производит не допрос, а опрос, по сути своей представляющий психологический эксперимент по проверке версии о возможности лжи со стороны испытуемого, предположений о степени его искренности, вероятности утаивания каких-либо знаний путем выявления не видимых «невооруженным глазом» психофизиологических реакций, фиксируемых с помощью полиграфа. Специалист изучает эти реакции по полиграмме опроса (тестирования) и дает им оценку в виде мнения. Поэтому применительно к полиграфу речь может вестись не об изменении законодательства, регламентирую-

¹ Законность. 1995. – № 11. – С. 43–47.

щего следственный допрос, а об установлении четкого правового механизма, условий и порядка привлечения специалистов к проведению указанного эксперимента по инициативе правоохранительных и судебных органов и вовлечения полученных результатов в уголовный процесс.

Итак, добровольное испытание на полиграфе сегодня — всего лишь одно из возможных средств подготовки к допросу и производству других процессуальных действий, итогом которых и могут стать судебные доказательства.

Честному человеку, подчеркнем еще раз, полиграф не опасен. Более того, если он необоснованно заподозрен во лжи, в совершении преступления, к которому не причастен, в целях установления истины и снятия наветов следует потребовать испытания на полиграфе. Полиграф поможет заблуждающимся признать свою ошибку и снять подозрение.

О том, что полиграф при умелом, тактически грамотном его применении выступает в качестве важного средства объективизации расследования по уголовным делам, лучше всего говорят статистические данные. На упомянутой выше конференции в Краснодарском крае приведены следующие красноречивые цифры: полиграфные проверки, проведенные в отношении 1226 подозреваемых в совершении тяжких преступлений, показали, что 702 проверяемых оказались не причастными к инкриминируемым им деяниям. Решения о снятии с них подозрений были приняты весьма оперативно. Решающее значение при этом имела информация, предоставленная специалистами, проводившими испытания ошибочно заподозренных лиц на полиграфе.

Производственно-практическое издание

Образцов Виктор Александрович
Кручинина Надежда Валентиновна

Преступление. Расследование. Проверка достоверности информации

Научно-методическое пособие

Редактор *В.Д. Желудев*
Оформление обложки и дизайн *Г.В. Ибраилов*
Компьютерная верстка *Н.В. Шумова*
Корректоры *В.С. Акимова, Н.М. Бройко*

Издательский дом «Книжная находка»
www.booknahodka.ru
По вопросам оптового приобретения обращаться по e-mail:
info@booknahodka.ru

Подписано в печать 20.09.2002 г. Формат 84x108 1/32.

Гарнитура Петербург
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5. Тираж 1000 экз. Заказ № 577

Отпечатано в ГУП ВОПК «Волжский»
404126, г. Волжский, ул. Пушкина, 76

ISBN 5-94987-005-0

9 785949 870051

ВЫШЛИ К

Кларк Р. «Преступление»
Работа Рамона Кларка
Джонсона, представляет
преступности в США. Автор
борьбы с преступностью.
Вую очередь политическо
Предваряет исследова
дарственной премии РФ.
Книга адресована спе
широкой читательской ауд

Крысин Л.П., Ста
язык и стиль»

Основная цель книги
заключение. В книге соде
ка кратко охарактеризова
одного из видов процессу
ся наиболее типичные яз
ниях, а также даются прав
жения.

Работа представляет с
прокуроров, работников пр

Статус В.Ф., Цо
обвинения и соста

В книге с учетом требо
современных реалий след
постановления о привлече
тавления обвинительного
нению этих следственных

Книга предназначена
ствия и прокурорам, осуц
нов предварительного сле

Книга будет полезна
заведений при изучении у

**В 2002 ГОДУ
ВЫШЛИ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА
«КНИЖНАЯ НАХОДКА»:**

Кларк Р. «Преступность в США»

Работа Рамсея Кларка, бывшего министра юстиции в администрации президента Джонсона, представляет собой уникальный анализ причин, следствия и особенностей преступности в США. Автор рассматривает программу серьезных реформ в области борьбы с преступностью, зачастую имеющую не только криминалистическое, но в первую очередь политическое значение.

Предваряет исследование статья известного российского юриста, лауреата Государственной премии РФ, профессора Виктора Лунеева.

Книга адресована специалистам силовых ведомств России, но будет интересна и широкой читательской аудитории.

Серия «Правовое поле»

Крысин Л.П., Статкус В.Ф. «Обвинительное заключение: язык и стиль»

Основная цель книги — помочь следователям грамотно составлять обвинительное заключение. В книге содержатся элементарные сведения по стилистике русского языка, кратко охарактеризованы языковые особенности обвинительного заключения как одного из видов процессуальных документов. На конкретном материале анализируются наиболее типичные языковые ошибки, встречающиеся в обвинительных заключениях, а также даются правила употребления и сочетания слов при построении предложения.

Работа представляет собой первый опыт лингвистической книги для следователей, прокуроров, работников правовых органов.

Статкус В.Ф., Цоколов И.А., Жидких А.А. «Предъявление обвинения и составление обвинительного заключения»

В книге с учетом требований нового уголовно-процессуального законодательства и современных реалий следственной практики рассматриваются проблемы вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, предъявления обвинения и составления обвинительного заключения, даются рекомендации по эффективному выполнению этих следственных действий.

Книга предназначена практическим сотрудникам органов предварительного следствия и прокурорам, осуществляющих надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, а также адвокатам и судьям.

Книга будет полезна преподавателям и студентам юридических образовательных заведений при изучении учебного курса «Уголовный процесс».

КНИГИ

Издательского дома «КНИЖНАЯ НАХОДКА»

Издательский дом «КНИЖНАЯ НАХОДКА» – новое издательство и оптовая книго-торговая фирма, ассортимент которой в 2002 году составляет около 50 наименований книг о животных, деловой и учебной тематики, научно-популярной литературы для широкого круга читателей.

Спрос на продукцию Издательского дома «КНИЖНАЯ НАХОДКА» быстро увеличивается. Причина проста – актуальность тем, высокое полиграфическое исполнение изданий и низкие оптовые цены.

Мы рады приветствовать вас на нашей страничке в сети Интернет – www.booknahodka.ru, где вы можете познакомиться с аннотациями на предлагаемые книги и узнать их стоимость.

Выходят серии книг:

«БИБЛИОТЕКА СОБАКОВОДА»

Гриценко В.В. «Дрессировка начинающим»;
Гриценко В.В., С.Ю. Гурьева «Жизнь собаки в вопросах и ответах»;
Гриценко В.В. «Воспитание и перевоспитание собаки» и др.

«ПРАВОВОЕ ПОЛЕ»

Крысин Л.П., Статкус В.Ф. «Обвинительное заключение: язык и стиль»;
Статкус В.Ф., Цоколов И.А., Жидких А.А. «Предъявление обвинения и составление обвинительного заключения»;
Кларк Р. «Преступность в США» и др.

«КОЛЫБЕЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Ростовцев М.И. «Рождение Римской империи»;
Ростовцев М.И. «Эллинизм и иранство на юге России» и др.

«ЮНОСТЬ ЕВРОПЫ»

Дживелегов А.К. «Средневековые города в Западной Европе»;
Петрушевский Д.Д. «Очерки из истории средневекового общества» и др.

«ЯПОНСКИЙ САД»

Николаева Н.С. «Япония–Европа»;
Николаева Н.С. «Художественная культура Японии XVI столетия» и др.

По вопросам закупки книг обращаться в редакцию
издательского дома «КНИЖНАЯ НАХОДКА»
по тел./факсу: (095) 205-34-70
e-mail: info@booknahodka.ru

74-25

дома
ОДКА»

е издательство и оптовая книго-
оставляет около 50 наименова-
научно-популярной литературы
ИЖНАЯ НАХОДКА» быстро увели-
ское полиграфическое исполне-
страничке в сети Интернет -
с аннотациями на предлагаемые

КНИГ:

м»;
ски в вопросах и ответах;
вание собаки» и др.

ное заключение: язык и стиль»;
«Предъявление обвинения и со-

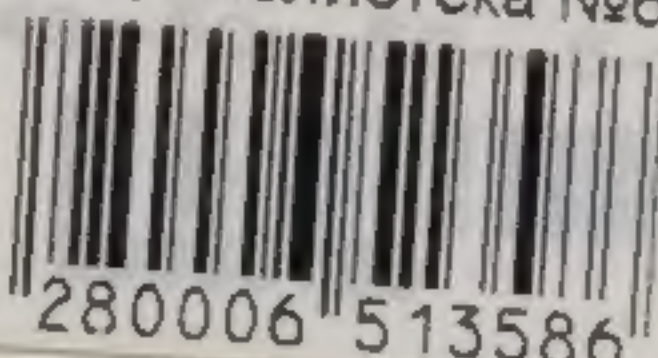
иперии»;
на юге России» и др.

да в Западной Европе»;
и средневекового общества» и др.

тура Японии XVI столетия» и др.

бращаться в редакцию
ИЖНАЯ НАХОДКА»
5) 205-34-70
кнаходка.ru

Библиотеки Москвы
СВАО, Библиотека №61-1

0 280006 513586

Образцов

Виктор Александрович

Доктор юридических наук, профессор, автор более 160 публикаций по проблемам криминалистики, в том числе фундаментальных: «Теоретические основы раскрытия преступлений в сфере производств», «Криминалистический классификатор преступлений» и учебника для юридических вузов «Криминалистика».

В 1962–1974 годах работал следователем по особо важным делам Прокуратуры РСФСР.

Четверть века В.А. Образцов занимается научно-педагогической деятельностью, делясь с молодыми криминалистами опытом практической следственной работы.

Организовал выпуск альманаха «Записки криминалистов».

В настоящее время – профессор кафедры криминалистики Московской государственной юридической академии.

Кручинина

Надежда Валентиновна

Кандидат юридических наук, доцент, с 1983 года преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Иркутского государственного университета. С 1990 года – сотрудник органов внутренних дел. С сентября 2002 года – заведующая кафедрой уголовного права и уголовного процесса МГОУ.

Сфера непосредственных научных интересов – пространственно-временные связи и отношения в криминалистике. Автор более 40 научных и методических работ, в т.ч. монографий «Алиби. Теоретические проблемы и прикладное значение в уголовном судопроизводстве» и «Время как базисный элемент криминалистически значимой информации о событии преступления» (обе совместно с В.И. Шикановым). Одна из авторов Комментариев к УПК РСФСР, выдержавших 5 изданий (1996–2001), и Комментария к УПК России.

